

ГЕОРГИЙ
ГАВРИЛОВ
ЗАПИСКИ КРОХОБОРА

Георгий Таврилов

*Альманах Крохобора,
или
Достоверная повесть о том,
как я читал
роман Виталия Диксона
"Августейший сезон"*

Урютинск

2011

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос)6
Г 12

Автор приносит сердечную благодарность всем, кто принял участие в подготовке и издании книги: художнику Вере Дунаевой, моим соавторам Олегу Базильскому, Виталию Белоколодову, Борису Гольдбергу, Михаилу Развозжаеву, а также тем, кто оказал помощь в сборе материала и предоставленные фотографии. Особенная авторская признательность выражается Олегу Мальцеву за финансовую поддержку издательского проекта.

Гаврилов, Г. К.

Г 12 Альманах Крохобора, или Достоверная повесть о том, как я читал роман Виталия Диксона «Августейший сезон, или Книга российских календ» / Георгий Гаврилов. – Иркутск, 2011. – 300 с., илл. (Серия «Альтернативная история») ISBN 978-5-91344-302-1

Эта книга – не классический мемуар. Собранные воедино переписка двух частных лиц, рассказы свидетелей и очевидцев совместных событий, подборка публикаций в периодической печати, документальные материалы и прочие источники – всё это, в совокупности, является свидетельством времени, условий, стечений обстоятельств общей жизни и личных судеб жителей российского провинциального города.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос)6

ISBN 978-5-91344-302-1

- © Гаврилов Г.К., 2011
- © Дунаева В.М. – художественное оформление, 2011

...Сочинитель молча восхищался учёными товарищами, очень даже не засухарелыми в своей строгой науке, наоборот, развязными и распоясанными, как поэты, которые только и способны придумать такое: «формула ожидания», «горизонт событий», какие молодцы, всё-ж-таки, эти академики...

Штатный сотрудник Тихого Дома, специалист по контактам с НЛО, сидевший с краюшку в заднем ряду, "прокачивал" тот горизонт в негласной умственной разработке: либо у вышеназванной черты все события кончаются, либо начинаются, но если, как учили, линии горизонта на самом деле не существует, то, значит, событиям нет ни начала, ни конца, просто они переходят друг в друга, текут одной рекой, таким млечным путём с кисельными берегами, почему нет?..

Виталий Диксон.
*«Августейший сезон,
или Книга российских календ»*

От первого лица

Когда я впервые, в ноябре прошлого года, через своих друзей-товарищей разыскал номер телефона и позвонил в Иркутск писателю Виталию Диксону, у меня была единственная цель: познакомиться с автором книги и сочинения, вызвавшего у меня сугубо профессиональный режиссёрский интерес, и испросить у него согласие на сценическую версию этого литературного произведения. Созвонились. Кратко переговорили. Обменялись электронными адресами. Завязалась переписка.

Я репетировал со студентами Прокопьевского колледжа искусств будущую постановку, сумев и их заразить необычайно сочным, ярким и выразительным языком Диксона. В самый канун нового 2011 года состоялась премьера спектакля «Когда боги шутят». В январе видеoversия была выставлена уже на двух десятках интернетовских сайтов. Кажется, это уже был некоторый успех. Но даже тогда я не мог подумать о том, что наше с писателем заочное общение выльется в книгу. И к моим предыдущим родам и видам занятий, частенько пародируемым друзьями, вроде чисто ильф-петровского: «Служил Гаврилов режиссёром...» или «Служил натурщиком Гаврилов, Гаврилов тип изображал...», в самом скором времени прибавится ещё одно, новенькое:

*Служил Гаврилов беллетристом,
Гаврилов книгу сочинял...*

Писатель был снисходителен к моим скромным и непритязательным способностям. Спасибо ему за это.

1

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

27 ноября 2010

Уважаемый Виталий Алексеевич! "Вот какой пронзительный случай образовался" (это я уже Вас цитирую!). Боги, которые шутят, через Борю Гольдберга предложили мне Ваши книжки. Прочитал. Сразу же малость охренел от удовольствия. Потом перечитал -

охренел поболее. Потом уже своих студентов познакомил с "Богами..." Результат: решили взять повесть в работу по курсу "Сценическая речь". И практическая работа по этому самому курсу начала складываться в литературный спектакль с оттенками скоморошьего театра.

А начало спектакля вот такое: - Уважаемая публика! (Общий поклон). Твоему вниманию предлагается спектакль в рамках экзамена по Сценической речи, поставленный на втором курсе театрального отделения, руководимого Заслуженным Юрием Тимофеевичем Республики (Поклон в сторону руководителя курса). - Итак! Комедия о настоящем обустройстве государства Российского, о царе Петре и писаришке Васье Хворобьева, писана неподражаемым Виталием Алексеевичем Диксоном! (Поклон в сторону автора, если автор примет предложение посетить премьеру) и поставлена рабом Божьим Георгием Константиновичем! (Поклон в сторону педагога-постановщика). А дальше по тексту с хорошим умным скоморошеством. (Первое название пушкинского "Бориса Годунова" - "Комедия о настоящей беде государству Московскому, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве, писана рабом Божьим Алексашкою Сергеевым Пушкиным в лето 7333 на селе Городище") Думаем, Александр Сергеевич на нас не обидится за эту "реплику".

Кстати. В нашей учебной аудитории над классной доской помещен такой лозунг: "Уж артист-то обязан превращать мычание окружающего мира в артикуляционное звучание. Виталий Диксон". Не возражаете против такой редакции? Такая вот задумка. Количество эпизодов - 20. Двадцать первый - не эпизод, а, разумеется, Век. Количество исполнителей - 13. Количество времени - пока не знаю. 3/4 материала уже почти сложилось. Срок сдачи - конец декабря.

Дети-студенты пока еще совсем зеленые, но вкальвают с громадным энтузиазмом. Не столько репетируем, сколько тренажом занимаемся. В нашей задумке важен каждый звук, каждый жест, каждое Слово, каждая Фраза, каждая Поза. Потому и тренаж, а не репетиция. Скорее всего, не Станиславский, а Дидро и Дельсарт. "Верно найденный жест родит верное чувство".

Весь курс Вам кланяется и ждет Вашего благословения. Будем рады Вашим подсказкам, советам и указаниям на

какие-то моменты, которые могут ускользнуть от нашего внимания.

Искренне Ваши - студенты и педагог 2 курса театрального отделения Прокопьевского колледжа искусств.

2

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

27 ноября 2010

...А ведь ничего, кроме пожелания вам всем удачи, мне и сказать-то нечего, уважаемый Георгий Константинович! Всё, что касается текста, мной уже сделано - так, как мог (буквами на бумаге). Вы создаёте другое (сценическое воплощение) - и я не вправе ничем ограничивать пространство вашего творчества. Я принципиальный противник вмешательства писателя (прозаика, драматурга и т.п.) в работу профессионального режиссёра. Так что, - карты Вам в руки и весёлого куража!

Впрочем, пишите. Буду рад ответить на конкретные вопросы и предложения.

P.S. Иркутск, как известно, городок маленький. Все всё про всех знают...Так вот, спрашиваю одного, другого... - а мне в ответ восторженное ООО! - с присовокуплением некоторых деталей: а ещё Жора классно дерётся на шпагах!..Что ж, - думаю, - вполне подходящий партнёр!

3

Георгий Гаврилов - Виталию Диксону

29 ноября 2010

Рад, что у меня заново настраиваются связи с Интеллигентным Иркутском ("Жаль, что меня там нет"). Я - Иркутчанин! И громадно люблю этот город. Привет ему! Пытаемся создать студенческий учебный театр. Трудность - в нахождении подходящего помещения (колледж, к сожалению, убог площадью). Конечно, нам будут нужны друзья-советчики-консультанты, истинные доброжелатели культуры и искусства. То, что в этой сфере сейчас происходит, иначе, как "агрессивной рекламой нашей пошлости" назвать нельзя. Это сказал не я, но это сказано точно.

С "Августейшим сезоном..." пока познакомиться не представилось возможным. Но это дело ближайшего времени, моя дочь (слава Богу) оставшаяся иркутянской, вместе Борисом Гольдбергом не дадут быть мне недоучкой.

Днями познакомим Вас с характером нашей работы при помощи фотографий.

Искренне Ваш - коллектив театрального отделения.

4

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

14 декабря 2010

Виталий Алексеевич!

Наконец-то удалось сделать несколько снимков. Качество хреновенькое. Количество жиденькое. Пусть это будет черновик. В среду постараюсь сотворить что-нибудь более вразумительное, выразительное и понятное. Экзамен по сценической речи назначен на 29 декабря. Конечно, наш спектакль на Золотую Маску никак не потянет, но говорить по-русски дети, кажется, уже научились. За экзамен не волнуюсь, но спектакль будет несколько сыроват. Над ним нужно еще много работать. Но процентов на 50 результат образуется.

Будем очень рады видеть Вас у Нас на первом показе возможного Крупного Произведения Театрального Искусства. Во всяком случае, обещаем показаться достойно.

Очень хочется встретиться. Встретим. Устроим. Ваш ГГК.

5

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

19 декабря 2010

Никогда - после окончательного отъезда Кокорина из Иркутска - не водил знакомства с театральными режиссёрами (кроме коротких, в основном рюмочных, общений с Володей Гуркиным).

А на одном из сохранившихся фото - Слава готовится к "озвучке" одного из текстов моей тогда новой, только что

изданной книги, 1996 год, понятное дело, в кабаке дело было...Ну, а я ему нужные, выбранные им странички, любезно открываю...Так и стоим. Два лицедея. Пара шутов. Присоединяйтесь! А «ПараШут» - вполне приличное название для молодёжного театра. Нет?

6

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

31 декабря 2010

Кстати. Во времена геологического студенчества я был активным парашютистом в иркутском аэроклубе при ДОСААФ (1956 - 58 гг.). 48 прыжков. Чемпион области в командном зачёте. Команда спортсменов Иркутского геолого-разведочного техникума.

7

От первого лица

На премьеру спектакля, которая состоялась в Прокопьевском драматическом театре им. Ленинского комсомола, приехала Вера Михайловна Дунаева, иркутский художник и творческая сотрудница Диксона. Она сделала видеозапись спектакля, монтаж и полную видеовersion выставила в Интернете, в RAMBLER. Забегая вперёд, замечу, что эти ролики уже через полмесяца были «схвачены» другими сайтами: более полутора десятков, в том числе...в Турции и на моей родине, в Азербайджане, ставшем зарубежьем.

Кроме того, Вера Михайловна привезла роман Диксона «Августейший сезон», роскошный том! И ребятам моим – каждому по книжке «Цитадель».

8

Виталий Диксон - Георгию Гаврилову

10 января 2011

...В Дюссельдорфе, в интернет-журнале «Зарубежные задворки» опубликованы страницы моей будущей книжки «Однажды мы жили». В этой книжке нет вымысла. Речь – о реальных лицах, живых и уже ушедших, о тех, с кем

сталкивала меня судьба. Не пересекались ли с ними и ваши пути-дорожки, Георгий Константинович? От самого первого сюжета ("Ленинградский почтальон") – до последнего...

А на скорых днях поделюсь с вами своим впечатлением и соображениями – от дунаевской видео-версии "Когда боги шутят".

9

Сундучок Крохобора

Виталий Диксон

ОДНАЖДЫ МЫ ЖИЛИ...

Случайная проза

1. ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПОЧТАЛЬОН

В обширном пространстве, наполненном по вертикали ультрамарином, с белым горизонтом, вознесённым на высоту, достойную императорских величеств и высочеств, – четырёхметровую! – с тёмно-вишнёвым полированным деревом и сплошной зеркальной стеной, фокусирующей мелкие, средние и крупные провокации... – в этой сверхъестественной кубатуре мгновенно бросалось в глаза ярко-малиновое пятнышко. Оно как будто было задумано декоратором, это специальное пятнышко в интерьере гардеробного зала Санкт-Петербургского Дома актёров, что на Невском проспекте близ Аничкова моста.

Этим пятнышком была жакетка Елены Львовны, седовласо-торжественной, с усталой спинкою вечной служительницы всего того, что начинается с гардероба...

Так вот и потянуло: меня на оду, а оду – на диван.

Чёрный, кожаный, из девятнадцатого века... С ума сойти, как вообразишь да представишь: какие народные, заслуженные, лауреатские задницы покачивал во времена оны этот диван на своих нежных пружинах!

Но тут пришёл Левит.

Пришёл, значит, Левит и уселся рядом со мной. Левит был похож на Левита, которого я видел лет сорок назад на ленинградской сцене.

Вечный Левит.

И диван привычно выгнулся под ним.

А подлокотники с резными мордами каких-то зверей ревниво подставили Левиту свои деревянные спинки.

Ни один корифей петербургской сцены не дотягивался сразу до двух звериных диванных подлокотников.

Левит – тоже.

– Александр Николаевич, – говорю я, – не затруднит ли вас, сударь, пояснить, что это за морды сторожат нас с двух сторон? Чудится мне в них что-то родное, до боли знакомое...

– Сфинксы, – отвечает Левит. – Кроме них здесь не может быть других зверей. Обязательно сфинксы! Сейчас расскажу почему...

Но тут явились ещё двое: магнат фармакопеи Виктор Архипов, подчёркнуто взвешенный и, кстати, бывший иркутянин, и писатель Павел Крусанов, черноголово-лохматый, в той же самой, как мне показалось, вельветовой курточке и в тех же замшевых мокалинах, что и два года назад, в кратковременном иркутском пребывании.

– И что сидим? Кого ждём? – воскликнул Архипов телерекламным голосом.

– Вперёд! – скомандовал Левит.

За квадратным ресторанным столом пошли перекрёстные диалоги, не мешавшие один другому; фразы, не сталкиваясь, проходили насквозь друг дружки, как шеренги военных музыкантов на показательных выступлениях, и без проблем достигали адресата; но когда в воздушном пространстве над столом пересекались одинаковые слова вроде «давайте» и «будем», то они, совпадая на встречных курсах, создавали согласный звон, напоминавший увлечённым собеседникам об очередном наполнении рюмок.

Магнат фармакопеи держался взвешенно, писатель зорко выцеливал сюжеты, мне оставалось немного: дымить одинокой сигаретой, а Левит на вопрос «Как живётся?» энергично отвечал, как ему хорошо живётся, вот если бы ещё драматурги не были таким дерьмом, а то всё несут и несут ему, режиссёру и действующему актёру, какую-то херню, а так – всё хорошо, замечательно, другу-однокурснику Виле здесь очень понравилось бы, пусть приезжает, встречу, как родного, весь Невский район Питера будет в его распоряжении, и целый дом впридачу

на Товарищеском проспекте, рядом с Есенинским парком, под окнами бежит речка Оккервиль, которая впадает в Большую Охту, которая впадает в Неву, которая впадает в Финский залив Балтийского моря, одним словом, друзья, все мы куда-нибудь впадаем, особенно в осеннем возрасте жизни, закон природы, хочешь-не хочешь, а обязательный! – это всё равно, что по-шахматному правилу: взялся за фигуру – ходи! или по-джентльменскому этикету: дал слово – держи его, пообещал – выполни! или по-нашему: раскупорил бутылку – наливай! дело вечное, человеческое, обязательное...

И далось же Левиту слово это – «обязательный». Далось. И он держит его, не хуже паузы.

Славные мои товарищи слушали Александра Николаевича, и о чём они думали в это время – я, конечно, не знал, но о чём я тогда сам думал – вспоминаю: вот о чём... Уж сколько имён прилагательных прицеплено к человеку – неисчислимо! При этом, «тварь божия» – «не считово», ибо – некорректно: «твари» в этом творении всё-таки будет побольше, чем божьего. Зато уж прочими эпитетами полнёхоньки словари. Трудолюбивый, исполнительный, бдительный, дисциплинированный, хороший, верный, и такой, и сякой... – всё слова, слова, слова к определению качества, да все вразнобой всхлипывающие по идеальному человеку. А ежели – вон их! долой! и вместо сонма эпитетов оставить один: «обязательный»? «Человек обязательный» – это же почти научная классификация: точное (точней преждевременного «разумный!»), позарез нужное в настоящее время и ко многому обязывающее в будущем именование человека в бог весть куда впадающем мире эволюций и революций. Наипервейшее качество – о чём люди редко вспоминают и ещё реже задумываются, но о чём хорошо знает каждая уличная собака, а одна моя знакомая бродяжка даже поскуливает доверительно о том, что млекопитающие животные собаки, бывает, грызутся из-за бросовой косточки, но уж вы, млекопитающие животные человеки, если назвались человеками – будьте ими! и тогда как похорошело бы жить на этом свете – и нам, и вам, и всему свету...

А посреди застолья Левит выпросил у меня блокнот и принялся сочинять письмо старому другу, в Иркутск.

– Передадите? – спросил.

– Обязательно, – ответил я и втиснул блокнот в кармашек кожаной сумки, и всё складывалось совершенно по-маршakovски: и сумка, значит, была, и была она толстая, на ремне.

В Иркутске меня ожидала неприятная новость: почтовый адресат тяжело болен.

Я перекладывал блокнот на столе с места на место и беспокойно маялся в ожидании случая.

Наконец, не выдержал – и вторично позвонил.

К радости моей, Виталий Константинович Венгер взял трубку, и по его просьбе я коротко изложил суть письменного послания из северной столицы. Он был рад. Но визит мой вновь откладывался на неопределённый срок. И тогда я решился сказать:

– А что, Виталий Константинович, ежели личное письмо принять как актёрский монолог? Актёр-то на сцене – весь как персональное личное дело, сугубо личное, хотя и получается, что наедине со всеми, с публикой...

– С театральным зрительным залом, – продолжил Венгер и, кажется, вздохнул.

– Вот-вот, тот самый случай. Опубликуем?

– Почему нет? – подыграл мне Венгер. – Бывает и такой случай, как последняя гастроль артиста...

«Дорогой Виля! Передаю тебе сердечный привет через Виталия Алексеевича. Я ещё действую, Виля. Работаю в Театре Сатиры – не в Москве, а в Петербургском. Очень хочется тебя увидеть и посидеть-повспоминать. Нас осталось очень мало с курса. Я бываю на юбилеях в Щукинском училище (теперь институт). Вижу некоторых и сожалею, что ты не приезжаешь. Остались последние могикане. А вдруг будешь в Питере? У нас в театре работает Юра Ицков. Может, ты его знаешь, он из Омска. Мои координаты: 103231, Санкт-Петербург, Товарищеский проспект, дом 28-А, кв. 126, Левит Александр Николаевич. А помнишь, Виля, как мы встречались в Иркутске, когда я был там с театром им. Комиссаржевской в 78-м году? Как втроем сидели на даче у Бори Райкина и под омуль немножко выпивали водочку. Мне уже 73 года. Из курса осталось мужиков 4 человека. Я надеюсь, что всё-таки увидимся. Будь здоров. Обнимаю.

Твой Саша Левит, выпуск Шихматовского курса 1955 года».

А что потом? Потом я, наверное, приду к Венгеру и постучу в дверь – с толстой сумкой на ремне. Эльза Павловна откроет дверь и всплеснёт руками; «Как хорошо, когда приходит почта! Людям обязательно нужно писать друг другу».

Я передам ей послание из Петербурга (опубликованное в газете плюс оригинал) и откланяюсь, чтобы не причинять лишнего беспокойства.

Однако в тот же день отправлю в Санкт-Петербург тоненькую бандероль с газетами – Левиту. Не забыть бы только в сопроводительной записочке поместить приветы с наилучшими пожеланиями Вите и Паше, и вечной Елене Львовне, хранительнице пространства, с которого начинается храм, а заодно и заявить решительно самому Левиту о том, что подлокотники знаменитого дивана украшены резными мордами, увы, не сфинксов, но обыкновенных баранов с необыкновенно закрученными рогами, коих у сфинксов не бывает, закон природы...

– Да? – обязательно воскликнет Левит. – Не может быть! Я сто лет сижу на этом диване! И сижу – не как мебель! А почему вы так прочно знаете, что у сфинксов рогов не бывает? Бывает, что и бывает... С точки зрения вечности, как сказали бы в Древнем Риме...

И я, конечно, немедленно соглашусь с древними римлянами. Блестящие в латах латыни, они знали толк и в точке, и в зрении, и в вечности.

10

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

11 января 2011

Ещё как пересекались!

С Виталием Константиновичем познакомились в самом начале 60-х. Венгер - молодой актер, я - молодой геолог, в зимний камеральный период до пяти (или до шести) на основной работе, а потом на полставки - монтировщик в драмтеатре. Нет, не из-за денег, конечно. Зов крови, геновое беспокойство.

Отец мой, Сопельников Василий Георгиевич, бакинский гидростроитель (пристани строил) был в 30-х годах ведущим артистом самодеятельного драматического коллектива (по-теперешнему - Народного театра) при Клубе Водников. В 37-м, за три месяца до моего рождения, за ним пришли. И всё. Только через 20 лет дед, отец Василия, получил ксиву о реабилитации и две месячных зарплаты репрессированного. А я с тех самых пор стал документально Гавриловым Георгием Константиновичем. Царствие небесное Константину Павловичу, который настаивал на усыновлении, дабы мальчик Гога не рос и не вырос сыном врага народа.

Так вот. Там, в театре, и началась с Венгером и взаимная симпатия, и дружба, которая, Слава Богу, поддерживается до сего дня. Летом, когда был в Иркутске, повидаться не случилось, но телефонно пообщались. Порадовал голос Вили, молодой, звонкий и бодрый. Получил от него презент, его книгу "Птицы небесные", которую переслал мне Боря Гольдберг. И - о Щукинском Училище, родном и для него и для меня, и об Иркутском драматическом театре, тоже в общем-то родном.

С Сережей Иоффе, с этим добрейшим, удивительно мягким, благородным, интеллигентнейшим человеком, мы приятельствовали. Я сохранил его первую маленькую тоненькую книжицу - сборник стихов в комплекте "Бригада". Стихи Серёжи стали тем материалом, на котором я обучал студентов "выразительному чтению". Для Насти Полейко (та, что играет роль императрицы Екатерины в спектакле) Сергей Иоффе стал одним из самых любимых поэтов.

И есть у меня среди десятка портретов, писанных с меня иркутскими художниками, и портрет, созданный Володей Тетенькиным за один сеанс. И есть его картина "Март", подаренная мне в мой день рождения. Когда я забегал к нему посидеть-поболтать в мастерскую на площади Декабристов, он всегда ударял в колокола, коллекция которых была потрясающая. Володя всегда встречал гостей колокольным звоном.

И еще одна фамилия: Тендитник. О ней пишу с отступом от предыдущих. Из четырех доносов в КГБ на меня один - её. Я со студентами филологического и журналистского факультетов ИГУ пытался поставить пушкинского "Бориса

Годунова". Спектакль был готов процентов на 60-70. Собрался университетский Сенат - время пришло решать сколько нужно денег, чтобы спектакль стал Спектаклем. Была там и Тендитник. И еще Ковригина, тоже профессор.

Всё началось с простого вопроса от мадам Тендитник: кто в спектакле у меня играет Марину Мнишек? Я ответил, что тут проблема: никак не могу найти девочку, которая сыграла бы "базарную бабу в папильотках". Тендитник в прямом смысле подскочила на стуле. "Как? Марина Мнишек для вас - базарная баба? Она же аристократка!" Я попытался объяснить ей, кто такая Марина, кто такой Юрий Мнишек (безродный прохиндей, аналог Алексашки Меншикова, поставивший худосочному королю баб, за что и вознаграждался замками, и ограбивший умершего короля так, что того в гроб положить было не в чем). Одним словом, обидел профессоршу. А когда она ещё что-то попыталась булькать и мне пришлось сказать, что Александр Сергеевич написал свою народную драму не о народе, а для народа, то есть произведение для площадного скоморошьяго театра... Ну, вот тут-то и началось самое забавное... На мой вопрос, знает ли она первое название "Бориса", профессорша обделалась окончательно: "Напомните". Я и "напомнил": "Комедия о настоящей беде государству Московскому... "

А преподавала-то она русскую литературу! И весь этот вышеприведённый фарс проходил при довольно большом скопище лиц. Видимо, это и послужило причиной доноса. И ещё три доноса организовала Тендитник: от профессора Ковригиной, от студента-выпускника Сережи Тарасова, в том же году приглашённого на работу в КГБ, и от студентки, которая очень хотела быть Мариной Мнишек. Несколько раз (2 или 3) меня приглашали на "беседу" в КГБ. Всё, что напачкали в доносах эти старатели, я легко и доказательно опроверг, благо сотрудники, занимавшиеся моим делом (3 человека) оказались довольно приличными и не глупыми людьми, и все закончилось бы тем, что пожурили бы, погрозили бы мягко пальчиком и за ручку бы распрощались.

Но "вот какой случай образовался". Встретился мне в солнечный воскресный день посреди улицы Большой упомянутый выше Тарасов. И влепил я этому Тарасову от всей души наотмашь публичную пощечину. А через

полчаса позвонил дежурному КГБ, узнал домашний телефон Георгия Михайловича Евелькина, одного из моих дознавателей, позвонил ему и сообщил о происшедшем событии с добавлением: не расценивайте мой поступок, как выходку в адрес вашей общей конторы, это плата за подонство. Евелькин обязан был об этом звонке доложить наверх. Он и доложил. А там: "Наших бьют!" Короче. Было возбуждено дело. Обыск. Суд. Год принудительных работ. Через 10 месяцев попал под амнистию. Такой вот сюжет. А внутри этого сюжета много ещё забавной филиграни было.

Вот, много чего изложил только из-за одной фамилии «Тендитник». Надежда Степановна, называется.

Одним словом: "ОДНАЖДЫ МЫ ЖИЛИ"!

Многое и многих пере-пере-пережили...

С пожеланиями успешной и интересной работы.

ГК - и точку в конце не ставлю

11

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

11 января 2011

...помните, как восторженно рычал Высоцкий: "Здесь вам не равнина, здесь климат иной..." ? Высоцкий имел в виду горы. Я имею в виду болото. Это уже ниже уровня всякого приличного моря - когда иркутская наша провинция уже не столько российское захолустье, сколько захолуйство, сливная яма, отстойник чудовищного замеса: коммунизм с советской властью + монархизм с православием + черносотенный национализм с русским фашизмом...

Хронологически безупречно: если в XX веке еще можно было отмахнуться от ползучей распутищины, то с началом нового века, в новой стране, в стране по лекалам Лилипутина и его братков, эта распутищина уже встала на четвереньки и гавкает: "Мы победили!" (Между прочим, именно так и было провозглашено публично в 2008-м году, на открытии Вампиловского театрального фестиваля; в ответной же речёвке главная чиновница Иркутской культуры Вера Ивановна Кутищева аж затрепетала по-новодевичьи, дескать, а мы и дальше так будем одушевляться и одухотворяться в духе Александра Валентиновича Распутина!.. - и зрительный зал замер, и

молчал-молчал, но молчание становилось неприличным, и поэтому из партера возник спасительный вполголос (на весь зал!): дура ты дура! и чего ж ты, дура, из Вампилова и Распутина одного двухголового кентавра делаешь?! - но ничего-то эта Вера так и не поняла - ни из одинокого голоса вполголоса, ни из всеобщего молчания, одного на всех).

Вы понимаете? Нечем дышать в этом городе. Люди (а главное, наша творческая молодежь, дерзновенная, значит, дерзкая, которой трудно управлять) покидают Иркутск любыми путями. Друг мой Толя Кобенков (вы встретите его в романе) всю жизнь терпел агрессивное невежество, публичные оскорбления, злобное хамство, антисемитские провокации - не выдержал и, уже с инфарктом, бросил все здешнее относительное благоустройство - ради семьи и ради московской крошечной кубатуры-квadrатуры круга обреченного; пожил в столице полтора года, улетел во второй инфаркт, откуда уже не вернулся, и похоронили его в двестишестом августе на Переделкинском кладбище - на окраинке, в срезе обрывистого склона, рядом с двумя Юриями, уважаемыми им, - Давыдовым и Щекочихиным, в одной земле лежат, в одном юрском периоде... Вы понимаете? У Толи осталась статья об иркутской литературной жизни: «Знамя», 2001, №1.

К чему я говорю все это? Вы уже догадываетесь. В России живем. Без лишних вопросов. В России вообще задают вопросы не потому, что хотят услышать ответы, а потому, чтобы не отвыкнуть от вопросительной формы жизни. И это еще терпимо. Но если в один осязаемый исторический момент кто-то вдруг возьмет и пересадит весь народ из страны проживания в государство по имени Керогаз... Иду к книжной полке, достаю "Золотую симфонию" Ларисы Миллер и читаю Вам с молодыми актёрами, слушайте - о московском детстве с керосиновой лавкой в соседнем дворе: "Дивный запах керосина. Я могла стоять часами, вдыхая этот запах и наблюдая, как продавец в необъятном жестком фартуке разливает через воронку керосин по бидонам. Булькает керосин, звякают крышки бидонов, звякают монеты. Детство мое, родина моя..." У родины все запахи хороши, правда ведь? Но жить в Керогазе нельзя: и люди хотят знать, почему явилось очередное мгновение весны из серии бесконечной, а Штирлиц выродился в керосинщика питерского розлива, к

тому же, словно бандит, вооружен и очень опасен? и что теперь делать с этим нынешним "керогазом", который, с одной стороны, стал образом России XXI века, а с другой стороны - детством пахнет, родиной, горделивыми нашими балетами и ракетами, которые, между прочим, начинались при керосинке и мирно уживались друг с другом...а уж этот танец-то маленьких лебедей! так тот прямо-таки аккомпанировал похоронам и рождениям, аплодировал нижними конечностями, перманентный плакальщик и повивальщик новым временам... - ну, и когда же этих знаковых лебедей снова будут по телевизору показывать? Но телезрители уже не верят телевизору и избегают газет. Ответственно утверждаю: бывшие телезрители ушли в интернет и оттачивают свои мнения о текущем моменте на "Новой газете"...

Вот я и поблагодарил, чем мог, журналистов за профессиональную работу - от себя лично, и за того парня, и за другого, и за третьего...Так мой АС улетел в НГ - в ведомство Ольги Тимофеевой и Олега Хлебникова.

Что делаю сейчас?

Час назад, у моря (говоря прозаически, у Иркутского водохранилища, в 200 метрах от моего дома) думал про упомянутое вами "пере-". И вот что мне взбрело в голову, у моря. Мне кажется, что эта "пере" все же не пахнет керосином, тут скорей всего - восковая свеча да одиночество: келейно-монастырская письменная традиция. Вот, скажем, Пимен в "Годунове": "Еще одно, последнее сказанье - и летопись окончена моя..."- что, в летописи монах собирается ставить точку? нет, не в летописи, в жизни, кончается срок, пора уж... Это - Пимен. Возможно, у других келейников случается, что последнее сказанье милостиво уступает место предпоследнему, вполне может быть, не правда ли?

Был, значит, у моря. У замёрзшего моря. Вокруг зима свирепствует, а мне весна грезится. У нее несерийный формат. У нее чейн-стоксово дыхание близкой победы России в борьбе с самой собой. А еще весна похожа на явление музыки Стравинского к балету "Весна священная": странная, дурная, мистическая, чудовищная, страшная, дикая, обаятельная, пьянящая, непонятная, необъяснимая, неправильная, из ряда вон... - такими, впрочем, и некоторые романы бывают, я же говорю вам: Россия, балеты всякие, ракеты, керогаз...В небе, правда,

ракет не наблюдалось, но регулярно пролетали реактивные лайнеры и, как бы между прочим, пассажирская ТУшка на взлете урчит сагу о форсаже нотою "ми-бемоль" второй октавы... Будьте здоровы. Диксон.

12

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

12 января 2011

...Ну, и что же делать?

Вспоминаю: мне 4 года. Мама моет мне под краном руки (я почему-то это сам - не с рассказа мамы - помню). Я: "Мам, нас трое" - Мама: "?"- Я: "Ленин, Сталин да Я!"...

Это не сказка, а присказка.

Виталий Алексеевич, нас двое! - Кокорин да Я! Как так? А вот так.

1. Он - режиссёр, и я - режиссёр.

2. И Он, и Я - нас всего двое (режиссеров), с кем знаком писатель В. А. Диксон.

3. У него куриная фамилия, у меня - собачья. Такой хуторской дворик получается при доме писателя В. А. Диксона.

4. У него - "Кашганка" (по слухам с Золотой Маской), у меня - "Я - Рекс!" по рассказу Г. Горина (диплом 2-й степени на Всесоюзном смотре моноспектаклей еще в советское время; диплом 1-й степени у Товарища с работой по какой-то одной из книг Брежнева). Этаким дуализм.

Такая вот квадрига получается. Да ещё пристёжка - он почти иркутянин, я - тоже!

Изучаю "Августейший сезон". Очень медленно и вдумчиво. Иногда хихикаю, иногда хохочу! Много очень узнаваемо.

По поводу театральных композиций - весьма достоверно! Но вот пьесочку про Балду и Попа выбрал бы чуть-чуть в другой редакции:...

Б а л д а. Если не дашь, то тебе будет фиг юных пионеров на крестный ход.

П о п. Тогда тебе фиг будут монашки приветствовать краевую партийную конференцию.

Б а л д а. Да? Так я тебе фиг дам комсомольско-молодежную бригаду комтруда на ремонт храма.

П о п. Тогда тебе будет фиг булочки с маком из нашей пекарни. Выкусил?

Б а л д а. Тогда тебе фиг закрытые письма из ЦК.

П о п. А тогда... а тогда фиг тебе тайну исповеди!

Б а л д а. Да? Тогда положи на стол партийный билет.

Далее по тексту.

Лет двадцать назад сподобил меня Бог поставить пушкинскую сказку для детишек детсадовского и младшего школьного возраста со скоморошьими шутками-прибаутками, песенками и переплясами. Вроде бы получилось славно. Играли много и долго. Потом пришло время спектаклю умереть. Но... К пушкинскому двухсотлетию питерским Домом Творчества объявлен был всероссийский смотр постановок по произведениям Александра Сергеевича. Мой давний друг-товарищ, Тимофей Андреевич Бесчастнов попросил у меня разрешения сделать спектакль по моим инсценировке, сценографии и композиции с детской студией. Результат: Диплом (всероссийский) 2-й степени и поездка детского коллектива на три недели к самому синему Чёрному морю, то ли в «Артек», то ли в «Орленок». Да уж, не боги горшки обжигают, это точно. И – полный О'К!

На такие вот августейшие воспоминания натолкнули начальные страницы «Сезонов».

С наступающим Праздником! Со Старым Новым Годом!

Вас – и всех-всех, кто сохранил себя и свою память, будь он хоть стариком, хоть ребёнком – и сейчас, и прежде...

13

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

12 января 2011

Как же очевидно-чётко Вы пишете! Это в вас «Щука» сидит или Чехов? Потому что - почти математика высшая, которую я ненавидел в школе, но полюбил в военных вузах за красоту ея бессловесную.

Смотрите сами. Вот начало письма=вопрос, унылый порусски: Что делать? Вот и конец=ответ, бодрый «окей» по-американски: О.К.! И текст закруглился в самодостаточное

колесо, которое не только что до Киева, но гораздо дальше докатится, дальше Медведиц, Большой и Малой.

Правда, круг может быть и простым колечком - на руке соперника, с пером вечным (уж не авторучкой, ясное дело!) в троеперстии. Тоже лепота. Локальная. В ней свой космос.

А срединные рефлексии писца тут уж как бы ни при чем, вроде формальной докторской пальпации, без восклицательных океев, без вопросительно-колокольных герцин и др. Dr.Logos беспристрастен.

И я улыбаюсь колониальной улыбкой, в сравнении с которой беспощадные русские бунты (в пушкинском определении) - есть не более чем детские страшилки. Вопрос на губах: неужто Африка сидит в каждом из нас? Наверное, сидит (если Пушкин есть наше всё...) Значит, она сидит в нас. А мы сидим (с ней!) в России. В теремке одном на всех, виды из окон разнообразные: налево - 200 шагов до Белого Дома; направо - 200 шагов до побережья; внизу - почва многозначительная с миллеровой "Золотой симфонией"; сверху - небеса с керосиновой симфонией прогресса, с белой, истаивающей на глазах, газовой строчкой и звуком, настроенным на опережение. Да? Дом - как "черный ящик" с шифровками бортового самописца, где все и всякие чего-то пишут и пишут, и пишут буквально все: от кляузного анонима до рыжего Иосифа, который так хотел "в провинцию у моря" (и это у него получилось, у него не могло не получиться, он был человек несгибаемый, как андреевский крест даже на самых трепетных флагах); как забавно: пишут разные нобелиаты, а выигрывает одна сараскина контора, причем выигрывает не абы как, а прямо по очкам, по очкам - у "интеллигентщины-образованщины", у которой, уже без очков и иной оптики, только шляпы остались да Грузия - как упрек...(Это я намекаю на панегирик во славу Солженицына, книга из серии ЖЗЛ, автор Л.Сараскина, бывшая либералка, а книга не книга, а сплошная «липовая аллея»).

Извините, это уж я по-печному выражаюсь... - к вопросу об упомянутых горшках, которые лепят земляки, но обжигают все-таки боги.

О.К.! Или не О.К.?

Диксон. Взаимно окающий.

Сундучок Крохобора: Дмитрий Таевский

Если вы были ребенком в 60-е, 70-е или 80-е, оглядываясь назад, трудно поверить, что нам удалось дожить до сегодняшнего дня. В детстве мы ездили на машинах без ремней и подушек безопасности. Поездка на телеге, запряженной лошадью, в теплый летний день была несказанным удовольствием. Наши кровати были раскрашены яркими красками с высоким содержанием свинца. Не было секретных крышек на пузырьках с лекарствами, двери часто не запирались, а шкафы не запирались никогда. Мы пили воду из колонки на углу, а не из пластиковых бутылок. Никому не могло придти в голову кататься на велике в шлеме. Ужас.

Часами мы мастерили тележки и самокаты из досок и подшипников со свалки, а когда впервые неслись с горы, вспоминали, что забыли приделать тормоза. После того, как мы въезжали в колючие кусты несколько раз, мы разбирались с этой проблемой.

Мы уходили из дома утром и играли весь день, возвращаясь тогда, когда зажигались уличные фонари, там, где они были. Целый день никто не мог узнать, где мы. Мобильных телефонов не было! Трудно представить.

Мы резали руки и ноги, ломали кости и выбивали зубы, и никто ни на кого не подавал в суд. Бывало всякое. Виноваты были только мы и никто другой. Помните? Мы дрались до крови и ходили в синяках, привыкая не обращать на это внимания.

Мы ели пирожные, мороженое, пили лимонад, но никто от этого не толстел, потому что мы все время носились и играли. Из одной бутылки пили несколько человек, и никто от этого не умер.

У нас не было игровых приставок, компьютеров, 165 каналов спутникового телевидения, компакт дисков, сотовых телефонов, интернета, мы неслись смотреть мультфильм всей толпой в ближайший дом, ведь видеков тоже не было!

Зато у нас были друзья. Мы выходили из дома и находили их. Мы катались на великах, пускали спички по весенним ручьям, сидели на лавочке, на заборе или в школьном дворе и болтали, о чем хотели. Когда нам был кто-то

нужен, мы стучались в дверь, звонили в звонок или просто заходили и виделись с ними. Помните? Без спросу! Сами! Одни в этом жестоком и опасном мире! Без охраны! Как мы вообще выжили?

Мы придумывали игры с палками и консервными банками, мы воровали яблоки в садах и ели вишни с косточками, и косточки не прорастали у нас в животе. Каждый хоть раз записался на футбол, хоккей или волейбол, но не все попали в команду. Те, кто не попали, научились справляться с разочарованием.

Некоторые ученики не были так сообразительны, как остальные, поэтому они оставались на второй год. Контрольные и экзамены не подразделялись на 10 уровней, и оценки включали 5 баллов теоретически, и 3 балла на самом деле. На переменах мы обливали друг друга водой из старых многоцветных шприцов!

Наши поступки были нашими собственными. Мы были готовы к последствиям. Прятаться было не за кого. Понятия о том, что можно откупиться от ментов или откосить от армии, практически не существовало. Родители тех лет обычно принимали сторону закона, можете себе представить!? Это поколение породило огромное количество людей, которые могут рисковать, решать проблемы и создавать нечто, чего до этого не было, просто не существовало. У нас была свобода выбора, право на риск и неудачу, ответственность, и мы как-то просто научились пользоваться всем этим.

Если вы один из этого поколения, я вас поздравляю. Нам повезло, что наше детство и юность закончились до того, как правительство купило у молодежи свободу взамен за ролики, мобилы, фабрику звезд и классные сухарики... С их общего согласия... Для их же собственного блага...

На самом деле в мире не семь чудес света, а гораздо больше. Просто мы с вами к ним привыкли и порой даже не замечаем. Ну, разве не чудо первое советское средство после бритвы? Помните? Кусочки газеты?

А такое чудо, как тюнинг автомобиля Москвич-412? Помните? 5-копеечные монеты по периметру лобового стекла, меховой руль, эпоксидная ручка коробки передач с розочкой и, естественно, милицейская фуражка на заднем стекле.

А резинка от трусов – это же тоже чудо! Ведь она прекрасно держит как трусы, так и колготки и варежки!

Пирожок с повидлом – ну разве не чудо? Никогда не угадаешь, с какой стороны повидло вылезет!

А такое чудо, авоська с мясом за форточкой? Помните: полез доставать – пельмени упали!

А вот этот вот чудесный мамин развод: «Я тебе сейчас покупаю, но это тебе на день рождения»?!

Или вот эта волшебная бабушкина фраза на прощание: «Только банки верните!»

А холодильник ЗИЛ помните, вот с такой вот ручкой? Это же одорукий бандит! Дергаешь ручку – сыпятся банки.

Бесплатная медицина – это тоже чудо. Врач один, а очереди две – одна по талонам, а вторая по записи. А еще и третья была – «Я только спрошу!»

Да, сколько еще их было, этих чудес света...

Маленькое окошко из кухни в ванную – что там смотреть, объясните?

Зубной порошок – чистит как зубы, так и серебро...

Писающий мальчик на двери туалета...

Телевизор «Рубин» – берешь пассатижи и тын-тын-тын!

Плавки с якорьком... помните?!

Молоко в треугольных пакетах!

А вы говорите: «Семь чудес света!»

Ну вот, например, помните, автоматы с газированной водой. Там еще был стакан граненый – один на всех. Сегодня никому и в голову не придет пить из общего стакана!

Кстати, эти стаканы использовали для своих дел местные пьяницы. И, представьте себе, вы только представьте это – они ВОЗВРАЩАЛИ стакан на место!

А люди, вешающие простыню на стену, выключающие свет и бормочущие что-то себе под нос в темноте? Секта? Нет, обычное дело! Раньше в каждом доме проходила церемония, которая называлась – задержите дыхание – диафильм! Помните это чудо?! У кого сейчас работает проектор диафильмов?

Дым валит, едкий запах по всей квартире. Обычное дело!

Миллионы советских детей выжигали открытки мамам на 8 марта – Мамочка, поздравляю с международным женским днем. Желаю тебе мирного неба над головой, а твоему сыну – велосипед...

А еще все сидели в ванной, причем на опущенном стульчаке, причем в темноте – и светил там только красный фонарь... Догадались? Обычное дело – печатали

фотографии. Вся наша жизнь на этих черно-белых фотографиях, отпечатанных собственными руками, ведь вы же помните, что такое фиксаж?

Девчонки, а вы помните резиночки? Удивительно, но ни один мальчишка на свете не знает правила этой игры!

А сбор макулатуры в школе? До сих пор мучает вопрос – зачем? Да, это мы были такими, а вот такими мы стали:

1. По ошибке, ты печатаешь свой пароль системного доступа на микроволновке.

2. У тебя список из 15 номеров, чтобы связаться со своей семьей, которая состоит из 3 человек.

3. Ты отправляешь e-mail своему коллеге, что сидит в соседней комнате.

4. Ты потерял контакт со своими друзьями или семьей, потому что у них нет адреса электронной почты.

5. Ты впадаешь в состояние паники, если вышел из дома без мобильного телефона, и ты возвращаешься за ним.

7. Ты просыпаешься утром и первая вещь, которую ты делаешь – подсоединяешься к Интернету, даже до того, как выпьешь кофе.

8. Сейчас ты читаешь этот текст, ты с ним согласен и улыбаешься.

9. Еще, ты уже уже знаешь, кому ты перешлешь это сообщение.

10. Ты слишком увлечен, чтобы заметить, что номер 6 в этом списке отсутствует.

11. Тебе понадобилась лишь секунда, чтобы пробежать еще раз по Сообщению и убедиться, что номера 6 действительно нет.

Сильно, согласитесь, коллеги.

Дмитрий ТАЕВСКИЙ

<http://news.babr.ru/?IDE=89807>

15

«Как сейчас помню: в 1720-м...»

Это экзамен или спектакль? Или как студенты актёрского отделения колледжа искусств сдают сессию.

. Для студентов конец декабря и начало января не столько праздничная, сколько ответственная пора. Нужно и Новый год отметить, и сессию сдать. Студенты актёрского

отделения Прокопьевского колледжа искусств не исключение. Наш корреспондент наблюдал как происходил экзамен по сценической речи. Шёл на экзамен, а попал на спектакль...

У каждой профессии своя специфика: никаких школьных парт и традиционных экзаменационных билетов. Экзамен шёл не в аудитории, а в малом зале Прокопьевского драмтеатра. Студенты-второкурсники представили спектакль (именно спектакль, а не чтение по ролям), преподаватели заняли зрительские места.

Педагог по сценречи Прокопьевского колледжа искусств Георгий Гаврилов (кстати, диплом режиссёра он получил в Щукинском училище) поставил со студентами спектакль «Когда боги шутят» по рассказу иркутского литератора Виталия Диксона.

Фабула реальна. История авантюрная и почти детективная. Она началась в 18 веке в эпоху Петра Первого, а завершилась... Пожалуй, она продолжается по сей день, и не закончится никогда. Великий реформатор завёз в страну не только картофель, кофе и табак. Он приобщил Россию (во всяком случае, образованную её часть) к европейскому искусству. В частности, именно в петровскую эпоху в Петербург привезли первую античную статую. Позже за ней закрепилось название Венеры Таврической. Ныне это один из экспонатов санкт-петербургского «Эрмитажа». О путешествии мраморной Венеры из Италии в Россию и написал рассказ Виталий Диксон. Впрочем, не только об этом.

Текст изобилует бытовыми подробностями, о которых не прочитаешь в школьных хрестоматиях. Говоря о диксоновской прозе, вполне уместно вспомнить модные словечки «менталитет» и «история повседневности». Например, у петровской военной реформы имелся и такой аспект: на обшлага солдатских мундиров в большом количестве нашивались медные пуговицы. Иначе никак нельзя было научить вчерашних крестьян пользоваться платками – норовили утереться рукавом.

А первый слон, привезённый в Северную столицу, умер от алкоголизма. Приучили его сердобольные русские люди к обильным возлияниям... В петровскую эпоху россияне – образованные и не очень – охотно перенимали европейский «политес», иностранные слова, не всегда понимая их смысл: «Рукавчик-то у вас замаравши,

прекрасная Дуня. Дозвольте обдуть дыхательным волнением эфира?». Насколько точно Диксон воспроизвёл особенности разговорной речи восемнадцатого столетия? Я не лингвист, чтобы об этом судить. Во всяком случае, когда читаешь рассказ, совсем не задумываешься о том, что вышел он из-под пера нашего современника. Не только реплики персонажей, но и авторский текст как будто оттуда, из восемнадцатого столетия. «Как сейчас помню: в одна тысяча семьсот двадцатом году... Как это ни странно, я там был», – пишет Диксон. И ему веришь! Стилистически и интонационно рассказ иркутского писателя перекликается с лесковским «Левшой».

Виталий Диксон задумал свой рассказ не ради хохм и исторических анекдотов. Главную тему можно определить фразой, которая родилась в эпоху античности. В тот же период, что и грациозная мраморная Венера: «Жизнь коротка, искусство вечно». Венера Таврическая стала неотъемлемой частью российской истории, выражаясь современным языком, артефактом. Она сыграла свою роль в жизни людей малоизвестных и знаменитых. На страницах рассказа появляются, например, Екатерина Великая, князь Потёмкин и даже легендарный маршал Великой Отечественной Иван Конев...

Однако каковы бы не были литературные достоинства текста, спектакль – это всё-таки самостоятельное художественное произведение. Педагог по сценречи Георгий Гаврилов не стал писать инсценировку. И всё-таки ещё раз подчеркну: студенты не читали рассказ по ролям, они показали экзаменаторам полноценный спектакль. Будущие актёры демонстрировали не только технику речи, но и уровень актерского мастерства. Каждый сыграл как минимум три роли: своего персонажа, автора рассказа и, наконец, себя самого. В самом начале одна из студенток так определила жанр спектакля: «Комедия о настоящем обустройстве государства Российского, о царе Петре и Ваське Хворобьеве, писана...». Сценография предельно лаконична (по этому поводу режиссер вспомнил «бедный театр» польского авангардиста Ежи Гротовского). На сцене полугругом поставлены чёрные стулья. Тринадцать актёров в черных костюмах с белыми воротниками (по словам Георгия Гаврилова, «униформа современных скоморохов»). Никаких декораций. Только мольберт в центре, на котором выставлялись листки с порядковым

номером очередного явления. Никакого грима. Но зрители-экзаменаторы увидели на сцене художественные образы, а не тех юношей и девушек, с которыми ежедневно общаются на занятиях. Петра Первого сыграл Антон Остапенко. Во время спектакля он был невероятно похож на молодого Петра (во всяком случае, на его изображения). Это тем более удивительно, что актер не клеил усы, не облачался в одежду, которую носил первый русский император. Прежде никакого портретного сходства я не замечал.

Большую часть спектакля актёры сидели. Но насколько точно выверены каждый жест, интонация, взгляд! По словам состоявшихся артистов, играть в таких спектаклях – это «высший пилотаж драматического искусства». Студент актёрского отделения Андрей Щербаков объясняет: «Как раз для того, чтобы «просто сидеть на стульчике» нужно для начала научиться двигаться. Это очень сложно». Студентам удалось «присвоить» витиеватый, непривычный для современного уха текст Диксона.

Экзамен проходил вечером. Некоторые преподаватели признались, что к концу дня устали, и шли на показ неохотно. Однако по окончании готовы были смотреть всё с начала. За весь спектакль зрителям не пришлось скучать ни минуты.

На показе присутствовал творческий сотрудник Диксона и художник-иллюстратор его книг Вера Дунаева. По её словам, это первый спектакль, поставленный по произведениям Виталия Диксона. И, вероятно, не последний. Литератор, из-под пера которого прежде выходили только рассказы и эссе, всерьёз заинтересовался драмой. Георгий Гаврилов ведет с писателем переговоры о написании пьесы.

В оценке работы, проделанной студентами и режиссёром, экзаменаторы были единодушны: всем «пятёрки»! однако режиссёр назвал этот показ только черновиком спектакля. На «отшлифовку» уйдет ещё несколько недель. Спектакль «Когда Боги шутят» – больше чем обычная курсовая работа. Запланирован его показ на различных площадках города.

Сергей КОВАЛЁВ

«ВИТА плюс» (г. Прокопьевск), № 1 (218) 13.01. 2011

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

16 января 2011

...Привожу цитату из «Августейшего сезона»:

«И уже с ним: Чапай с телегой цыганского барона; Князь с вожжами и смутными воспоминаниями об оперном финале; Помиранцев со штыковой лопатой ...»

Абзац этот на стр. 316 выдал вот какую ассоциацию.

Жил я в иркутский свой период в легендарнейшем доме на ул. Сухэ-Батора – в Коммерческом Подворье. Когда-то это была купеческая гостиница. Двухэтажная. Дом длиною в целый квартал с парадным входом с правой стороны фасада. На крыльце словосочетание: КОММЕРЧЕСКОЕ ПОДВОРЬЕ (сохранилось ли это крыльцо?). На каждом этаже длиннющие коридоры с «номерами» по обе стороны...

В 50-х «подворье» стало общежитием драмтеатра, а в 60-е дом этот мало-помалу стал настоящим ковчегом Ноевым. Кто там только не жил!

Начну хотя бы с одного концертмейстера, много лет проработавшего с Вертинским; художник-пейзажист Лебедев; поэт Варламов и поэт Смирнов (впоследствии ставший Скифом); совершенно потрясающая красотой женщина – актриса Лидия Илларионовна Вронская, в которую без памяти втюрился гастролировавший в то время по Сибири Женя Евтушенко, но у Вронской уже был сын по фамилии Потёмкин, и одна только эта фамилия не оставляла Жене никаких надежд на взаимность с его очаровательной мамой.

А ещё был Володя Балухин, артист разговорного жанра иркутской филармонии – ходячий сатирик в шпанах.

Жила там и Нелли Матханова. Её комната и моя комната № 43 были «Ленинскими Комнатами» или «Красными Уголками» города Иркутска. Вся городская (и не только городская) молодая «интеллигенция» (тогда ещё вовсе и не интеллигенция, а просто творческая шантрапа) собиралась то у Нелли, то у меня (от Первой Скрипки симфонического Месмана до стоматолога Толика Алиева и биолога-байкалиста Миши Развозжаева).

Сколько в этих комнатах выпито было пива, водки, «777» и «Агдама» - уму невывозимо!!! Кто-то однажды грустно

сказал: «Старики, представляете сколько денег пропито в этих бунгалах? Собрать бы все эти деньги в одну кучу зараз... вот бы кирнули!». А сколько юморесок, хохм и развесёлых поступков родилось в этих комнатах!

Володя Балухин, родив первую дочь, назвал ее Джульеттой (имея дога по кличке Гамлет), вторую назвал Индирой.

Гуляя как-то с Джульеттой в коляске и с Гамлетом на поводке по Сухэ-Батора, столкнулся с группой англичан (Иркутск был очень интуристским городом). Англичане не могли пройти мимо дога (их собака!). Распикались, жестикулируя. И, конечно через переводчицу, спросили, какова, мол, кличка этого замечательного дога. Гамлет, - гордо ответил Балухин. Представляете реакцию? Англичане – люди культурные, обвосторгавшись собакой, не могли не обратить внимания на славное создание в коляске. «Как зовут ребёнка?». «Джульетта!» Реакцию представителей Альбиона можно себе представить!!! Спросить имя Балухина как-то не сообразили. Думаю, ответил бы Вова: Виля, но не Шекспир.

Когда родилась Индира, Володя написал письмо Индире Ганди с просьбой стать в честь укрепления дружбы между Индией и СССР (Хинди – Руси Бхай-Бхай!) крестной матерью его дочери. Мне говорил: «Не может же она отказаться! Подарков пришлёт!..» А было это дело за неделю или две до майских праздников. К тому же в эти дни был он с концертной группой на каком-то выезде и за кулисами, ожидая выхода на свой чтецкий номер, сказал, что на демонстрацию выйдет с двумя детскими колясками, к которым прикнопит плакатик с текстом: «Дайте квартиру». Хохмил, конечно. Но... Кто-то из друзей-артистов донес о замысленной акции. 1 мая в 8 часов утра (за два часа до начала демонстрации) к Балухину явился директор филармонии, непосредственный Володин начальник с бутылкой коньяка. Зачем и почему? Да, конечно же, понятно...И так вот просидел до конца демонстрации... А через неделю или две пригласили Вову в КГБ на беседу. Вова там сказал: «Ну вот, когда-то я на допросы водил, теперь меня допрашивать будут».- «Что вы, что вы! Какие допросы? Мы просто побеседовать с вами хотим. Вы всё-таки артист, работник, так сказать, идеологического фронта. Надо понимать, что каждое слово, сказанное неосторожно, даже если и не серьёзно, может быть неверно истолковано нашими врагами...»

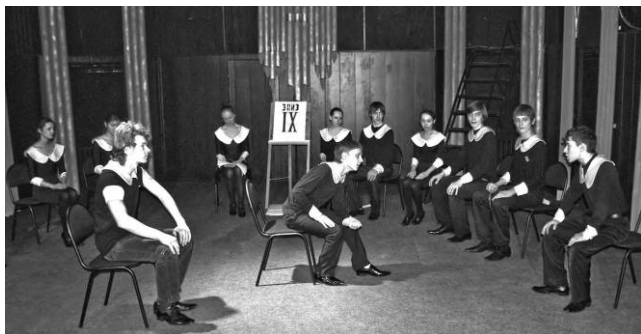
Кстати. О первомайских и ноябрьских демонстрациях. Я каждый раз выходил на наше реликтовое крыльцо и как бы с трибуны принимал этот гражданский парад: колонны к площади двигались мимо нашего дома. Честное слово, чуть ли не в каждой колонне был кто-нибудь из знакомых, приятелей и друзей. Как тут было им не прокричать здравицу в мой персональный адрес! Я благосклонно отвечал помахиванием правой руки. Цирк! Потому что на площади демонстрантам правой рукой помахивал персек области тов. Банников. А я на два часа оказывался как бы под другой фамилией: Предбанников!

Если Вам не скучно от этих заметок, накорябаю ещё несколько воспоминаний про Коммерческое Подворье, его обитателей и его гостей.

Года три назад виделись с Володей Жемчужниковым на дне памяти Гены Машкина. Уговаривал его организовать иркутских писак из того времени на написание книжки типа «Москвы и москвичей» Дяди Гиляя. Но, видно, бригаду такую в наше время уже не собрать – одни постарели и телом и душой, другие ушли в никуда, а иные в князья. На Вас одна надежда, уважаемый Виталий Алексеевич! Может, заинтересуетесь?

PS. Два дня назад разговаривал по телефону с Виталием Константиновичем Венгером. Несколько хандрит. Хотел познакомить его с одной хохмой, а оказалось, он с ней знаком раньше меня.

17

Игры на экзаменах и в истории

В большинстве учебных заведений один экзамен похож на другой: разложенные на столе билеты, время на подготовку и ответ. А студенты актёрского отделения Прокопьевского колледжа искусств даже во время сессии играют. В спектаклях. Поэтому экзамен по сценречи проходил не в аудитории, а в малом зале Прокопьевского драмтеатра

Педагог по сценической речи Прокопьевского колледжа искусств Георгий Гаврилов (кстати, диплом режиссёра он получил в прославленном столичном Щукинском училище) поставил со студентами второго курса спектакль «Когда Боги шутят» по рассказу иркутского литератора Виталия Диксона.

Фабула реальна. История началась в XVIII веке, в эпоху Петра Первого. Великий реформатор интенсивно пытался приобщить Россию (во всяком случае, образованную её часть) к европейскому искусству. В частности, именно в Петровскую эпоху в Петербург привезли первую античную статую. Позже за ней закрепилось название Венеры Таврической. Ныне это один из экспонатов «Эрмитажа». О путешествии мраморной Венеры из Италии в Россию и написан рассказ Виталия Диксона. Впрочем, не только об этом.

Текст изобилует бытовыми подробностями, о которых не прочитаешь в школьных хрестоматиях. Например, у петровской военной реформы имелся и такой аспект: на обшлага солдатских мундиров в большом количестве нашивались медные пуговицы. Иначе никак нельзя было научить вчерашних крестьян пользоваться платками – норовили утереться рукавом. А первый слон, привезённый в нашу северную столицу, умер от алкоголизма. Приучили его сердобольные русские люди к обильным возлияниям...

Однако Виталий Диксон задумал свой рассказ не ради хохм и исторических анекдотов. Главную тему можно определить фразой, которая родилась в эпоху античности: «Жизнь коротка, искусство вечно».

Венера Таврическая, по Диксону, стала неотъемлемой частью российской истории. Она сыграла свою роль в жизни людей и малоизвестных, и знаменитых. На страницах рассказа появляются, например, Екатерина Великая, князь Потёмкин, Александр Пушкин и даже легендарный маршал Великой Отечественной Иван Конев...

Однако каковы бы ни были литературные достоинства текста, спектакль - это всё-таки самостоятельное художественное произведение. Педагог по сценической речи Георгий Гаврилов не стал писать инсценировку. И всё-таки студенты показали экзаменаторам полноценный спектакль. Демонстрировали не только технику речи, но и уровень актёрского мастерства. Каждый сыграл как минимум три роли: своего персонажа, автора рассказа и, наконец, себя самого.

В самом начале одна из студенток так определила жанр этого спектакля: «Комедия о настоящем обустройстве государства Российского, о царе Петре и Васье Хворобьева писана». Сценография предельно лаконична. На сцене полукругом поставлены чёрные стулья. Тринадцать актёров в чёрных костюмах с белыми воротниками (по словам Георгия Гаврилова, это «униформа современных скоморохов»). Никаких декораций. Только мольберт в центре, на котором выставлялись листки с порядковым номером очередного явления. Никакого грима. Но зрители-экзаменаторы увидели на сцене художественные образы, а не тех юношей и девушек, с которыми ежедневно общаются на занятиях.

Петра Первого сыграл Антон Остапенко. Во время спектакля он был невероятно похож на молодого Петра (во всяком случае, на его изображения). Прежде никакого портретного сходства между ними я не замечал. Это тем более удивительно, что актёр не клеил усы, не облачался в одежду, подобную той, какую носил первый российский император.

Большую часть спектакля начинающие актёры сидели на стульях. Но насколько точно были выверены каждый их жест, интонация, взгляд! По словам состоявшихся, опытных артистов, посмотревших эту постановку, играть в таких спектаклях – это «высший пилотаж драматического искусства».

Экзамен проходил вечером. Некоторые преподаватели признались, что к концу дня устали, и шли на показ неохотно. Однако по окончании готовы были смотреть всё с начала. За весь спектакль зрителям не пришлось скучать ни минуты.

На показе присутствовала художник-иллюстратор книг Виталия Диксона Вера Дунаева. По её словам, это первый

спектакль, поставленный по произведениям иркутского писателя. И, вероятно, не последний. Литератор, из-под пера которого прежде выходили только рассказы и эссе, всерьёз заинтересовался драмой. Георгий Гаврилов уже ведёт с писателем переговоры о написании пьесы.

В оценке работы, проделанной студентами и их педагогом, экзаменаторы были единодушны: всем «пятёрки»! Стало очевидно: «Когда Боги шутят» - больше, чем обычная курсовая работа. Студенты надеются показать этот спектакль на различных площадках Прокопьевска и других городов Кузбасса.

Для справки. Актёрское отделение Прокопьевского колледжа искусств – это, по сути, театральное училище, первое в Кемеровской области среднеспециальное учебное заведение для актёров. Заведующий отделением актёр Юрий Темирбаев говорит, что курс, набранный в прошлом году, оказался на удивление трудоспособным и целеустремленным. За профнепригодность никого отчислять не пришлось, а сами документы забрали только две студентки. Одна с первых дней учёбы поняла, что «ошиблась дверью». Вторая предпочла вокальное отделение. Остальные студенты не пожалели о выбранной профессии. Многие уже сегодня заняты в спектаклях Прокопьевской драмы.

Андрей НОВАШОВ.

«Кузбасс» (г. Кемерово), №6(25212), 18 января 2011 г.

18

Диксон Виталий - Георгию Гаврилову

18 января 2011 в 15:00

Дорогой Георгий Константинович, с удовольствием читаю фрагменты ваших воспоминаний. И вот на столе моём появилась папочка с карандашной надписью: Жизнь и легенды "Коммерческого Подворья". Во что именно она превратится - пока не знаю, не ведаю. Но уверен, что не пропадёт. Во всяком случае, для меня уже совершенно точно определился главный герой-рассказчик, от имени которого может идти повествование: Жора Гаврилов. Впрочем, займусь вплотную этой темой попозже, когда разгребу все текущие и неотложные литературные

хлопоты. А куда пусть идёт накопление материала, потом он какнибудь организуется...

А теперь можно посудачить и о премьерном вашем спектакле: несистематизированные, спонтанные заметки по ходу просмотра видео-версии.

- Чёрные одежды, белые воротники...Как это понимать? А так: русское скоморошество сошлось с гамлетизмом. Быть или не быть? + Чему быть, того не миновать! = гамлетиада по-русски...Униформа, между прочим, обязывает к неспешной рассудительности вслух (это блестяще делал Смоктуновский в "Гамлете"!). Особенно - в монологах (а куда же спешит молодая актриса в монологе из ХУШ картины, где речь идёт о мифах, Пигмалионе и т.д.? здесь каждое слово должно быть подано зрительному залу НА ЛАДОНИ!) То же - и в других местах.

- Монолог одного актёра иногда может сопровождаться молчаливым же сопровождением со стороны всех остальных (бездействующих), тех, которые вовлекаются в действие и активно участвуют в нём, но только жестами, телодвижениями, кивками и т.д.)

- Хворобьев в самом начале - даёт МАССУ эпитетов не столько Дуне, сколько женщине вообще (прекрасная, миловидная, самодовольная, коварная, невозможная, пронзительная, несостоятельная, безразмерная, бесподобная...Это - только в одном эпизоде! Не многовато ли? Нет, не многовато. Наоборот, ничтожно мало для описания женщины. Но именно поэтому каждое Васькино слово должно быть акцентировано! Тем более, что Дуня к каждому из них прислушивается, примеривается...Васька говорит:...ВАШИ НЕПОДОБНЫЕ ГЛАЗА...А Дуня тут же рефлексировать: Ах, сокройтесь с моих НЕПОДОБНЫХ глаз... Эти слова должны срифмоваться в диалоге!

- Общее: новомодные для восемнадцатого века слова - политес, престижитация и прочие... - этими словечками вчерашние "людишки из низов" щеголяют! произносят их многозначительно, вкусно, по сло-гам! - дабы подчеркнуть перед собеседником своё новое общественное положение, принадлежность к БОМОНДУ!

- К началу спектакля. Не впечатляет! И мне уже видится иначе...Вот актриса начинает спектакль...говорит о "комедии об устройстве..." и т.д., а это время у неё с плеч сползает воротник (умело неприкрепленный!) - актриса говорит, нервничая и поправляя воротник - и из-за кулис

выходит сам режиссёр - актриса что-то бормочет по тексту - режиссёр булавкой прикрепляет воротник и отправляется назад - актриса продолжает: о том, что спектакль поставил режиссёр Георгий Константинович... – а этот Георгий Константинович, ещё находящийся на сцене, услышав своё имя, останавливается, замирает, поворачивается лицом к залу и церемонно (продолговато!) раскланивается и подчёркнуто торжественно удаляется уже не за кулисы, а в первый ряд кресел зрительного зала (или за стол экз.комиссии!)... - актриса продолжает (уже как бы вне текста, отсебятиной, в сторону): -Да, замечательный наш режиссёр...(плаксиво) ...он меня на репетициях уже всю насквозь исколол булавкой... - Режиссёр приподнимается и говорит строго, как школьный учитель ученику (по фамилии!): - Жуйкова! (или кто там, не помню) Я вам всем и тебе в частности уже целый год твержу: искусство требует... Актриса (Вздыхая и отмахиваясь): Да знаю я, знаю, Георгий Константинович! Потому и жертвую целый год... и дальше буду...до последней капли крови... - А уж дальше можно вернуться в прежнее русло.

- Сцена первая: Васька и Дуня. Представьте: на полу мелом прочерчен прямой угол острием в зрительный зал, а два луча идут от стульев Васьки и Дуни . Они, начиная мизансценку, встают и передвигаются вдоль меловой черты (ЭТО НЕВИДИМЫЕ ЗРИТЕЛЮ СТЕНЫ ДОМА) к углу и там продолжают диалог, а потом - назад , а потом - обратно, на угол вдоль черты - головы одновременно заворачивают и действительно носиками сталкиваются – причём, вот эти последние движения вдоль стен - с пантомимическими элементами: ладонями как бы на стену опираясь, Дуня спиной прижимается, руки опущены, ладошки по стене ёрзают, шажочки мельенькие, а Васька - лицом к стене, руки подняты, ладони на стене (о которую даже досадливо можно постучать!), а шаги - длинные, правую ногу ставит далеко - левую медленно подтягивает и т.д. КАК БЫ ЭТО ПРОЯВИТЬ? - НЕВИДИМЫЕ СТЕНЫ!

- Фразы, озвученные актёрами, которым я аплодирую:

- уж я вся взопревши

- несравненный нахальщик и ничтожество...(до конца)

- пошла вон (Пётр - Екатерине)

- вот какой пронзительный случай образовался

- никаких петеньков, когда с императором разговариваешь

- Пугови разные...Медные!

То, как ПРОИЗНЕСЕНЫ эти фразы, вижу характеры.

- Это я только начал делать заметки, а вот уж как расписался. Но продолжение последует. И всем ребятам - спасибо. Диксон.

19

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

20 января 2011

Виталий Алексеевич!

Посылаю Вам абсолютно точную копию Документа Эпохи (1969 год) из **СУНДУЧКА КРОХОБОРА**. Сохраняю и орфографию и пунктуацию.

1 секретарю Иркутского
Обкома ВЛКСМ, Г. Куцеву,
дорогим товарищам,
коллегам по работе
посвящаю свое стихотворение,
к 50 летию
Ленинского комсомола.

Комсомольцы, вперед!

Комсомольское сердце
трепещит в груди
комсомольское сердце
готово на битву идти

Идти на пролом
если требует гром
если буря опять впереди
если ветер срывает
с деревьев листву
и бушует, бушует
огонь раздувая во всю.

Но не встанет оно
нет не вздрогнет оно
а раздвинит могучие плечи,
и в бой поведет
и на битву пойдет
разажжет огонь на рассвете.

Комсомол, молодежь!
ты смело идешь
сквозь горнила
пожары, стройки
ты упорна в труде
вся надежда в тебе
ты надежный резерв и помощник.

Но, не старость гнетет
а молодость бьет.
Ключевой водой
бьет родник молодой
омывая кровавые раны
но не смывает вода никогда
имя Ленина в сердце на веки.

Пусть уходят года
но герои растут....
Мы их помним
и будем чтить,
по пути их идти
умножая ряды
разжигая огни на рассвете.

Комсомольцы, вперед!
Трудовой вы народ
закаленные, сильные смелые....
Мы на подвиг любой
все пойдем за тобой
защищая родимую землю.

Комсомол! Молодежь!
Ты к победе идешь.
В сердце с Лениным связан на веки,
с комсомольским огнем
пятьдесят лет мы по жизни идем
и будем идти в столетие
разжигая огни на рассвете.

Автор
Людмила Ивановна Степанова
г. Иркутск, ул. 5-ой Армии 20, кв 2

Дорогие мои товарищи!
Это стихотворение,
Я посвящаю вам, - комсомольцам.
Это стихотворение из цикла моих

стихов на тему "Ленин с нами"
которые я готовлю к 100 летию
со дня рождения В. И. Ленина.

Это вам, Иркутскому
комсомолу!

С коммунистическим
приветом

Л. Степанова
член ВЛКСМ с 1942г., ныне член КПСС
бывший работник аппарата
Иркутского комсомола, ныне
учительница средней школы
№ 72 им В. И. Ленина
г. Иркутск.

20

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

20 января 2011

На две страницы (392, 393) "Сезонов" - три коротких воспоминания.

1. Олег Базильский. Жив курилка! Живёт в Иркутске. Мужик славный. Дружим с 1 сентября 1955 г. И Боря Гольдберг его отлично знает. Две клички: Кот Базилио и Высокий Блондин в Жёлтом Ботинке. Так вот, давно, правда, было, рассказал мне то, что ему рассказала его бабушка. Откуда взялось слово Блат. Будто бы где-то в первых годах советской власти одним из ленинских наркомов несколько месяцев был некто Бладт (то ли продовольствием распоряжался, то ли торговлей заведовал). При всеобщем дефиците к нему частенько обращались друзья, знакомые и просто нужные люди с просьбами. А он выдавал этим нужным людям, знакомым и друзьям записочки в распределители. И подпись ставил: Бладт. А подпись у него была разборчивая, и излагал он её на бумажках этих довольно крупно. Она была, как заголовок к абзацу. Только снизу. Вот и получилось: "по Блату", по записочке, значит, этой.

2. Иван Денисович Ращиков, отец мужа моей родной сестры, был помощником тов. Горбачёва в бытность того секретарём ЦК по сельскому хозяйству. Однажды, вернувшись с работы, он нам с Володей (это его сын и мой

зять, а я тогда гостил у них) вручил по пачке тогда очень модных (и можно сказать, весьма престижных) сигарет "Союз-Аполлон", и несколько смущаясь и даже как бы извиняясь, произнес: "Простите, ребята, у нас в буфете только по две пачки в одни руки давали". Это в ЦК-то Партии! А фарца в это время в Москве блоками торговала! Представляете мой внутренний недоуменный балдёж?

3. В Баку, в одном овощном магазине (1954 г.), в пузостеклянной витрине (помните, были такие?) над кюветой с маринованными обрезками овощей красовалось на серой обёрточной бумаге такое заявление: "ПИКУЛИ 3 ру 50к МАГАЗИН БУМАГА НЕДАЁТ". Сам видел.

И у Вас и у меня - всё правда. ГК.

21

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

20 января 2011

Георгий Константинович, ведь вся загвоздка нашей жизни не в том, что живём в бульоне из лжи и правды...Весь фокус, кажется, вот в чём. Правда, как и ум человеческий, имеет предел. Ложь, как и глупость человеческая, безгранична... Вот и попробуй тут - уравнишь себя!

А что касается иркутского «Коммерческого подворья», его обитателей и посетителей, то у меня складывается представление, что это было сплошное круговращение персонажей вампиловских пьес...

22

Сундучок Крохобора

Драматург Александр Вампилов выбирал для своих героев имена и фамилии близких друзей и просто знакомых иркутян. Но часто характеры героев, выведенных под этими фамилиями в пьесах, совершенно не совпадали с характерами их прототипов.

Валерий Стуков в жизни - потомок старинного рода, в котором все мужчины - священники. Аликом его звали родные, потом так стали звать все друзья

Олег Андреевич Базильский - известный геолог, живет в Иркутске. С Александром Вампиловым они вместе готовились к вступительным экзаменам

Актер Авангард Леонтьев сыграл Базильского в спектакле театра "Современник". Сходство между героем Леонтьева и реальным Базильским только одно: оба любят музыку

Со своими героями Александр Вампилов встречался в реальной жизни. Потом интересные детали, фамилии, ситуации вплетались в сюжеты его произведений

Тимофей Спивак в роли Гомыры в Московском драматическом театре им. К.С.Станиславского. Реальный Гомыра уехал из Иркутска в Среднюю Азию, и след его потерялся

Доцент Анатолий Рудольфович Зилов работал преподавателем на кафедре геологии, куда частенько забегал студент Александр Вампилов - пообщаться с братом Мишей

В исполнении Олега Даля Зилов - мятущаяся личность. Реальный Зилов был во многом похож на героя пьесы: пил, любил женщин, писал стихи, был очень открытым и умным человеком

Базильский. В смешной пьесе "Двадцать минут с ангелом" упоминается скрипач Базильский. Человек с такой фамилией действительно живет в Иркутске, его зовут Олег Андреевич Базильский, он уважаемый в нашем городе человек, известный геолог, сейчас на пенсии. Вот как он рассказывает о своем знакомстве с Вампиловым:

— Я приехал из Нижнеудинска в Иркутск поступать на юрфак университета. Нашел коменданта общежития, чтобы попросить комнату. Возле нее стоял какой-то паренек, как я потом узнал, его звали Саша Вампилов, он приехал из Кутулика. "Вот, — сказала мне комендант, — койка у меня осталась одна, а вас двое. Выбирайте, кому достанется". Саша Вампилов тут же сообразил: "Если вы нам выдадите два одеяла, мы вдвоем поместимся на одной койке. Он худой, и я худой!" Довольная таким решением комендантша выдала матрас, две подушки и два одеяла.

Так нижнеудинский паренек Олег Базильский и Саша Вампилов из Кутулика оказались в общежитии университета, на одной койке в 20-местной комнате. Их общая железная кровать с панцирной сеткой стояла справа

от входа. Примечательно, что общежитие ИГУ размещалось в Харлампиевской церкви.

Олег и Саша вместе готовились к экзаменам, вместе бродили по Иркутску.

— *Мы с ним были как Пат и Паташонок, — смеется Олег Андреевич. — Я высокий, под метр восемьдесят семь, а Саша на голову меня ниже. Саша поступил тем летом в университет, а я не прошел по конкурсу и стал учиться в геологоразведочном техникуме. Через два года уже работал в геологической партии, стал ездить в экспедиции.*

Но даже после того как ребята разошлись по разным учебным заведениям, они не перестали встречаться. Саша стал жить у брата Миши, на 2-й Железнодорожной, они вместе снимали флигель в частном доме. А Олег Базильский вместе с другими студентами поселился на соседней улице, Касьянова, тоже в частном доме.

— *Саша прибегал ко мне через огороды чуть ли не каждый день, — вспоминает Олег Андреевич, — мы играли вместе: он на гитаре, я на аккордеоне. У него здорово выходили "Цыганские переборы"... Вот только до сих пор не пойму, почему в пьесе я у него стал скрипачом. Я скрипку в руках не держал. На гитаре немного умею, на баяне, на аккордеоне. А вот на скрипке не пришлось.*

Базильский в пьесе "Двадцать минут с ангелом" из "Провинциальных анекдотов":

— Не пьет.

— Профессионально занимается музыкой.

— Играет на скрипке.

— Характер дотошный и принципиальный.

Базильский в жизни:

— Может выпить в хорошей компании.

— Профессиональный геолог.

— Играет на аккордеоне и семиструнной гитаре.

— Характер общительный, но принципиальный.

Гомыра. Там же, в доме в Глазково часто появлялся парень со смешным прозвищем Гомыра. Это был атлетического сложения молодой человек, волейболист, студент-геолог. Обладая завидным здоровьем, он любил выпить. Немножко выпивал, но без разбору. Тогда на рынках продавалась розовая жидкость — денатурат, его использовали вместо керосина в примусах и керосинках. Вот этот денатурат в народе и назывался гомырой.

— Приходит этот парень навеселе, мы его спрашиваем, что пил. А он: "Да вот с пенсионером дядей Борей гомыры выпили". Так его Гомырой и прозвали. Гомыра да Гомыра. Он потом у Вампилова в пьесе появился, — рассказывает Олег Андреевич.

Гомыра в пьесе "Прощание в июне":

— В пьесе его зовут Борисом.

— Выступает "против женского персонала".

— Пьет за геологов и за цивилизацию.

Гомыра в жизни:

— В жизни звали Володей.

— Очень любил женщин.

— Пил денатурат и не только.

— Увлекался волейболом, был спортивно сложен.

"Алик из Аликов!" — Алик — меня так звали в детстве, — рассказывает Валерий Вениаминович Стуков. — Все мои предки по мужской линии: и прапрадедушка, и прадед, и дед — все были священниками. Но наступили другие времена, когда церкви стали разрушать. И мой отец уже был атеистом. Когда я появился на свет 31 мая, бабушка хотела назвать меня по святым Алексием. А отец заартачился: "Все, хватит церковных имен! Пусть будет Валерой!" Так меня и записали в загсе Валерой, а дома все звали Аликом (уменьшительное от Алексей). Потом Аликом меня стали звать все друзья.

Фраза "Ты Алик из Аликов!", которую Вампилов взял в свою пьесу, родилась так. Однажды дома у известного иркутского писателя Петра Реутского собралась большая дружная компания: Вампилов с женой Ольгой, Алик Стуков с гитарой, Альберт Гурулев (его тоже звали Аликом). Купили вино "Варна" и дешевый холодец. Холодца взяли много, чтобы хватило на всех, — он занял полстола. Все немножко выпили, чуть-чуть закусили, и Алик Стуков стал играть. За окном шел снежок, была осень.

Вдруг стук в дверь. Открывают — на пороге стоит бич (уже тогда были бичи, правда не в таких количествах): "Ребята, можно к вам погреться? Я вот шел мимо, услышал звуки гитары. Вы так хорошо поете". "Да проходи-проходи!" — закричали ему. Ольга Вампилова поморщилась — такой запах шел от бродяги, а Саша сказал ей: "Ничего-ничего", дескать, бич — он тоже человек. Бича усадили за стол. Он в один присест уговорил

полхолодца, выпил и сразу заснул. Мужик захрапел, растянувшись прямо на полу с открытым ртом и открытыми глазами. Алик Стуков растолкал его, чтобы тот не так громко храпел, и спросил: "Как тебя звать-то?"

— Алик! — ответил бич.

— Ну, надо же, одни Алики собрались! — с досадой в голосе удивилась Ольга.

Петр Реутский не выдержал:

— Нет, не все! Вот этот (и он показал на Алика Стукова)

— Алик из Аликов!

...Когда пьесу "Утиная охота" слушали в драмтеатре, Алик Стуков сразу узнал фразу, которая когда-то была адресована ему. "Старик, ты извини, что я взял твое имя как нарицательное, — говорил после чтения пьесы и обсуждения Вампилов. — Алкашами их всех назвать — грубо получается и неэтично. А вот Алики — это точно".

— Да ладно, Саша, — сказал Алик Стуков. — Я и не думал обижаться.

Алик в пьесе "Утиная охота":

Вера говорит Зилову: "Ты Алик из Аликов!"

— Имя нарицательное, синоним — алкаш.

— По характеру человек непорядочный, на него нельзя положиться.

Алик в жизни:

— Валерий Стуков в жизни — потомок старинного рода, в котором все мужчины — священники.

— По профессии бард, музыкант и композитор.

— По характеру добрый, отзывчивый, общительный, душа компании.

— Любит выпить в хорошей компании.

Зилов. Геологи всегда отличались отменным чувством юмора. Геологу Юрию Легейдо однажды друзья преподнесли похоронный венок с траурной черной лентой, на которой было написано "Сгорел на работе". Геолог был в шоке. Он сказал: "Ну, дошугились!" Этот неприятный случай скоро стал известен всем геологам в городе. Узнал об этом и Саша Вампилов (его родной брат Миша в то время работал на кафедре геологии ИГУ). Драматурга поразил этот случай, который, казалось, сам просился в трагикомедию. Вампилов долго расспрашивал всех знакомых, узнавая подробности этого происшествия. В итоге этот эпизод украсил пьесу "Утиная охота".

Анатолий Рудольфович Зилов тоже был из тесного круга геологов. Он отличался добрым нравом, общительным характером, был не прочь выпить. Работал преподавателем на кафедре геологии, куда частенько забегал студент Александр Вампилов — пообщаться с братом Мишей. Колоритная фигура Зилова — поэта, геолога и любимца женщин (одной из жен Зилова была Ольга Кожова, зав. кафедрой биологии ИГУ, профессор, доктор наук) — не могла оставить равнодушным будущего драматурга. И он сделал Зилова главным героем своей пьесы. Правда, как утверждают друзья Вампилова, реальный Зилов мало чем походил на Зилова из пьесы. Зилов в пьесе "Утиная охота" — образ собирательный.

Зилов в пьесе "Утиная охота":

- По характеру тонкий и ранимый человек.
- По профессии инженер из бюро информации.
- Любит выпить.

Зилов в жизни:

- Звали Анатолий Рудольфович Зилов.
- По характеру ироничный, общительный, умный и добрый.
- По профессии геолог, преподаватель университета.
- Любил выпить в хорошей компании.
- Писал неплохие стихи.

Оксана Гордеева

«Пятница», 26 мая 2006 г. friday@pressa.irk.ru

23

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

23 января 2011

1. Не сомневаюсь, дорогой Г.К., что вы и сами сейчас понимаете, как и насколько может быть полезной видеoversия спектакля в качестве технического средства обучения! Кстати, в футболе/хоккее давно уже тренеры взяли на вооружение этот способ "разбора полётов" - чуть ли не по-секундный, со стоп-кадрами...Конечно, запись несовершенна. Но даже в таком виде она может стать точкой отсчёта в профессиональном актёрском мастерстве - разумеется, в сторону совершенства. Когда-нибудь кто-то

из актёров (будущих мастеров!) сравнит себя - с собой же, давним, желторотым.

2. Между прочим - о стоп-кадре. Эпизод XIX: Гуляние в Летнем саду. Галдёж, шум громкоговорения, базар, круговращение... Вдруг - стоп! Все замерли в самых фантастических позах. Тишина. И в тишине - голос режюмирующий: "Дьяволица белая! Анахтема окаянная!" - И немедленно возобновляется шум и движение. И снова - стоп! И резюме: "Виват государю Петру Алексеичу!" Снова шум-движение. И снова стоп. И голос: "А по чести сказать...." Трижды (трижды!) остановленное действие - и возможность трижды акцентировать точки зрения тогдашнего люда на эту Венус диковинную.

3. В монологах Васьки встречаются слова (по авторскому тексту): кажинный (актёр произносит КАЖДЫЙ), оченно (у актёра - ОЧЕНЬ). Конечно, слова однокоренные, слова-синонимы. Но есть же разница - и существенная! "Оченно" - это значит даже больше, чем очень! Да и возможностей поиграть со словом "оченно" у актёра больше, чем с "очень": можно раскатить первый звук О-О-О-ченно, можно отчеканить букву Ч: о-ч-ч-ч-ченно, и так далее.

4. Относительно четырёх "белостиший" в эпизодах XX-XXI, не вошедших в спектакль. Мне они представляются отнюдь не актёрским и даже не авторским голосом. Это - глас надмирный. Может быть, даже голос главного начальника всех античных богов. И звучит он - **через мегафон**, бесстрастно, на одной ноте, подобно автоматупроботу, отвечающему почти по слогам: жди-те-от-ве-та-жди-те-от-ве-та...

5. А ещё вот что: смотрел я видео и сама собой сложилась песенка к спектаклю, точнее - куплеты: для солдат, для дипломатов, для российских студентов, для Васьки и для Дуни. Коротенькие, весьма озорные, но не без ехидства, совершенно в духе ПАРАШУТИЗМА. Для каждого куплета - определённое место. И каждый исполняется по-разному, хотя мелодия одна: солдаты - строевая, маршевая со свистом; дипломаты - манерно, вычурно, в ритме менуэта; студенты - застольно-разухабисто; Васька и Дуня - в духе широко известных "страданий", саратовских и прочих...Если интересно, могу записать, подыграю себе на ф-но, впрочем, мелодия простенькая, главное в куплете - ритм "по принадлежности".

*Ротозорский аллобулик,
или
Третий глаз Крохобора*

Портрет Георгия Гаврилова.
Художник Борис Янинский. 1979.

Борис Гольдберг.

Режиссёр Ян Сони́н.
Фото Бориса Гольдберга, 70-е гг.

Юрий Квасов. Портрет Александра Вампилова.
Орг., темпера, 90x70. 1968 – 2011.

Виталий Белоколов в день 70-летия.

Евгения Молчанова и Валентин Распутин с сыном Серёжей на праздничной демонстрации. Иркутск, 1968.
Фото Владимира Харитонов.

Юрий Скоп и Александр Вампилов
во время знаменитого футбольного матча.
Фото Виталия Белоколодова.

На открытии памятника А.Вампилову: Владимир Гуркин,
сестра Вампилова - Галина Валентиновна,
Тамара Панасюк, Владимир Жемчужников.
Фото Б. Гольдберга, 2003.

«Молодёжка» 70-х годов:
Геннадий Сапронов с женой Леной и Олег Желтовский.
Фото Владимира Харитонова.

Борис Гольдберг в «Оптимистической трагедии»
Иркутского ТЮЗа. 1954.

Евгений Евтушенко в Братске с первым публичным чтением поэмы «Братская ГЭС» (справа в белом плаще – журналист «Известий» по Восточной Сибири Леонид Шанкарёв). 4 мая 1964 г.
Фото Бориса Гольдберга.

Виталий Зикора в «Трёх мушкетёрах» - после освобождения из места заключения.
Фото из архива Театра юного зрителя.

Портрет Г.Гаврилова.
Художник Владимир Тетенькин. 1979.

Поэт Сергей Ноффе.
Фото Виталия Белоколодова.

Лина Купоржанова (Иоффе)
в студенческом спектакле «Маскарад», 1959 г.
Фото Виталия Зоркина.

Тамара Панасюк. Бенефис: октябрь 2010 г.
Фото Алёны Богатых-Корк.

Виктор Астафьев, Виталий Диксон и Виктор Соколов.
Иркутск, октябрь 1985. Фото Александра Князева.

Виталий Диксон и Вячеслав Кокорин. 1996.
Фото из архива В.Диксона.

Слева направо:
последний иркутский «интеллигентный вор» Валера
(«Слепой»), Алексей Поздняк, Виталий Белоколоводов,
Геннадий Машкин и его супруга Людмила.
Фото Бориса Гольдберга.

Глеб Пакулов.
Фото Николая Рютина, январь 2010.

Олег Андреевич Базильский. Фото Сергея Игнатенко, 2006.

Валентин Распутин: Сольная партия в сопровождении КПСС. Фото Александра Князева.

Портрет Г. Гаврилова.
Художник Сергей Коренев, 1979.

Виталий Диксон. 1979.

А это я, не
иссваем.
Кто-то был
во мне, ^{внутри}
Наверное!
дядя Дэнки,
П. Семенов

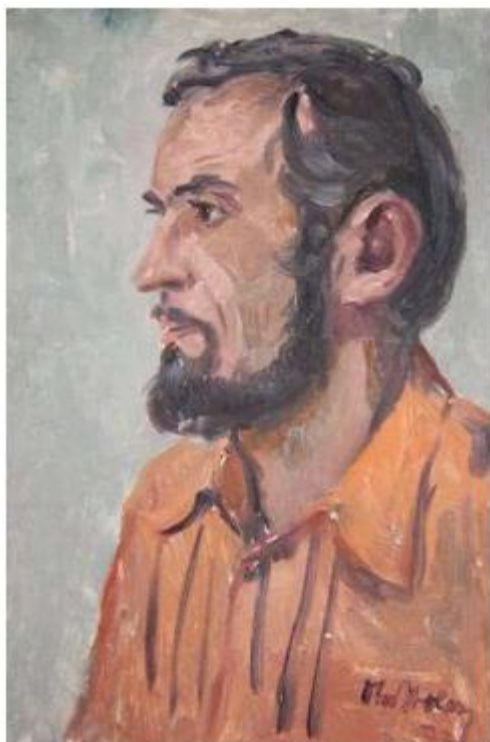
Поэт Пётр Реутский.

На открытии памятника А.Вампилову.
Слева направо: поэт Василий Козлов,
Стуковы – младший и старший, Владимир Гуркин,
Геннадий Гайда и Борис Гольдберг. 2003.

Слева направо: Ольга Вампилова, гостя VI театрального
фестиваля им. Александра Вампилова. 2007.
Фото Бориса Гольдберга.

Портрет Георгия Гаврилова.
Художник Отто Голос (Чехословакия). 1979.

Олег Базильский, Георгий Гаврилов, Юрий Квасов
в Иркутском Доме актёра. Январь 2006.
Фото Б.Гольдберга.

На персональной выставке:
Борис Гольдберг, Юрий Квасов
и Галина Бендебера, дочь Гаврилова – на фоне
портретов драматических актёров
Виталия Венгера и Виктора Егунова.
Фото Б.Гольдберга.

Режиссёр и актёр Борис Деркач и его фирменная «утка с яблоками».
Фото Б.Гольдберга.

Художник Владимир Тетенькин
(слева – искусствовед Евгения Чеботарёва).
Фото Б.Гольдберга.

Владимир Гуркин и Олег Базильский.
Фото Б.Гольдберга.

Юрий Квасов.
Портрет Нестора Каландаришвили.
х., м., 110x80, 1975.
Музей военной Академии, г. Санкт-Петербург
(в «роли» Нестора – сразу двое:
Георгий Гаврилов и Михаил Развозжаев).

Михаил Развозжаев. 1979 г.
Фото из личного архива.

Юрий Квасов. 1979 г.
Фото Михаила Развозжаева.

Режиссёры Юрий Темирбаев и Георгий Гаврилов со студентами колледжа искусств после премьеры спектакля «Когда боги шутят» по повести В.Диксона: Прокопьевск, 29.12. 2010 г. Фото Веры Дунаевой.

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

23 января 2011

Дорогой Виталий Алексеевич! С благодарностью! и удовольствием! принимаю все Ваши соображения, замечания, предложения и подсказки.

Конечно же, при просмотре видеозаписи сам увидел массу недотягов. Причин этой массе (кроме моих собственных недосмотров) предостаточно. С некоторыми причинами хочется поделиться (наверное, даже, в плане оправдания, что ли).

1. Изначально материал "Богов" был взят как роскошная основа для учебного процесса в курсе "сценическая речь". Но буквально через несколько занятий стало понятно, что тут явственно вырисовывается что-то более значимое, что складывается какая-то композиция, не сразу осознанная, но довольно быстро превращающаяся в "инсценировку". Дальше - больше... И пошло-поехало. Конечно, основное моё внимание направлено было на верность построения русской речи. Потом стало понятно, что осилить тексты без построения верной пластики и нахождения верного жеста вряд ли найдём верную интонацию. Два правила, которые для меня больше, чем правила: "Искусство - есть нахождение знака, соответствующего сущности!" и "Верно найденный жест родит верное чувство!". Чертовски это трудное дело - найти эти находения. А когда нашёл, так закрепить эти находения не менее трудно. Мальчишки и девочки ещё совсем зелёные, и приходилось заниматься даже не репетированием а тренажом. Помните эпизод, в котором Стас-Кологривов ошибается с ударением в имени Климент? Его сначала один поправляет (он внимательно выслушивает поправку, кивает головой в знак того, что он понял и поправку принял, и снова повторяет ошибку), потом поправляют двое (у Стаса повтор: внимание! согласие-понял! и - снова ошибка!), и, наконец, весь курс бросается его поправлять. Мы этот эпизод слепили из того, что случалось со Стасом во время репетиций. Таких поправок приходилось делать на репетициях чуть ли не каждые пять минут... Ибо...- "Умеющий метнуть копьё сумеет высморкаться в два пальца, а вот противоположное нужно ещё доказать". И хотя ребят у нас тут расхвалили по

поводу их "артистизма", до Артистизма ещё о-ё-ё-ё... как далеко. Они пока-что полугодовалые буквари, меня же успокаивает то, что мы впереди имеем два с половиной года.

2. Где-то в конце ноября нам сказали, что в конце семестра будет не зачёт, а Экзамен по Сценречи. Ну и подготовка именно к Экзамену по Сценречи стала главной в работе, которую вести в нормальном режиме не получалось.

Ещё в самом конце первого семестра первого курса приглашённый на постановку в театр "режиссёр" (пишу в кавычках) предложил директрисе т. н. "пьесу" (опять в кавычках) "Экспонаты" с ненормативной лексикой. Даже в афише текст: "н е н о р м а т и в н а я л е к с и к а". И если у автора: "...на х...", "б..." и т. д., то режиссёр потребовал от актеров полновесных акцентированных произношений, в обильных количествах. Концепция у него такая: "Новая Современная Драма". А на главные роли истребовал студентов. Полугодовалых. Ещё двух слов произнести не умеющих. Начальство моё, в какой-то мере зависимое от театра, и, по-видимому, о качестве "Новой Драмы" не имеющее представления, вынуждено было согласиться с участием в этом искусстве студентов. Ладно бы это (хотя, конечно, не ладно)... Спектакль приняли, выпустили, и... стали возить по фестивалям! С одного даже диплом привезли! Ладно, пусть даже и это... Пермский фестиваль номинировал "Экземпляры" на "Золотую Маску"!!! И стал режиссёр Гацалов главным режиссёром (главнюком) Прокопьевского драмтеатра с проживанием в Москве и редкими наездами в Прокопьевск на несколько дней. Такая вот история с географией и театральным искусством. Полный горностаи!

А в начале этого учебного года привёз главнюк на постановку своего друга. И опять "новая драма" с матом. И опять, ладно бы это... Но студентов опять взяли на новую постановку. Нарушение всего учебного процесса. И невозможность проводить репетиции в полном составе курса.

Это совсем даже не оправдание себе. Это рассказ о нашем шиворот-навыворотном искусстве. Прокопьевский театр не медленно, но абсолютно верно превратился в драмкружок "кулинарного училища". И как результат оно - ни одной полноценной репетиции. Вот почему я вынужден был

назвать наш спектакль черновиком спектакля. Вот такие у нас пироги...

Наметили до конца февраля отшлифовать "Богов", благо моя дирекция согласилась с нашими требованиями: никаких включений студентов в спектакли театра. Хотя, думается, придет в феврале главнюк и придётся ещё повоевать.

Ну, да ладно. Как говорил один мой знакомый: всё равно будет по-нашему.

Ваши замечания и предложения абсолютно точны, обсуждены и приняты. Будем работать! Думаю, в марте мы сможем прислать новый видеоматериал про нас, более качественный по всем векторам.

Ребята Вам кланяются. С творческим приветом и с пожеланиями радостного творчества - ГК.

25

Голос из хора: Борис Гольдберг

Какими мы были, какими мы стали

Для всех, кто в те годы был причастен к «Красному уголку» Георгия Гаврилова, имя «Жора» на всю жизнь стало паролем, символом времени, для всех нас легендарного.

Дошагав или не дошагав до двадцать первого века, солидные и умудрённые житейским опытом, наделённые званиями, регалиями, монументами, славой и почётом... - все эти люди в то время были друг для друга просто Вилями, Сашами, Петями, Генами, Юриями, Виталиями, Глебушками... Они были обычными и привычными знакомыми, приятелями, друзьями-товарищами и собутыльниками. Но и тогда в каждом из них проступали черты их будущих судеб: падений и взлётов...

Виталий Зикора

У тюзовского актёра с амплуа героя-романтика Виталия Зикоры случилась вовсе не театральная драма.

Выручая своего товарища, студента-выпускника университетского факультета журналистики, Виталий приютил бездомного в своей крошечной квартире, где жил с женой и маленьким сыном. И вот однажды вернулся

домой в непредусмотренный час и увидел воочию, что такое адюльтер. И услышал покаянные всхлипы, и извинения... «Стреляться, сударь!»...И дуэль состоялась. Слухи о ней распространились с быстротой молнии.

Зикора, без объяснения причин, одолжил у одного приятеля охотничье ружьё. Первоочерёдность выстрелов определялась по жребию. Выпал жребий Зикоре. И он выстрелил...А потом раненого доставил в ближайшую клинику на первой попавшейся машине. Лично оповестил милицию. Началось следствие.

Огнестрельную рану залечили. Зикора сидел под следствием. Гаврилов активно включился в защиту товарища. Многое что было им предпринято...Виталий вышел на свободу и уехал в Москву. Навсегда.

Валера Алексеев и Юра Ицков

Они были первыми исполнителями ролей героев в первых постановках вампиловских пьес.

Едва лишь Ицков начал свою жизнь в театре, как его призвали на срочную службу в армии. Отслужил. Вернувшись в Иркутск, прямо с поезда примчался в комнату №43, к Гаврилову...

Оба, Юра и Валера, вынуждены были покинуть Иркутск. Оба оказались в Омском театре, где получили признание и звания заслуженных артистов. А позже стали народными артистами России.

С Ицковым после его отъезда из Иркутска я встречался всего лишь один раз, когда главный режиссёр Омского драмтеатра Вячеслав Кокорин (тоже покинувший Иркутск) привозил к нам несколько гастрольных спектаклей и среди них – «Дети Арбата», где Ицков великолепно сыграл роль Сталина. А нынче я встречаюсь с Юрой только на экране телевизора, получая удовольствие от его талантливых работ в театре и киносериалах. Знаю, что Юра верно хранит память о нашем Подворье и «Чертоге №43», аура которой обволакивала его в начале звёздной судьбы.

А Валера Алексеев посещает Иркутск довольно часто. Будучи поющим актёром, он привозил концертные программы, в которых исполнял романтические песни, сопровождая себя на гитаре. Встречаясь с ним, мы каждый раз вспоминали Жору Гаврилова и всё светлое, что дарила нам наша дружба.

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

27 января 2011

Добрый день, Виталий Алексеевич! У меня каникулы (завтра, правда, кончатся). Два момента: первый - полное безделье, второй - изучение "Августейшего Сезона", которое продвигается довольно медленно. По 50 - 60 страниц в день. Подробненько вникаю. Сегодня дошел (дополз) до стр. 656. И вот читаю: «...*Хворобушкин, после мучительных критических и самокритических раздумий, отправил-таки в пункт назначения телеграмму: "Коллегам по Союзу писателей. Приветствую вас по пути из Азии в Европу. Встречайте. Поэт Хворобушкин»...*

И вот какие воспоминания образовались. Дело было летом 1957 года. Я с тремя моими однокурсниками, студентами 4 курса Иркутского геолого-разведочного техникума, был отправлен на преддипломную практику в Хабаровское геологуправление. Явились мы на иркутский вокзал что-то очень рано. От нечего делать пришла мысль обождать поезд забросом за воротник. Забросили, конечно. И пришла мне в голову вторая мысль: нужно сообщить начальнику Хабаровского управления, что мы скоро будем. Благо, на вокзале было почтовое отделение. Ну, и дал я телеграмму на имя этого начальника (жаль, фамилия его стёрлась из памяти): "Выезжаю Иркутска такого-то, поезд такой-то, вагон такой-то. Гаврилов."

За три с лишним дня дороги я про эту телеграмму забыл напрочь. Подходит наш поезд медленно к хабаровскому вокзалу. Пассажиры выстроились в длинную очередь к выходу. Мы, друзья-студенты, последние в этой очереди. И вижу я в окно предвыходного купе на перроне мужчин количеством 4 (четыре!) в габардиновых плащах и в зелёных велюровых шляпах. Сердце ёкнуло моментально. Выходим мы, пацаны, из вагона последними. А дяденьки через наши плечи пытаются еще кого-то высмотреть. А никого больше нет. Мощное недоумение на лицах под полями шляп!! И понял я, что надо каяться. Мелкими шагами подгребаюсь к дяденькам и дрожащим голосом: "Вы не товарища Гаврилова встречаете?" Они на меня так сверху вниз глянули: "Гаврилова." - "Тогда здарсьте, - сказал я и представился по полной форме: - Студент

Гаврилов прибыл для прохождения преддипломной практики." И первым протянул, мудила, руку для пожатия. Самый высокий из встречающих, главный механик управления, вчетверо сломался от хохота. Слава Богу, остальные мужики тоже оказались с чувством юмора. Ржа была!!!... А уехали мы с вокзала на двух машинах (то ли "Волгах", то ли "Победах").

Начальство геолого-управления до того три дня ломало голову, что за инспекция в лице какого-то Гаврилова?

У меня тут в связи с "Августейшим сезоном" после прочтения чуть ли не каждой первой-второй страницы выскакивают воспоминания. И оказывается, что роман-то - и про меня!

Если интересно, напишу про сдачу бутылок, которые за 12 и за 20 копеек.

За сим прощаюсь с пожеланием бодрого духа и постоянного весёлого настроения. ГК.

PS. Воспоминания о старых купюрах. Насколько мне помнится, на старых трёшках был изображён солдат по стойке смирно, хотя и по-пояс, и с винтовкой за плечом. А на рубле был рабочий (считалось, что это Стаханов с отбойным молотком на плече), на пятирублёвке - лётчик, а вот трёшка мне помнится красноармейской.

27

Голос из хора: Борис Гольдберг

Жил-был Балухин...

...В одной из комнаток нашего Подворья скрывалась «явка» преферансистов. Здесь жил Владимир Семёнович Балухин, бывший актёр драмы.

Уроженец Алтая. Предприимчивый авантюрист и мастер розыгрышей по-крупному. Тогда о нём говорили, что он со своим практицизмом поздновато родился. Сегодня сказали бы обратное: он рано ушёл из жизни.

Армейскую службу он нёс на границе в должности кинолога, попутно развлекая сослуживцев имитациями образов командного состава. И на всю жизнь сохранил пристрастие к породистым псам.

В Коммерческом подворье с Балухиным жил дог, чёрный красавец по кличке Гамлет. Когда у Володи родилась дочь,

он дал ей имя Джулия и с тех пор называл свою общежитскую комнатку «домом Шекспира».

В Иркутский драмтеатр Балухин пришёл после окончания знаменитой школы-студии МХАТ. Актёрствовал успешно. Но подвела «под монастырь» склонность к периодическим загулам, бичу и горю многих талантов.. Рассказывали, что догуливался Володя аж до белой горячки, а однажды его даже из петли вытащили. Последнему я не очень верил, зная Володю, и подозревал, что это была его очередная мистификация.

Из театра его изгнали, но комнаты, слава богу, не лишили. Занимался он случайной работой: то школьным театральным кружком руководил, то в Новый год «дедморозил» на ёлках в клубах, школах и детсадах.

Однажды я предложил ему сделать чтецкую программу и придти с ней в филармонию. Сделал и пришёл! В сольном литературном концерте читал рассказы Василия Шукшина, только что входившего в читательскую моду. Потом как чтец и соведущий программы принимал участие в гастрольях филармонического коллектива «Всем, кто любит песню», которым я руководил.

Условия филармонической работы иные, нежели в театре: каждый артист несёт ответственность только за свой номер, не угрожая в случае загула остальным участникам программы срывом концерта или спектакля. Впрочем, в гастрольных поездках Балухин держался стойко. Был всеми любим. А уж юмористом и прикольщиком он был выдающимся!

Ютясь втроём, не считая собаки, в тесном пенале Подворья, Балухин безуспешно добивался нормальной жилплощади. Однажды, накануне какого-то праздника, он в какой-то компании на полном серьёзе заявил: «А вот пойду на демонстрацию с Джульеттой в коляске, подойду к трибуне, обольюсь керосином и подожгусь. А?»

Система сработала молниеносно! Ранним утром в Подворье примчался исполнявший обязанности директора филармонии Костя Чернышов (певец-тенор) и заголосил тем тенором: «Мне! Вчера! Позвонил!...Оттуда! И предупредили о твоих намерениях. Я, конечно, не поверил нашим органам, но они настояли, чтобы я проследил». «Идиоты, - захохотал Балухин. – Я же хохмил!» ...Но товарищ Чернышов Константин Александрович, будучи ответственным лицом и при исполнении обязанностей, до

окончания демонстрации дежурил в Подворье и не спускал бдительных глаз с Володи Балухина: чем чёрт не шутит! (Впоследствии Балухину всё же выделили квартирёшку. Действительно, чем Балухин не шутит!)

...В очередной раз собрались расписывать пульку у Балухина. Преферанс протекал как всегда, прерываясь рюмочками коньяка. Когда приходило время ставить деньги на кон, Володя заходил за занавеску в углу комнаты, проделывал там какие-то подозрительные манипуляции и выносил новенькие, чуть влажные денежные купюры. Разошлись поздно.

На следующее утро в балухинскую дверь постучали. Вошедшие предъявили служебные удостоверения и сказали: «Гражданин Балухин, у нас есть сведения, что вы, так сказать, в антисанитарных домашних условиях занимаетесь фальшивомонетничеством». – «Ну, да!» - с готовностью признался Володя. Позвал непрошенных гостей за занавеску. Там стояла стиральная машина, были такие, с двумя резиновыми валиками для отжима стираного белья. Володя и начал крутить ручку на глазах стражей порядка. И из валиков поползла бумажная лента с наживленными на неё новенькими купюрами (накануне, получая зарплату, Володя такими и получил их, кровные денежки, в банковской упаковке)... «Больше так не делайте», - разочарованно сказали службисты на прощанье. «Я больше не буду», - ответил Володя.

А мне он сказал, что знает того, кто «настучал» (имени, правда, не назвал). Этот «товарищ», вчерашний игрок в преферанс, зашёл к Балухину и попросил денег взаймы. Балухин отказал...

История эта стала легендой. Её приписывали даже Тетенькину Владимиру Владимировичу, изумительному художнику, из мастерской которого не выводилась творческая богема. Но Тетенькин, как и я, в преферанс не играл. Борис Дубенский (актёр, режиссёр и художник) пытался обучить нас игре в бридж, но безуспешно. Зато мы резались у Тетенькина в безобидную «тысячу». Но вообще-то Тетенькин ни с Балухиным, ни с Подворьем тесно связанным не был. У Тетенькина своя история.

Однако, по большому-то счёту, мы все, обитатели и посетители Подворья, жили в одной, общей для всех, истории: и режиссёр драмы Исаак Дубов с женой Людмилой, актрисой-героиней; актёры Юрий Красик,

Галина Байнякшина; и певица филармонии Людмила Панфёрова; и преподавательница культпросветучилища Елена Сигаева... Прошу прощения у всех, кого не назвал, хотя знаю и помню. Каждый заслуживает воспоминаний об их живом, необычайном бытии в Подворье тех далёких лет. Виля, например. Тогда он был просто Виля. Сейчас – народный артист Виталий Константинович Венгер.

Спасибо им всем – писателям и поэтам, художникам и музыкантам, педагогам и студентам, юристам и фотокорреспондентам, военным...- за старую дружбу и память о ней.

Чертог №43

В комнатухе (23 кв.м.) жил чернобородый «монарх» Жора – Георгий Константинович Гаврилов, человек, с которым на следующий после первой встречи день ощущаешь себя его давним приятелем. Увлекающийся и увлекающий, упрямо стремящийся к реализации идеи, овладевшей им в данный момент...А уж идей-то у него было в избытке! Но главное и непреходящее увлечение Гаврилова и суть жизни – театр.

«Салам алейкум!» - так вот традиционно приветствовал он входящего в его дом. И получал в ответ традиционное: «Алейкум ассалам!» Это Жора из Средней Азии привёз.

Аскетически обставленная комната. В глаза моментально бросается ярчайшее: стенд, заполненный разноцветными пачками отечественных и импортных сигарет. Коллекция! С течением времени она трансформировалась в коллекцию зажигалок.

На столе – листы писчей бумаги, ватмана, картона, линейки, краски, тушь, клей, ножницы...Это Жорино очередное увлечение: рукотворный геральдический фолиант в единственном экземпляре. По полноте и искусному исполнению гербов союзных, республиканских, областных, городских и прочих-прочих (с подробнейшим описанием символики) этот альбом был уникален. Где он теперь? Но Жора к тому же выискивал, выменивал, всякими способами добывал значки с гербами и прочей городской символикой.

Ко времени моего знакомства и сближения с Гавриловым он имел диплом геолога, побывал техником-коллектором геологической партии в Средней Азии, получил диплом

режиссёра, заочно закончив знаменитейшее училище им. Щукина. Успел даже чиновником послужить в инспекции областного управления культуры.

Без дела не сидел. Тут надо сделать одно отступление. В ту пору читающий народ, особенно студенческая молодёжь, так и сыпала напропалую цитатами из «Двенадцати стульев» и «Золотого телёнка». В первом романе Ильфа и Петрова имелся такой персонаж: поэт Никифор Ляпис-Трубецкой, автор бесконечной «Гаврилиады» с молодецким четырёхстопным ямбом: «Служил Гаврила почтальоном, Гаврила письма разносил...», «Служил Гаврила за прилавком, Гаврила флейтой торговал...», «Служил Гаврила хлебопеком, Гаврила булку выпекал...» И такой разносторонний Гаврила в общем-то не был фантастической придумкой писателей. Хочешь жить – умей вертеться. Хочешь хорошо жить – вертись вдвойне! И Жора Гаврилов не был исключением из массы. Так что, и о нём вполне могла сложиться подобная «Гаврилиада»: «Служил геологом Гаврилов, Гаврилов золото искал...», «Служил Гаврилов режиссёром, Гаврилов пьесы воплощал...», «Служил Гаврилов педагогом, Гаврилов юношей учил...». То он ставил сцены фехтования в спектаклях иркутских театров. То - выезжал на постановки в Черемховский драмтеатр. То - режиссировал постановки студенческого театра госуниверситета. При всём при этом Жора, имея собственное видение материала и своеобразно решая спектакли, постоянно отбивался от нелепых «наездов» трусоватых идеологов, искусствоведов и прочих спецов как в штатском, так и при погонах. «Доброжелатели» не дремали!

Подрабатывал, читая по путёвкам общества «Знание» публичные лекции на кино-театральные темы. Пятёрка за выступление!

А подрабатывали почти все представители творческих профессий. Литераторы подпирали своё благосостояние участием в творческих встречах с читателями «по линии бюро пропаганды художественной литературы». Профессиональные актёры руководили самодеятельными коллективами, участвовали в теле-радио программах. Художников выручали «соцзаказы» и обыкновенный эпидиаскоп – проекционный фонарь, увеличивающий и проецирующий на холст фотографии членов ЦК КПСС. Творцу оставалось только раскрасить это изображение – и

приличная суммочка оказывалась у него в кармане. У музыкантов была, наверное, самая стабильная подработка. Они выдували денежки из тромбонов и кларнетов на свадьбах и похоронах...

28

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

27 января 2011

Почти сразу стр. 666 «Августейшего сезона»: *...nana армянин, мама - еврейка, сынок - нате вам! - Гамлет...*

У меня две двоюродные сестры. Рахиль и Кира. Рахиль на год старше меня, живёт в Израиле, в Ашкелоне. Кира на год младше - в Москве. История такая. Две мои родные тётки по отцу в 30-х годах в Баку вышли замуж за двух родных братьев (фамилия их Рейхман). У тёти Гали и дяди Изи родилась Рахиль, у тёти Нины и дяди Иосифа - Кира. Когда НКВД забрал моего отца, Израэль стал бегать по конторам с вопросом: за что забрали Василия. Через месяц забрали и его, чтобы не бегал и не беспокоил органы. А тётя Галя умерла от рака, когда Руша (так её звали в нашей большой дедовской семье) была уже довольно большой. Так тётя Нина и дядя Ёся удочерили Рушу. Руша и Кира стали совсем родными. А потом Кира вышла замуж за армянина. Вот так и сложилось: сынок - нате вам! Михаил! Ни армянского языка, ни еврейского не знает.

У Руши-полуеврейки и её мужа Исаея, чистого еврея, родился сын Роман (я Вам о нем писал), которого записали тогда русским, чтобы у мальчишки не было сложностей в советской действительности. Правда, потом от этой зашифровки отказались. Сейчас он в Берлине евреем живёт.

Неисповедимы пути-дороги твои, Господи!

А в Баку, в моей школе № 6 учился пацан по имени Мэлс - МЭЛС - МарксЭнгельсЛенинСталин.

И ещё. Вы должны помнить, часто по радио исполнялись песни на слова Онегина Гаджикасимова. Он тоже учился в моей школе. Русскоязычный азербайджанец. И Онегин Гаджикасимов - это не двойная фамилия. Онегин - это его имя.

А у актера Володи Балухина был дог по кличке Гамлет. И дочь по имени Джульетта. Боря Гольдберг про эту

личность много чего расскажет забавного. Человек был юмора шикарного и придумал «безобразно-весёлых людей».

Не мог не поделиться этими фактами. Вот вам и одна страничка из "Сезона" под номером «числа звериного» 666!

А ещё рассуждаю над СЕЗОНОМ – как принят роман в читающем мире? Всеми, кроме одного? Одним, кроме всех? И относительно так называемой «неправильной прозы» думаю. И – о «компьютерной литературе» и о той, которая писалась гусиными перьями. И ещё представляю Вашу будущую книгу «Однажды мы жили». Замечательно ёмкое название! Но мне сразу вспоминается книжка трагически погибшего моего азербайджанского земляка Юрия Щекочихина «Однажды я был»; уже после смерти издано, в 2004-м. Не смущает?..

29

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

28 января 2011

...Нет, не смущает. «Однажды мы жили», во-первых, это название колонки, которую я лет 15 назад вёл в областной газетке, тогда Юриной книжки не было, впрочем, колонка недолго продержалась, она ж не римско-коринфская, и рухнула из-за моего "хамства, жидомасонства, гнилого либерализма и антипатриотизма", как выражались в то время ревнителю и стражи идей черносотенных. Ничего. Может быть, развалины культуры окажутся важнее самой культуры. Такое бывает. Не только в археологии...А дальше, во-вторых (если не забыли того, что во-первых), название моё - прямо-таки в охапочку по-братски со щекочихинским, чему я только рад, а уж он-то первой меня был бы рад, тоже ведь - из содружества одиночек, из ковчега обречённых.

Вот Вы пишете: "все, кроме одного". В подстрочнике, несомненно, огорчение. Я, наоборот, в восторге! Потому что "один" – это очень даже по-мне, это хорошо. Это даже замечательно, что один, хотя бы только потому, что в этой единственности - не мне оценка, но ему, тому, который тоже один.

Наверняка читательский мир стоит хорошей единицы (она же - и месса, и мессия, а в некоторых случаях - даже Мессалина).

Есть в авиации профессиональный термин: "Видимость - миллион на миллион". В читательском мире пропорции пожиже и дробные соотношения, может быть, 1:1000000, один к миллиону, а это значит, что с обеих сторон силы равны, какая-то гармония соблюдена, интеллектуальное коромыслице уравновешено, единица и массы мирно сосуществуют, язык-то у них один, словарь один, стилистика, правда, разная, но в ней-то всё и дело, в стилистике как источнике непонимания и разногласий - аж со времён двух (единения двух) первочеловеков, между которыми вдруг, как вспоминают очевидцы, возникла змея очковая...Ну вот, опять эта оптика! Навязалась она мне, или я к ней... Хорошо. Ладно. Пусть. Они же почти что рядом с каждым нормальным человеком живут, эти носители ясновидящих диоптрий: шгучные люди, как будто бы родились уже с пенсне на носишках, глазастые, зрячие, мудрые, неподдающиеся, непобеждённые (хоть и в вечном проигрыше), прослойка, сословие, сословники с сословницами, люди обречённые... Стоп. Довольно. Последнего определения вполне достаточно. Беречь их надо? Не надо. Они сами мир берегут.

Между прочим, компьютер в моём кабинете возник недавно...В канун праздника заявила ко мне делегация (дочки, зятья, внучки, свободолюбивые уже, в Пекинском университете учатся), и вот эта делегация - то ли с декларацией, то ли с ультиматумом: "Папа/дед! И не стыдно тебе возиться с допотопной пишущей машинкой в то время, когда весь мир..." - "Не-а!" - отвечаю. - "Зато нам за тебя стыдно!" - "И что же прикажете делать?" - спрашиваю. - "А ты выгляни в окно!" Выглядываю, вижу: ихняя легковушка во дворе дрожит. Вздыхнул я и говорю: "Ладно, выгружайте, заносите..." Так ко всем моим социальным статусам прибавился ещё один: пользователь. Пользуюсь. Привыкаю.

Относительно "неправильной прозы". Здесь я вижу пару фокусов, в том числе оптических. Во-первых, она как таковая наверняка является существенной проблемой для писателей-имитаторов, пытающихся писать именно так, именно неправильно. Но Платонов же не пытался! Потому что сам был таким, который из ряда вон, из ряда

правильного, так же ведь? А, во-вторых, что же есть такое, в конце-то концов, эти звери - эта книга, эта проза? Ах, если бы знать...

Есть "дуплистая" (гоголевская) проза, в которой вольготно чувствует себя не Золотусский, но Андрей Донатович Терц. У последнего, совершенно кстати, - рассуждение об его, сугубо синявском, идеале книги: о книге, "которая ходит вперёд и назад, наступает и отступает, то придвигается вплотную к читателю, то убегает от него и течёт, как река, омывая новые страны, так что, когда мы по ней плывём, у нас начинает кружиться голова от избытка впечатлений, которые при всём том текут достаточно медленно, предоставляя спокойную возможность обозревать их и провожать глазами; книга, имеющая множество сюжетов при одном стволе, которая растёт, как дерево, обнимая пространство целостной массой листвы и воздуха, - как лёгкие изображают собой перевёрнутую форму дерева - способная дышать, раздаваясь вширь почти до бесконечности и тут же сжимаясь до точки, смысл которой непостижим, как душа в её последнем зерне"... Вот он, синявский книжный идеал, - неправильный, то есть не правильный, а вольный.

Вспомнилось: недавно я отмечал - ночью одиночно - 80-летие неправильного Искандера (не совсем в одиночку, а с воображённым и безотказным в винопитии дядюшкой Сандро из Чегема): полдюжины "Саперави", монологи с диалогами... но это уже особый жанр, на два взаимных стакана, то бишь совершенно правильный с нашей точки зрения, но неправильный по молчаливому мнению жены... Короче говоря, смотри форзац "АС": может ли быть правильной прозаическая книга, напоминающая... Ладно. Ещё короче: всё возможно. Тем более, в России, в стране, где самозванцами могут быть даже покойники, нет? тогда вспоминайте имперско-синодальную помпезу 2008 года на кладбище Донского монастыря.

В конце концов, Соснору можно читать как Библию, и - наоборот.

Общий вывод из темы - весна, впереди дела сердечные с капремонтом...

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

2 февраля 2011

...Читаю "Сезон" медленно. По 50-60 страниц в день. Потому как, с чувством, с толком, с осмыслением. Да ещё часто возвращаюсь к изначалиям. Хохочу, когда среди серьёзного рассуждения, изложенного интеллигентным литературным русским языком, ВДРУГ "выпёрдывается" (простите за натурализм) роскошное слово ЖОПА(!).

Ассоциация. 1 сентября 1955 года нас, студентов только что сформированной группы 3-1рд Иркутского геолого-разведочного техникума привезли в один из колхозов Тыретского района. Привезли под утро. Помещение для размещения готово не было, и нам предложили отдохнуть пока на каком-то здоровенном сеновале. Группа: парни и девочки, недавние десятиклассники. Народец довольно культур-мултур, как говорят на Кавказе. Спать уже никто не хочет. Коротать время решили рассказами анекдотов. Повторяю, народ довольно культурный, и анекдоты соответственно – более-менее приличные. Дошла очередь до Олега Базильского (а я тогда с ним рядом оказался), упомянутого мной в связи с БЛАДТОМ. Так он выдал такой пассаж: Тонула под мостом бабка. Бултыхается, захлёбывается, а в народе на мосту не оказалось ни одного смельчака, который бы решился броситься на помощь. Вдруг дед один - бултых в воду. Бабка за дедку, выгреблись оба. Спас, одним словом. Люди окружили деда: "Герой! Герой!!" А он: "Герой-то, герой, но какая БЛЯДЬ меня с моста столкнула?" Бомба была килотонная. Ржа стояла с полчаса. Анекдотец банальный... Но слово, произнесённое во время, многого стоит! (К эпизоду из "Августейшего сезона", с карликом Бомбеем, стр. 751).

В "Подворье" жила лилипутка, кажется, Галя, работала в филармонии (Боря Гольдберг, наверняка, её знал). Через неё познакомился я с несколькими артистами из гастролирующей в нашем цирке труппы лилипутов. Так один из них лихо ногой забрасывал сигарету в рот. Снизу, от пола, и не было случая, чтобы промахнулся.

Беда вот в чём. Только соберусь что-то написать, а, глядь, сему подобное уже в "Сезоне"! До вашей МЭЛСы ещё не

дошёл. Вам факт изложил, а он, оказывается, уже там, в "Августейшем".

Всё-таки это замечательно установилось в человечестве: стол, на столе книга, над книгой наклоняется homo sapiens... А свежее полотенце с вышитыми петушками (из аннотации) – не помеха. Но – откуда оно?..

31

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

2 февраля 2011

...Издадека! Из детства. Дед мой читал книги ритуально: доставал из сундука завёрнутый в полотенце фолиант (зелёный с золотым тиснением, кажется, издания Маркса-петербургского) - и всё это торжественно, и бабка от такого священнодействия даже рот прикрывала кончиком фартука, чтобы чего лишнего не сказать в те минуты, а дед приступал к последующей литургии, готовил очки к чтению, круглые стёклышки протирал, вначале усердно подышав на них, специальным кусочком замши, и гибкие дужки, исследовав, подматывал где надо суровой ниткой, уж давно нет таких очков, разве что на фотографиях встретишь - у Грибоедова на носу, у Дельвига, кажется, и у Вяземского...- дед читал, шевелил губами, снимал очки, смотрел куда-то глазами, попеременно разными, то тёмными, то светлыми - чай прихлёбывал - снова очки надевал...- и тут уж деда ни одна живая душа не смела потревожить, о чём бабка озабочивалась параллельно и автономно - короче говоря, ритуал. Во многом утраченная культура книжного чтения...Рабочий стол с компьютером - почти та же привязанность. Библию в гамаке не читают, и компьютер - на рабочем столе, а не под подушкой. Так что, выходит парадоксальным образом возвращение культур, правда, без шелеста страниц, без их шершавости и неистребимого запаха бумаги, типографской краски, клея и прочего, из чего оно сделано, восьмое чудо света. Авось, экран будет девятым. Только привыкнуть надобно...

А ещё справочка – к началу Вашего письма. В российском культурно-литературном и медийном мире недавно произошло шумное событие, в центре которого – роман Елены Колядиной «Цветочный крест», ставший лауреатом

литературной премии «Русский Букер» за прошлый год. Вот самое начало романа: (глава первая: КУДЕСЫ ОТЦА ЛОГГИНА):

— *В афедрон не давала ли?..*

Задавши сей неожиданно вырвавшийся вопрос, отец Логгин смешался. И зачем он спросил про афедрон?! Но слово это так нравилось двадцатиоднолетнему отцу Логгину, так отличало его от темной паствы, звать не знающей, что для подперделки, подбзделки, срачницы, жсопы и охода есть грамотное, благолепное и благообразное наречие — афедрон. В том мудрость Божья, что для каждого, даже самого грешного члена мужеского и женского, скотского и птицкого, сотворил Господь, изыскав время, божеское название в противовес — дьявольскому. Срака — от лукавого. От Бога — афедрон!..

Просвещайтесь, ГК! Вникайте в кудесы современной дамской прозы!

32

Голос из хора: Борис Гольдберг

До и после застолий

Застолья в комнате Жоры начинались с бутылки «777», или азербайджанского «Агдама», именуемого на французский манер «Адамо», или «Солнцедара», или «Алжирского», или водки-белоголовки, самой дешёвой.

Главной закуской были фирменные макароны по-гавриловски. Нарезанная колбаса обжаривалась на сковородке с луком, добавлялись отварные макароны и всё это обильно поливалось томатным соусом.

Когда бутылка опустошалась, то словно по какому-то волшебному сценарию в комнате появлялся новый гость, приветствовал собрание, доставал из-под полы свежую ёмкость и водружал в центр стола...Иногда прихожане подтягивались уже к «закрытию занавеса», что грозило нарушением общежитского «комендантского часа». А если дверь уже была заперта изнутри? Прихожане проникали в гавриловский ковчег со двора, через окно первого этажа. Правда, вскорости Жора наложил табу на такое ночное вторжение.

Как всегда, за столом не хватало стаканов, рюмок, стопок. Пластиковой тары в ту пору не было, а стеклянная, сами понимаете, она и есть стеклянная. В один из дней рождения Гаврилова я приволок в подарок ему целую коробку с гранёными стаканами и стаканчиками. И что? Через полтора месяца проблема вернулась на круги своя. А в конце каждого месяца Жора извлекал бутылки из всех комнатных закутков. Начиналась операция под кодовым названием «Сдача литературы в стеклянной обложке» (другое название – «Сдача пушнины»). Загружали тару в мешки, рюкзаки, зимой в виде транспортного средства использовались детские санки...И мы отправлялись на поиски приёмного пункта стеклотары. Это было не просто! В одном пункте – затоваривание. В другом - не привезли пустые ящики для бутылок. В третьем был учёт чего-то. Четвёртый был закрыт без объяснений. Километры отмеряли мы, покуда не натыкались на возжеленный ларёчек с опухшей приёмщицей...Но результат оказывался отрадным. На коротенькое время, до новой получки, финансовый вопрос был решён. Шиковать не приходилось, но на хлеб хватало...

Рыбные дни

Однажды Володя Балухин приобрёл по бросовой, чисто символической цене у одного своего начальствующего родственника на Байкале списанный катерок. Получив права на управление маломерным судном, Володя стал ходить на Малое море, где почти задарма, используя своё обаяние, загружал свой пиратский корабль омулем.

Привозил добычу в Иркутск и объявлял: «Байкальский декольтес!» - после чего подключал нас к продажным делам. Мы с Жорой метались по городу в поисках покупателей среди знакомых, в столовых, кафешках и ресторанах. Помимо процентов от выручки, рыбка и на наш стол попадала. Закуска отменная.

Кстати, о рыбе. Однажды Жора слетал в Москву на свадьбу своей сестры, вышедшей замуж за сына работника ЦК КПСС. Вернувшись, рассказывал:

- Смотрю и вижу: на столе перед каждым гостем стоит пузатенький бочоночек с икрой. Придвигаю его к себе, думаю: ну, вот сейчас отведу душеньку...

Заметим в скобках, что в Иркутске того времени страшным дефицитом была не только икра. До начала шестидесятых

магазинные полки были пустоваты настолько, что покупатели даже кипели возмущением, дескать, чо такое! купить нечего! одни только крабы и лосось в банках! Но в начале шестидесятых исчезли и они.

-...думаю, - продолжал Жора, - вот сейчас-то я отведу душеньку! Беру большую ложку, зачерпываю...А ложка вошла в бочоночек на миллиметр – и упёрлась кончиком в невидимую преграду. Оказалось, что в горловину бочоночка была вставлена небольшенькая стеклянная розетка с тоненьким слоем икры, создавая иллюзию полной бочки икры...Братцы, да это же что такое? Это же символ эпохи!

Кроме свадебных впечатлений Жора привёз в Иркутск воблу. Вобла – тоже символ.

...Как-то раз (да не единственный) я гастролировал в Братске. Перед возвращением в Иркутск заехал на Братский рыбзавод, где мне позволили даже навестить камеры, в которых дозревала до кондиции копчёная и вяленая сорога, она же плотва. «Берите, сколько хотите!» Я снимал с крюков жирных, ароматных, полупрозрачных, головокружительно пахнувших рыбок, набивал ими крафт-мешок, почти позабыв о весе, который не превысил бы норму ручной клади. И привёз этот мешок в Иркутск. А там прослышал про знаменитую гавриловскую воблу. «Давай, - говорю, - меняться! Сорогу на воблу!» - «Давай, - отвечает, - только у меня штук пять осталось. Я тебе своих пять, а ты мне свои десять. У меня ж всё- таки вобла, да непростая вобла, а московская!». Махнулись, как говорится, не глядя. Принёс я домой свёрточек от Жоры, развернул газетку с московской воблой и глазам не поверил: передо мной лежали пять хилых, пересушенных, неаппетитных мумий...Это были плотвички. Они же - сорожки...Вот и поверь Москве после этого!

33

Георгий Гаврилов - Виталию Диксону

3 февраля 2011

Виталий Алексеевич, у меня что-то глючит интернет. Подтвердите получение сегодняшнего и предыдущего письма. Так что же главное в танке? Хотелось бы ещё, чтобы Вы познакомились с Мишей Развозжаевым. Мои

КГБешные дела параллелили с его делами. Думаю, он сможет вам рассказать достаточно много интересного. И про кгбешника-подонка Сережу Тарасова в том числе, который, по неуточнённым данным, дослужился то ли до полковника, то ли до подполковника.

А что же это за «дела сердешные» появились у Вас? До настоящей весны – ещё целый месяц!..

34

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

3 февраля 2011

...Продолжаю, как ни в чём ни бывало, емелить, попутно сделав очередную зарубочку на времени, в котором под "делами сердешными" уже понимаются всего лишь миокарды, а не новые и даже старые любви...Посему и "здравствуйте" говорю, смакуя и чуть ли не облизывая каждую буквочку, а - не мимоходным "дрысьсь..."

Рекомендую. На канале «Культура» ведёт программу «Разночтения» Николай Александров. И программа, и сам Александров мне полезно-интересны. И я зацепился за Александрова давно Уже много лет назад в "Известиях" (6.10.04) он замечательно пригвоздил, точнее сказать, прикнутил для российского литературного музозоя – и как факт, и как постфактум. Послушайте...

"Современный российский роман - это весьма аморфное образование. Он не стремится к цельности формы. В лучшем случае он стремится удивить частностями. Он хочет заменить отсутствие смысла и законченности самим рассказыванием, голой наррацией, удачными высказываниями и даже отдельными словами. Но в романном объёме даже самые блистательные выражения и слова пропадают, теряются. Современный роман неряшлив и непричёсан, невнятен и неказист. Он тужится сказать о чём-то, но чаще всего говорит ни о чём. Или обрывается на полуслове...Про современную романную ситуацию есть анекдот. Анекдот об анекдоте. Рассказчик, решивший поразить слушателей, приводит следующий анекдотический шедевр: "Идёт караван по пустыне, несёт в мешках песок и дерьмо" - "И всё? А где же соль? - спрашивают недоуменные слушатели.- "Соли нет. Только песок и дерьмо"..."

Всё верно, всё совершенно справедливо, всё так-так-так...Только вот - о каком романе речь? Заметил ли бы он, разnochтец Николай, что-либо в "романе положений" помимо "романа"?

Может, как-нибудь оказисто преподнести ему совершенно несовременный "АС"? Или "Ас-соль" - только в моих фантазиях?..

35

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

3 февраля 2011

Ну, вот не дал же мне Бог литературного таланту! Ну, не дал! Есть и жизненный опыт, и жизненные наблюдения, но ведь литература - вовсе не фиксация жизни, а отражение Жизни Озарённой. И это отражение дано очень немногим. Иначе её бы и не было, Литературы. Готов делиться какими-то фактами, связанными с жизнью Иркутска и жизнью иркутян, но давно бы стал последователем Дяди Гиляя, если бы хоть чуточку почувствовал в себе способность к писанию. "Чайковский - педераст – какую музыку создавал!!! Гоголь - импотент - какие произведения писал!!! А тут... Вот такая елдовина! (правая рука обязательно покажет какая, и кулаком этой руки да по лбу) - родной маме письма написать не могу..." Такое вот резюме.

В Иркутске я знал двух блестящих рассказчиков. Гены Машкина, к сожалению, уже нет в живых. Глебушка Пакулов, слава Богу, жив, но очень болен. С каким восторгом мы наслаждались их брехнемётом!

Глеб все свои байки начинал одинаково: "Прихожу это я домой (в газету, в столовую, к другу...) естественно пьян!" А дальше: "Тамарка (жена его) на меня полкана спустила. Так я оскорбился и от обиды дыхнул на неё... (Пауза, потом делал круглые глаза, выражающие вселенский ужас) Она обуглилась!!!" Или: "Прихожу это я домой, естественно пьян... Тёща на меня варешку свою величиной с кепку раззявила... Я туда глянул... А у неё на нёбе... волосы! (опять пантомима) Седые!!!"...

Голос из хора: Борис Гольдберг

Литературные посиделки: Глебушка и другие

Глеба Пакулова Геннадий Машкин называл Глебкой. В гавриловском окружении это наименование не привилось. Здесь Пакулова (кажется, самого старшего по возрасту) все называли Глебушкой.

За его плечами уже были учёба в художественном училище, работа театральным декоратором, военная служба на флоте, кочевья с геологоразведкой. И всё это сопровождалось сочинением стихов...

Появление Глебушки, автора поэмы «Царь-пушка», комната встречала приветственным гулом (Между прочим, Жора, будучи в восторге от «Царь-пушки», взял поэму для чтения на приённом экзамене в «Щуку» - и пушка выстрелила триумфально, салютообразно!)

Усадив Глебушку за стол, кто-нибудь торопливо наполнял водкой рюмку для него, на что Глебушка реагировал с милой картавинкой, такой по-детски милой, что его хотелось расцеловать: «Стагик, куда ты навиваешь? Вот же фужег. А ещё вучше стакан!» Выпив, он изрекал: «А где мясо? Закусывать надо мясом!»... Чуть попозже Глебушка впадал в лирику и начинал со слезой декламировать:

*...Вчега ты быва у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечег ненастного дня
Ты мне става казаться женой...
Что ж, пгощай! Как-нибудь до весны
Пгоживу и один – без жены...*

Закончив чтение, Глебушка доверительно наклонялся ко мне и пояснял: «Стагик, это не я написав. Это Бунин».

А позже Глебушка переключился на историческую прозу.

Казачок Реутский

Гаврилов ощущает литературу и пробует её, как говорится, «назубок» и «на зубок». Свою речь он частенько оснащал пословицами, поговорками и присказками своей собственной конструкции. По-мичурински скрещивая разнообразные перлы народной мудрости, Жора

образовывал своё: «На вкус, на цвет – на базаре не купишь» или «Не имей сто рублей, а имей сто друзей и двести рублей»...

Посиделки у Жоры часто превращались в литературные вечера, на которых иркутские сочинители становились в живую очередь для озвучивания своих новейших опусов.

Поэт Петя Реутский чрезвычайно гордился своим происхождением из донского казачества. Отец его был полным Георгиевским кавалером. С острого язычка прозаика Гены Машкина к Реутскому пристала кличка «Казачок-ок-ок!» (На меткие клички Гена был мастер, и все, кто были удостоены его характеристик, уже не расставались с ними всю свою творческую жизнь).

К Реутскому Машкин относился очень доброжелательно, хотя и сетовал: «Хороший поэт. Жаль, что грамотёшки не хватает».

На бис Петю непременно просили прочесть «Чёрную сотню» или «Поэму о чёрном хлебе», не публиковавшиеся по причине расхождения с «официальным курсом». Одно из подобных творений было принято к печати областной газетой. Пётр Иванович в утро выхода газеты помчался к открытию киоска Союзпечати, чтобы закупить побольше драгоценных экземпляров. Киоск открылся. Петя раскрыл газету. Однако стихов там не оказалось... Вопрос вскоре прояснился: накануне вечером один из обкомовских идеологических охранников, заранее ознакомившийся с содержанием завтрашней газеты, выразил неудовольствие, позвонил куда надо, типографский набор уже свёрстанного номера рассыпали и срочно заполнили «белую дыру» казённым дежурным официозом.

Кстати, в те годы многие будущие успешные писатели составляли молодой костяк сотрудников газеты «Советская молодёжь». Гаврилов обожал «молодёжку». Журналисты и литераторы отвечали взаимностью.

37

Сундучок Крохобора: Глеб Пакулов

Отпраздновав 80-летие, Глеб Пакулов засел за срочную работу: редактирование главы, не вошедшей в изданный роман «Гарь», повествующий о переломном моменте

Российской истории – церковном расколе. Увлечись неистовым ревнителем старинного церковного уклада протопопом Аввакумом, Глеб Пакулов, по его мнению, как-то односторонне, не жалея черных красок, вывел его противника – патриарха Никона. А тот был фигурой очень и очень неоднозначной.

– Самый страшный грех – гордыня – их свел вместе: Никона и царя Алексея Михайловича. Не о правке церковных книг они думали, а совсем о другом. Обольщенные греческими патриархами, вознамерились высоко взлететь. Один – на трон Константинополя, другой – стать этаким вселенским папой над всем православным миром. Суетным тщеславием был охвачен этот, по описаниям современников, дурной ликом, с ушами как у сатира, нечесаный и немытый «великий» реформатор. Но не было в нем твердой веры в затеянное. Сомнения терзали его. Известно, что удалившись в монастырь, Никон прихватил с собой книгопечатный станок, друкарню потогдашнему, и стал печатать все богослужебные книги, которые им были испорчены, по-старому: Часослов, Четьминыи, Псалтырь... Видно, надеялся, что царь, убоявшись смуты на Руси, призовет его, и он заново слепит расколотый народ.

– **А такой вариант контрреформации был возможен?**

– Вряд ли. К тому времени царь был полностью в плену у греков. И отмахивался от мольбы Ивана Неронова, яркого сторонника исправления книг не по переводным итальянским перепечаткам, а по древнерусским православным рукописям. Тот его не раз вразумлял: собери, государь, собор и вскричи – простите, люди добрые, заблудился с Никоном этим, попутал бес. Случись это – вся история России пошла бы по-другому.

– **Вы уверены в этом?**

– Да разве я один! Солженицын о том же писал: не случись раскола – не было бы и революции 1917 года. Это сейчас – проведи какие-то изменения в церковной службе, никто и внимания не обратит. А для России XVII века, стоящей на вере как на фундаменте, любая правка была болезненна. А тем более такая радикальная. Это расценивалось как предательство заветов старины.

750 лет наши предки крестились двумя перстами, и мы будем. Те чтити восьмиконечный крест, и мы будем на него молиться. Те пели знаменным распевом, а не

чужеземным партерным, и нам так завещано. По сути, раскол – это была проверка нации на твердость духа, экзамен, устроенный светской и церковной властью, не желая того. Слабые склонились перед Никоном, ну как же – наместник Бога, а крепкие духом уперлись, отказались плясать под его дудочку.

– **И заплатились.**

– Да еще как заплатились. Почему я свой роман назвал «Гарь»? Да потому, что дым пожарищ стлался по всей России. И никониане сжигали «вероотступников» в избах, как спалили и неистового Аввакума. И старообрядцы сжигали себя добровольно целыми деревнями. А уцелевшие уходили в самые глухие места. Тут года два назад собрался в Улан-Удэ съезд старообрядцев, всемирный, между прочим. Хранители старинной веры съехались, действительно, со всех концов земли: Польши, Австрии, Китая, Японии, Уругвая, Парагвая... Вот как их разметало.

– **Некоторые историки проводят параллель между старообрядцами и протестантами. И те и другие, по их мнению, создали основные богатства своих наций. Вы согласны?**

– Вполне. Посмотрите на список многих крупных российских промышленников: Солдатенковы, Морозовы, Третьяковы... Все они выходцы из староверов. А возьмите Иркутск? Та же картина. Самые именитые купцы, ворочающие миллионами, – все из старообрядцев. И не жались, не скопидомничали, не клали деньги в мошну, а щедро жертвовали на богоугодные дела: музеи, приюты, богадельни...

– **Получается, что Никон с приспешниками подрубал своими репрессиями питательные корни страны?**

– Самую красу нации, самую ее трудолюбивую часть, непьющую, некурящую. Я сам выходец из амурского казачества, из старообрядческой семьи. Мой род отмечен еще в 1648 году в государевой грамоте с благодарностью защитникам Албазинской крепости, стоявшей наряду с Тумакской в верховьях Амура и защищавшей российскую границу от маньчжур. В списке отмеченных числится и Петрушка Пакулов.

Сколько я помню, в нашем доме не было никаких пьянок-гулянок, никакого запаха табака. Никогда не слышал от отца ни одного матерного слова. Если, не приведи бог, у

пацана вырвется какое-то сквернословие, ему губы оторвут, рот заставят полоскать.

– **Представляете, какой бы страной была Россия, если бы в ней восторжествовали такие моральные устои и народ отучили от вина? Всех бы, наверное, задавили?**

– Непременно задавили. Оттого и дьяволы происки: проредить русский народец. Сначала Никон прорезживал, а потом большевики переняли его планы, выкорчевывая в 30-х годах самых крепких и работающих, сгоняя их с земли и отправляя эшелонами на север, на верную гибель.

– **Вы, когда бываете в церкви, как креститесь: двумя пальцами или тремя?**

– Ну конечно, двумя. Они знаменуют Отца и Бога Сына, небесное и земное. А остальные три пальца, сведенные воедино, – Святую Троицу. А при нынешнем троеперстии два пальца остаются в стороне, словно чужеродные. Не приемлю я и нынешнего крещения. Взяли католическую моду кропить водой, в лучшем случае, обливать из ковша. А у старообрядцев принято трижды окунать с головой. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Лучше в водоеме, а если его нет, можно в большом чане.

– **Писать исторический роман сложно. Надо не только воссоздать «дела давно минувших дней», но и язык того времени. Что брали за образец?**

– Я старался писать на том языке, на котором говорили у нас в станице. Там сохранился настоящий ядреный русский язык. Конечно, можно под предлогом реализма напичкать текст старинными словами, именно так, например, пишет Владимир Личутин, посвятивший расколу целую трилогию. Но я не сторонник такого метода. И нашел тому подтверждение в письме Марии Аввакумовой (потомок Аввакума, очень хорошая поэтесса). Вас, пишет она, читать очень легко, а вот Личутина приходится со словарем.

– **Как из гусеницы появляется бабочка, понятно – закон природы. А вот скажите: по какому такому закону из вас, профессионального геолога, вылупился писатель?**

– Представьте, в экспедиции зарядил на несколько дней дождь – в маршрут не пойдешь, сидеть в мокрой палатке скучно. Пристроись где-нибудь в уголке и скребешь пером по бумаге, благо разных историй с нашим братом, геологом, случается немало. Да разве я один пришел из геологии в писательство? Дима Сергеев, Гена Машкин,

поэт Леонид Андреев. Помню, как мы всей гурьбой приехали летом 1965 года на ставший потом знаменитым Читинский семинар молодых писателей, организованный тогдашним председателем Союза писателей РСФСР Леонидом Соболевым. И не с пустыми руками, а с изданными книжками. У Соболева глаза разбежались. Сразу шесть человек было принято в Союз. Ну, и я в том числе.

– **Понятно, что в своих первых книгах вы отработывали геологическую тему. Ваши герои ищут в основном золото. Это был предмет и ваших исканий?**

– О нашем предмете нельзя было говорить. Даже само слово «уран» заменили на другое. Все было страшно засекречено. Полевые дневники прошнурованы, проштемпелеваны – первый отдел бдил. Прибор, которым мы пользовались, было приказано перевозить закутанным в брезент, чтобы, не дай бог, вражеский глаз не прознал. Ладно, прячем, скрываем. А к нам приходили американские геологические вестники. Открываем свежий номер, а там наш засекреченный прибор и в фас, и в профиль, и со всеми данными. Смех, да и только.

– **А к открытию Краснокаменского месторождения имеете какое-то отношение?**

– Самое прямое. Я над этими забайкальскими степями не один месяц небо утюжил. Цепляли под брюхо Ан-2 счетчик Гейгера-Мюллера и прочесывали квадраты. Пискнуло, стрелка дернулась – мигом блистер откидываешь и выбрасываешь наружу ориентир: катушку телеграфной ленты. В ней метров 500, пока долетит до земли – вся разматается. Ее издалека видно, и наземным отрядам легко отыскать нужное место. Над Красным Камнем стрелку так долго трясло, что пришлось не одну ленту выбросить. Туда и кинулись поисковики. Им и все лавры достались, а нашей летной партии геофизиков – пшик.

– **Не степи ли навеяли тему вашего самого известного романа «Варвары»?**

– Скорее блоковское: «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, с раскосыми и жадными очами!» Меня всегда влекла история. Я даже мечтал поступить на археологический факультет, а когда не вышло – подался в геологию: все едино в земле копать. Хотя и степь сыграла роль. Я нашел там наконецник скифской стрелы еще, как я

предполагаю, дочингизовского времени. Трехлопастный, прекрасно сохранившийся в сухом климате. Он не поржавел, а только покрылся патиной. Я подарил его Валентину Распутину, а тот мне – две толстые тетради. С умыслом: садись и пиши. Ну, я и засел за работу, исписал эти тетради. Получился роман.

– **Судя по Блоку: «с раскосыми очами», скифы были монголоидами?**

– Нет. Наш известный археолог и антрополог Михаил Герасимов восстановил по черепу облик скифа – ничего близкого, типично русское лицо. А Герасимову можно верить. В Подмосковье раскопали городище, огромный город скифский. Там и железо плавил, и кузницы стояли, где выковывали короткие скифские мечи – акинаки. Народ же был страшно воинственный, против них не могли выстоять и греческие гоплиты. Вместо кольчуг использовали воловью шкуру, так круто дубленую, что ее не пробивал меч. Интересная деталь – шкура закрывала только грудь, спина была голая. Для чего? А чтоб не праздновал труса. Побежал, повернулся к врагу спиной – труп. Только вперед.

– **Историки не оспаривали вашего взгляда на прошлое?**

– Я же не просто фантазировал, а опирался на документы, на раскопки скифских курганов. Конечно, что-то придумал. Тот же разговор Дария со своим оракулом, который предостерегает персидского царя от войны со скифами. Это легко было сделать, зная, что пророчество сбылось, и Дарий потерпел жестокое поражение. Видно, интерес к нашей истории велик, только в Москве роман издавался восемь раз.

– **Как писатель вы выросли в советское время. Каким оно осталось в вашей памяти?**

– Прекрасное время. Да, жили под цензурой. Помню, один из моих рассказов получил такую оценку: талантливо, но недостойно советского писателя. Отослал рассказ в Москву, там сочли – достойно. И напечатали. А сколько прикапывались к повести Распутина «Деньги для Марии»? Так советскому человеку никто не может помочь, не типично, мол. Но опять же, напечатали. Ладно, цензуру отменили. И мигом пошел поток литературы, где через слово мат. Денежки заплатил и печатай, что душе угодно. Талантливая книга буквально тонет в море макулатуры. В наше время было девять тысяч писателей на весь

Советский Союз, а сейчас, говорят, в одной Москве – 23 тысячи. Ужас. Я стал стыдиться этого слова. Сказал: помру – напишите на могиле: «Глеб Пакулов, литератор».

Олег Гулевский «Областная газета», 25.01.2010
<http://www.ogirk.ru/news/2010-01-25/pakulov.html>

38

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

3 февраля 2011 г.

(продолжение)

...А когда Гена Машкин исполнял свои опусы, я просто завидовал его мастерству и белой, и серой завистью.

Олег Харитонов, журналист "Советской Молодёжи": "В этом месяце у меня - Болдинская Осень... Две информашки в газету сдал!"

Запомнился Володя Калоянов, фотокорреспондент той же "Молодежки". Вот был мастерюга на приколы, подколы и весёлые провокации! Однажды, в понедельник... Утром по понедельникам в кабинете главного редактора (Ханбеков - человек, по мнению всех журналёров газеты, - весьма гаденький) производилась "летучка", на которой обсуждался план работы на неделю. Присутствовали все сотрудники обязательно. За столом у окна спиной к окну - гл. редактор. Сотрудники - на стульях по двум стенкам от окна до двери. Володя устроился (если смотреть от двери) в левом ряду, в дальнем углу, рядом со столом редактора. После деловой части "летучки" обычно гл. редактор спрашивал: "Может быть, у кого что есть сказать?" И поднял правую руку фотокорр Калоянов. "Пожалуйста, Владимир Николаевич." Володя произнёс речь. "Товарищи! Наша газета - орган Обкома Комсомола! Каждый день нашу редакцию посещают десятки комсомольцев, пионеров и коммунистов! (Это у меня тут изложение конспективное, а Володя это развернул в длинную тираду)...И ни у кого нет на груди комсомольского значка!!!" "Враги общества" охнули, ахнули, ухнули: а сам-то, мол... И Вова всем своим туловищем развернулся к коллегам. На левой груди фотожурналиста сиял отполированный суконной тряпочкой комсомольский значок. Нашёл где-то замызганный значок, отмыл его, втихаря приспособил на

грудь, сел так, чтобы до поры до времени значка не было видно, и наконец ВЫСТУПИЛ! НА ПОЛНОМ СЕРЬЁЗЕ! Это он умел.

Замечательные ребята сгруппировались тогда, в 60-70-е годы, в "Молодёжке": Харитонов, Волович, Добробаба, Жемчужников, Галкина, Калоянов, Белоколодов... (пусть простят меня те, кого не помянул). Мне бы очень хотелось, чтобы Вы познакомились с Виталькой Белоколодовым (кличка у него была - Копытов), фотожурналистом сначала "Молодежки", потом - АПН...

39

Сундучок Крохобора: Виталий Белоколодов

Открылась выставка иркутского фотохудожника Виталия Белоколодова. Выставка «По волнам памяти» посвящена 350-летию Иркутска. Здесь представлены работы, сделанные Виталием Белоколодовым с 1959-го по 1985 год. Выставка приурочена еще к одной юбилейной дате — 70-летию фотохудожника.

Виталий Белоколодов: *«Раньше у нас много сил отнимала техническая сторона вопроса. Теперь все стало проще, а значит, больше времени на творчество».*

Виталий Белоколодов интересовался фотографией, еще будучи ребенком, — уже в шестом классе стал ходить в кружок, посвященный фотомастерству. Но, повзрослев, решил, что это лишь увлечение, поэтому сначала был рабочим на заводе. А потом вдруг узнал, что краеведческому музею нужен фотограф. Там он ощутил, какая работа действительно любима.

Через некоторое время Виталий Николаевич решил попробовать себя в роли фоторепортера. Его первая публикация в СМИ вышла ровно полвека назад. Это был снимок для газеты «Восточно-Сибирская правда». С этого момента началась активная работа в местных газетах, в частности в «Советской молодежи», «Труде». Потом успешного фотографа пригласили в престижную в то время структуру — агентство печати «Новости», работавшее на международные СМИ. С того времени прошло немало выставок, на которых Виталий Николаевич

показывал уникальные кадры, полученные в бесконечных командировках. Какие-то фотографии были сделаны тайно, несмотря на запрет, а за некоторые Виталий Белоколодов чуть не расплатился жизнью. Но, несмотря на все опасности, он был верен своему делу, и фотоаппарат всегда отвечал взаимностью — портреты современников получились психологическими, панорамы оказывались — грандиозными, а репортажи живыми, динамичными. По-особому Виталий Николаевич относится к панорамным фотографиям Иркутска.

— Фотографировать с неба было строжайше запрещено, — вспоминает Виталий Николаевич. — Но меня часто отправляли в командировки. Бывало, летишь на вертолете, и такой прекрасный вид открывается на город! Признаться, если меня никто не видел, я потихоньку доставал фотоаппарат и снимал, снимал, снимал... Прекрасно понимаю, что и сам мог за это поплатиться, и летчики, не следившие за мной, могли лишиться работы, но... не мог устоять! Конечно, такие «запрещенные» фотографии никому не показывал. Они пылились в шкафу, ждали своего часа по двадцать лет.

Самой большой опасности Виталий Белоколодов подвергся тогда, когда отправился снимать нефтяное месторождение в Усть-Кутском районе, в деревне Марково.

— И вот я решил сфотографировать с одной стороны, потом с другой, затем решил подойти поближе, — вздыхает фотограф. — Я не знал, что, когда давление при нефтедобыче повышается, делается выброс... Опасная территория не была огорожена — просто-напросто там никто не ходил. Это пришло в голову только мне. На меня вылилось около 200 литров горящего бензина. Я оказался прямо в центре факела. Хорошо, что не растерялся, не потерял направления. На карачках я полз, полз сквозь огонь. И вышел! К счастью, была зима, и я стал кувыркать в снеге, гася на себе остатки пламени. Фотоаппаратура, конечно, вся погибла, так же как и одежда. Я удивился, что сам выжил! В больнице пробыл долго — очень сильно пострадало лицо, целый месяц оно было сплошной коростой.

По фотографиям Виталия Белоколодова можно увидеть, как менялся Иркутск: вот начало строительства Академгородка, а вот празднование 300-летия города.

— *Выставка называется «По волнам памяти», потому что посвящена истории города. Это даже не мои личные волны памяти, а воспоминания разных горожан, — говорит фотхудожник.*

На фотографиях известные люди: певица Эдита Пьеха, первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев, кубинский лидер Фидель Кастро, поэт Евгений Евтушенко, писатели Марк Сергеев, Александр Вампилов, Валентин Распутин, космонавты К.Феоктистов, Б.Волынов, известный травник В.Телятьев... Порой при работе со знаменитостями случались разные казусы.

— *Мне нужно было сфотографировать приезд шахиншаха Ирана Пехлеви с женой Сарией, — рассказывает Виталий Николаевич. — Сказали, что особое внимание нужно будет уделить жене. Я так увлекся работой, так старался, чтобы красавица Сария стала еще краше, что... нечаянно наступил шахиншаху на ногу. (Смеется.) А еще в моем архиве есть великолепная фотография одного председателя облисполкома. Представьте: высокопоставленное лицо, официальная одежда, грамотная речь... И тут председатель поскользывается. Я этот момент ловлю фотоаппаратом. Получается замечательная фотография — председатель застывает в нелепейшем, каком-то птичьем поклоне! Конечно, такое фото не вышло на страницах газет.*

С камерой Виталий Николаевич не расстанется и сейчас. Правда, теперь фотографирует гораздо меньше. Но зато преподает мастерство студентам, будущим журналистам.

— *Раньше у нас много сил отнимала техническая сторона вопроса — фотографии нужно было проявить, да еще и сделать это правильно, — вспоминает Виталий Белоколов. — Теперь же все гораздо проще — больше времени остается на творчество.*

После работы выставки Виталий Белоколов не будет забирать свои фотографии — их он решил оставить в дар любимому городу.

Яна Белова, «СМ Номер один». 8.10. 2009

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону
3 февраля 2011 (окончание)

... Мне бы очень хотелось, чтобы Вы познакомились с Виталькой Белоколодовым (кличка - Копытов), фотожурналистом сначала "Молодежки", потом – АПН. Он подробнее меня расскажет о Юрии Пятове, выпускнике Иняза, сотруднике этой газеты, сбежавшем (по слухам) в Америку будучи уже начальником шифровального отдела то ли эскадры, то ли всего Тихоокеанского флота, и заставившего передислоцировать все вооружённые силы Дальнего Востока... А в 1974 году, через 8 лет, Юра Пятов появился на праздновании пятидесятилетия "Советской молодёжи" с орденом Ленина на груди. Такие вот ребята ЖИЛИ в городе Иркутске.

А вот какие два банальных случая вспомнились при знакомстве со страничкой "Сезона", где так вкусно сообщается о сдаче бутылок по 12 и по 20 копеек.

Окно моей комнаты на первом этаже в "Коммерческом подворье" выходило во двор со складами "Роскультторга". Оно было как бы второй очень удобной дверью. Прямо от окна была пологая железная крыша над входом в подвальные склады. Ногу на табуретку, вторую на подоконник, несколько шагов по крыше, делаешь шагок на асфальт двора, ещё десяток шагов, пересекаешь улочку-переулочку,ходишь во двор, а тут и пункт приёма посуды! Меньше полуминуты ходу.

Поскольку жильё мое, никогда не закрывавшееся, было "Ленинской комнатой" Иркутска, бутылки скапливались с невероятной скоростью. (А поэтому мы всегда были при нужной сумме.)

Был у меня старинный фанерный обтянутый кожей чемодан с металлическими уголками. И входило в этот чемодан ровно 36 "долгоиграющих" бутылок, называемых ещё "огнетушителями.

В то далёкое время Иркутск вдруг завалили болгарскими сухими винами в таких вот бутылках, принимаемых по 20 коп. после пользования их содержимого. Пить сухое вино стало модным (Плиска, Фетяска, Грин Сильване, Хемус).

И вот однажды... Загружаем мы с двумя Володями, Калояновым и Чупровым (тоже личность ого-го!, хотя и

математик), чемодан "огнетушителями" и через окно направляемся в пункт. Ошиблись маленько - пришли в обеденный перерыв. Ничего, подождем. Берем из штабеля ящики и перекладываем бутылки в них из чемодана.

Почти сразу за нами зашли два парня. Один другому, громко, с чувством, с каким-то восторгом и завистью: "Ты посмотри, что нормальные интеллигентные люди употребляют... а мы...", и достают двенадцатикопеечную тару из-под Перцовки, Можжевеловой...

Оставив Чупрова с нашими ящиками у пункта, с Калояновым возвращаемся в "Ленинскую комнату", загружаем чемодан неинтеллигентной "перцовкой", "можжевеловой", ещё какой-то "гадостью", возвращаемся и с серьёзными интеллигентными мордами лица начинаем демонстративно заполнять следующие ящики. Нужно было видеть, какое блаженство, какое удовлетворение, прямо-таки счастье разлилось по физиономиям этих двух парней: нет, не растеряла Россия своего менталитета, как теперь принято говорить.

Второй случай. Правда, у другого пункта. С Юрой Пархоменко (теперь он большой человек, если не на пенсии, - доктор наук и профессор на историческом факультете Госуниверситета) мы оказались опять-таки в обеденный перерыв. Лето. Солнце. Довольно приличная очередь. Было это во дворе деревянных одноэтажных строений на улице Ленина, сразу за памятником Ленину. Зашла во двор с четырьмя бутылками в авоське старая женщина и обратилась к обществу: "Сыночки, разрешите мне сдать без очереди" (Тару уже начали принимать.)

Очередь разом оскалилась и громко зарычала: "Ещё чего! Мы тут стоим...!" Возбуждение явилось необыкновенное. И тогда я, набрав полные лёгкие воздуха (честное слово, не вру), хорошо поставленным голосом заорал (начало своего ора помню хорошо): "Вы что? Ёб вашу мать, охуели все, что ли? Часы тут тратите впустую и не можете подарить старому человеку несколько минут?" Ещё чего-то добавил для усиления воздействия! И - гробовая тишина... А потом из очереди женская восторженная (!?) фраза: "НУ И ГОЛОСОК!" Клянусь, морды очереди растаяли, улыбки появились, и старушку чуть ли не под ручки те, что только что рычали, подвинули к приёмному окошку. Знаменный случай. Мы так жили. Мы такие.

Где-то, в каком-то журнале ("Техника - молодежи" (?), "Знание - сила" (?), уж очень давно это было, читал следующую информацию. Детали и точности из памяти стёрлись. Речь вот о чём. Построили Манеж (?). Стали прогибаться балки перекрытия. Явился какой-то мужик. Прорубил в крыше окна. Всё наладилось. Фамилия мужика была Слухов, и окна в крышах стали называть Слуховыми (слуховыми). Такая вот была информашка. Сам читал. (Это относится к стр.733 АС – про так называемые «слуховые окна»)...

41

Голос из хора: Борис Гольдберг

Стуков и Квасов

Валера Стуков всегда приходил с гитарой. Кличка – Алик. Это Петя Реутский так назвал его с подачи Вампилова.

Алик играл и пел. Все слушали. И Юра Квасов, художник-портретист, тоже слушал, но при этом не терял времени даром: набрасывал эскизы к портретам. Он был частым гостем здесь наряду с коллегами по цеху Львом Гимовым и Сашей Муравьевым.

В то время Юра был главным художником центрального района Иркутска и нёс прямую ответственность за его художественное оформление, особенно в праздничные дни. В один из таких дней Юра собственноручно изготовил огромное панно и присобачил его на угловом торце финансово-экономического института (позже – институт народного хозяйства, академия экономики и права). Панно закрывало весь фасад, с первого до последнего этажа. Вверху на полотне – «Вперёд, к победе коммунизма!» А ниже изображена – праздничная колонна в перспективе, на переднем плане, то есть в авангарде шествия – вышагивали наши друзья во главе с Жорой Гавриловым: Боря Деркач (актёр, впоследствии режиссёр, гурман и кулинар, рыбак и охотник, безвременно ушёл из жизни уже в нынешнем веке); Слава Малинин, ведущий артист драмтеатра; тюзовец Виталий Зикора; Ян Сонин, режиссёр мюзикомедии и руководитель курса в театральном училище...

Весь свой курс Ян не единожды приводил «на экскурсию» для обозрения группового портрета иркутской театральной богемы кисти Квасова.

Саня Вампилов

До середины шестидесятых годов Вампилов в общем не выделялся из среды сверстников. Был – как все. А уж после трагической гибели люди, встречавшиеся с Сашей, задним числом вспоминая его поступки и высказывания, стали наделять их признаками гениальности. Не весть откуда нахлынувшие «друзья-товарищи» объявляли себя первооткрывателями дивного вампиловского дарования. Художники бросились к мольбертам воспроизводить образ Вампилова по памяти и фотографиям. А, между тем, портрет с натуры ещё не прославившегося драматурга был написан всего один-единственный раз. Было это так.

Случилось очередное сборище в гавриловском ковчеге. «Юра, - сказал Жора художнику Квасову, - ты вот рисуешь разных людей, а писать портрет надо вот с него. Это же наш будущий Чехов!» - и указал на Вампилова, скромненько сидящего за столом. «Да я готов прямо сейчас! – откликнулся Юра. – Только на чём писать? Здесь у вас ни холста с подрамником, ни фига...» Гаврилов немедленно отодрал картонную заднюю стенку старенького платяного шкафа и протянул Квасову. Потом в пояс поклонился шкафу: «Дорогой многоуважаемый шкаф! Тебе не надо обижаться. Тебе гордиться нужно!» Написанный портрет надолго поселился в мастерской Квасова. И только после 17 августа 1972 года Юра доработал этот портрет, который остаётся самым верным художественным воспроизведением живого образа Александра Вампилова.

42

Георгий Гаврилов - Виталию Диксону

6 февраля 2011

Думаю, Господи, ну почему я уже не Иркутянин? Так хочется пообщаться с Вами устно, дорогой Виталий Алексеевич!

Неторопливо осваиваю роман и почти каждое, примерно, трех-пятистраничье вызывает всевозможные ассоциации и пёстрые воспоминания из личной жизни.

Дошёл сегодня до стр. 827, и на тебе! - перевёртыш "Морального Кодекса"!

Пригласили меня однажды поработать в Иркутский железнодорожный институт. Руководителем Агитбригады. К смуту. Институт располагался в здании общежитского проекта. При входе в него - холл с четырёхгранным опорным столбом посреди пола (как выразился в каком-то романе Платонов).

На этом столбе - красная стекляшка (примерно 1,5 на 0,75 м) с золотом (бронзулеткой) писаным "Моральным Кодексом". Прямо напротив входа.

Мимо него не пройти. И вот встречаюсь я с секретарём парторганизации (он же преподаватель истмата и диамата) по поводу моего сценария. Мужик - далеко не дурак, приятный во всех отношениях, доброжелательный и улыбочивый. И заходит у нас с ним разговор о наглядной агитации. Он двумя руками ЗА, я - в её необходимости весьма сомневаюсь. Дискутировали. Конец дискуссии был такой: Я: "Вы каждый день, приходя на работу, проходите мимо столба с изложением пунктов "морального кодекса", так?" "Да", - отвечает. Я: "Скажите мне, что сказано, хотя бы, в первом пункте этого самого "Кодекса"?" ... Всё! Я победил!

Потом, через несколько лет, я еще разочек воспользовался этим козырным приёмом. Вёл в Канском педучилище "Выразительное Чтение", в принципе, то, что в моём деле называется "Сценречь". Прислал горком комсомола на должность освобождённого секретаря комсомольской организации одну девку (не могу сказать по-другому), несусветную дуру, да ещё с гиперамбицией. Сходу повела себя, как зам. директора по политчасти. Месяца полтора-два, ещё не утверждённая всеобщим комсомольским собранием училища, закусив удила, распорядилась на полную катушку студентками (парней в училище было чуть-чуть). Наконец, - комсомольское собрание. И я там, и другие педагоги. После презентации этой мадам разрешили поспрашивать её. Я задал ей очень простой вопрос: "Что говорится в первом параграфе устава ВЛКСМ?". Потом прокомментировал её полный затык. ... Всё. Комсомол училища проголосовал против предложенной горкомом кандидатуры.

Стр. 782. В предпоследнем абзаце: "А между тем, "человек" звучит горько (от "гордо"). В моей бакинской

школе № 6 на стене лестничной площадки (с первого этажа на второй) висел щит, обтянутый фиолетовым бархатом, а на нем - буквами, выпиленными лобзиком из фанеры и покрашенными, опять-таки, бронзулеткой: "Советский человек - это звучит гордо. Мир-Джафар Аббасович Багиров". Думаю, эту фамилию Вы знаете. Первый секретарь ЦК Азербайджана. впоследствии расстрелян за компанию с Берия.

Удосужился я как-то попасть на целый месяц в Агитпоезд ОК КПСС с лекцией от общества "Знание" "Образ Ленина в киноискусстве". Маршрут: Иркутск - Тайшет с остановками на станциях районных центров (на два-три дня). За лекцию тогда платили 5 рублей - хороший приработок для поддержки штанов. Я его отработывал честно. Так вот. Сподобился я читать эту лекцию в каком-то привокзальном "красном уголке" для станционных сотрудников. На стене "уголка" находилось 6 или 7 щитов "О Ленине". На первом - цитата из Крупской (это я точно помню), примерно так: "Ленин всегда был с народом, всегда среди людей..." И на всех этих щитах различные фотографии Ленина. И ни одной фотографии, где бы Ленин был с людьми. Везде один. За столом, на трибуне, на лавочке с кошкой... Правда, на одной - на лавочке со Сталиным (говорят, фотомонтаж). После лекции я указал на этот ляп женщине, секретарю парторганизации. Как бы в оправдание она заявила, что этот стенд делал профессиональный художник. Их же, мол, учат. Не удержался я: "А вы тогда зачем? Ну и пусть профессиональные художники занимаются наглядной агитацией!"

В той же поездке (не помню в каком райцентре) видел призыв на выгоревшей красной(?) растяжке на доме: "Ударным трудом встретим ... годовщину Великого Октября". А дело было более чем через год после этой годовщины.

Все эти изложенные мною мизерные фактики я пишу не ради той папки, которую Вы, дорогой Виталий Алексеевич, завели. Нет. С одной мыслью: может быть, они, эти фактики, сгодятся для какой-нибудь следующей вашей работы. Сам никогда ни за что не облитературю свой какой-никакой опыт. Не дано. И не надо. Зато в школе на выпуске был лучшим математиком, в геологии тоже не последним был, да и режиссёром, если не

гениальным, то, во всяком случае, и бездарностью себя не считаю.

До сих пор приступить к шлифовке "Богов" никак не получается. Почти половина курса хворает. Но задание осмыслить Ваши подсказки и предложения детям раздал. В предстоящую среду, думаю, большинство ребят и девочек будут в здравии. И ударимся в работу!

В начале было слово..." Но ведь у греков слово "ЛОГОС" означало одновременно и "СЛОВО", и "МЫСЛЬ". Верно ли переведено в русскую Библию слово "логос"? Может, должно быть "Вначале была мысль"? В смысле План, Проект, Сетевой График...

ГЛАВА LXXVIII. "Танки, вперёд!", "Танки, вперёд!.." Что же, всё-таки, главное в танке? Жду ответа, как соловей лета.

И ещё вопрос, за который волнуюсь. Дошёл ли до Вас "Неизданный Хлебников"?

43

Диксон Виталий - Георгию Гаврилову

7 февраля 2011

1. "Неизданный Хлебников" - дошёл, куда ж ему деться!
2. А "Танки, вперёд!" – это уж слишком красиво, чтобы быть атакующим приказом. "Вперёд!" - так верней. Следовательно, главное в танковом деле: меньше слов - больше копоти (копотить в том смысле, в каком употребляют словосочетание "дать жару" или "дать прикурить". Нет?)
3. О логосе как слове и мысли можно наговорить целый трактат (чем и занимались вольные философы); в этом плане любопытны поиски Георгия Гачева, употребившего неологизм "словомысль". Идея! Я предпочитаю опираться в суждениях на форму, подобную песочным часам (логос=голос)... "Был голос мне..." - так говорят, но только у голоса того нет звука.
Если всё пойдёт как по-писаному, то в конце лета возможна презентация Вашей книжки. Ваши иркутские друзья, думаю, организуют мероприятие, я в чём-нибудь посодействую, пригласим кого возможно, будете автографы раздавать да чокаться... Короче говоря, меньше слов - больше копоти!

45

Георгий Гаврилов - Виталию Диксону

7 февраля 2011

Вопрос с танком - шутка. Правильный ответ: "Главное в танке - не бздеть!"

Сегодня вечером сяду-напишу кое-что из прошлого Добавлю горсть «комментариев» к энциклопедическим «сезонам» нашей жизни!.. А вопросов по поводу «романа положений» возникает всё больше...

44

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

7 февраля 2011

...Пару лет назад московская писательница, драматург, поэт и журналистка Ольга Кучкина в переписке со мной вполне доброжелательно спровоцировала разговор об «энциклопедичности» романа и ввела в наш эпистолярный диалог словечко «энциклограмма». Я что-то отвечал и пробовал выстроить логический ряд и ход рассуждений вдоль и в даль той логики, но, мне кажется, получалось что-то непотребное для строгих формулировок. Но вот и время прошло, а вопросы остались прежними, да и ответы на них не претерпели изменений.

Роман положений "Августейший сезон" - время действия: формально год, неформально - по желанию трудящихся = природный цикл - кольцо - круг - а в круге четыре времени - и квадратура круга обозначилась, как миленькая, сама собой - но круг-то может быть как вписанным, так и описанным (опять же по желанию трудящихся над текстом читателей) - и "энциклограмму" в вольном переводе можно понимать как круглую запись или записной круг, как круг в записи или запись в круге, нечто вписанное в жизнь или описанное жизнью... - то ли круглый дурак, то ли аналогичный отличник, то ли стол диспутантов, то ли рожа победителя любой войны над любым миром - цирк зеркальных отражений - арена гладиаторов, где в центре манежа покачивается Енгибаров со скрипочкой и осенней душой наружу...

Но, дорогие граждане, - нет в русских словарях такого слова: "Энциклограмма"! Впрочем, им же и хуже... И тут уж я даже не знаю, кого жалеть и о чём сожалеть. Может, неведомому и воображаемому читателю посочувствовать? Мне вот представляется отчаянно, что самую читающую в мире страну долго отучали и отучили-таки от читательского труда, от объёмного познания, восприятия, сознания, видения, мироощущения... - и всё сопутствующее нам нынче (даже скорострельные суды и войны, уж не говоря и литературе и искусстве) сформатировано для клипового сознания, для "клипсового" мышления по технологиям пресловутого "25-го кадра": побыстрому! пока не остыло, пока горячо, пока дают бесплатно, пока быстрая езда, быстрое реагирование, быстрые шахматы, быстрое питание, быстрое чтение, даже научные методики скорочтения в академиях разработаны для широкого использования... - и вот эта штука будет посильнее фаст-фуда от Макдональдса с его "бездуховной" язвой желудка и гаже, чем современно-обрядовый "Отче наш..." в ритме и на мотив камаринской-плясовой... Извините за сумбур вместо музыки. Но ведь это наш корабль - с рулеткой вместо руля, и монте-карлы тут ни при чём. Новый век. Торжество телеклипа. И торжище гламурное: сделайте нам удовольствие - здесь, сейчас, сразу и как можно больше. Почтенной публике на долгое жевание ни рта не хватает, ни времени. Дай клип! - и за 5 секунд нам становится ясно-понятно, почему бросилась под поезд Анна Каренина... Что ж это, как не шаргалка для ленивого ученичка! «Шпоры» для тёмной лошадки коллективного бессознательного. Прививка к пиру во время чумы. А в разговорном русском языке появились новые слова-паразиты: короче, как бы...

А вдова Андрея Синявского, Марья Васильевна Розанова сказала: «Диксон, ты сдурел! Такие книги, как твой «Августейший сезон», уже давно не пишут и не читают...»

А вот обещанный в телефонном разговоре анекдот от одного байкальского капитана: "Кому они на хрен нужны, эти растреповичи-шостаковичи, когда Пугачиха всё никак не может кончить свою эпоху?" ...

Георгий Гаврилов - Виталию Диксону

8 февраля 2011

К Аграфёно-Мэлсовским страницам романа (про перлюстраторов и цензоров).

...У Виталия Николаевича Белоколодова, бывшего АПНовца, причем единственного некоммуниста на всё АПН, есть снимки ("Иркутская ГЭС", Иркутск... и т. д.), сделанные втихаря с высоты вертолетного полёта. О строгом запрете на такие съёмки он, конечно же, знал. Но... Журналистский зуд! В печать эти снимки Виталька не сдавал и не предлагал, иначе получил бы по полной программе! Но хранит! Вот кто может «по полной программе» понарасказать до отвала иркутско-газетно-журналёрских баек!

Пётр Андреевич Добробаба ("Советская молодёжь", потом собкорр "Советской России") рассказывал мне о случае на праздновании Дня Печати в драмтеатре (год не помню). В зале - вся писательская братия Иркутской области, на сцене - начальственный президиум во главе с первым секретарём обкома КПСС тов. Банниковым. И в какой-то момент этого торжественного действия Банникову передают газеточку, кажется, она называлась "Иркутская неделя". А в этой газеточке, вышедшей именно в День печати, на первой полосе - цитата из Погодина о Ленине: "Его неуёмное желание переделать мир..." Только вот буква Ё выпала из текста - наборщик оговорился. Чо было, чо было!!

Опять же, от Добробабы: в Шелехове в дни празднования столетия со дня рождения Ленина на каком-то слёте ветеранов вручали Достойнейшим Почётные Грамоты, богато выполненные, с золотым обрезаем. Была в этих грамотах цитата из Ленина с подписью: И. В. Ленин. Опять скандал и оргвыводы.

Помните, в те стародавние времена в правом нижнем углу каждой городской газеты печатался репертуар кинотеатров? Шелеховская газета так сообщила о фильме "Осторожно, в городе волшебник": "Осторожно, в городе большевик" ...

И ещё. Город Шелехов. Через дорогу натянута красная рекламная полоса: "Доживём до понедельника!". Без

кавычек, без "смотрите на экранах", без так нужных "к/ф", но с восклицательным знаком. Просто и со вкусом: доживём до понедельника!

Годятся такие "информашки к размышлению"?

Будьте здоровы!

47

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

8 февраля 2011

...Годятся!

А у меня есть книжка, зовут её "Мёртвые души", ей уже за 40 лет, напечатана в серии "Школьная библиотека" (!) издательством "Детская литература" (!), и заканчивается издательской сноскою: "На этом рукопись обрывается". Побурлачим - "вдоль обрыва да над пропастью"? Фигура первая.

Литературный князь Мышкин говорил о спасении красотой, но мир читательский отнёс его слова к личному кредо автора и стал трещать на каждом шагу: как завещал нам великий писатель земли русской Фёдор Михайлович... - а Фёдор Михайлович, между тем, шарахался от красоты, точно чорт от ладана, соблазна греховного чурался (где-то в АС об этом есть).

Фигура вторая.

Но вот инструктивно-пафосный "клич" другого князя, декларативного "неидиота", больше того, генерал-губернатора перед строем подчинённого ему чиновного царства-канцелярства вполне возможно отнести к самому автору: и по прихотям жизни, и в горячечных речах, и в переписке с друзьями - сомкнулись и замкнулись к круг обречённый миражи позднего Гоголя с его же юношескими амбициями, и место их встречи - пункт убытия/прибытия: обязанность и долг, сопряжённый с должностью на государственном поприще; его приглашение "вспомнить долг" попахивает мазохизмом, а долг освящён имперской табелью о рангах. Нет? Фигура третья.

Приглашаю вас на пройденные стр.585-586, где долг - зубами щёлк и грех сквозь смех, такая вот парочка выкаблучивается. Правда, там нет даже упоминания про толкование Тертуллиана о долгах, равнозначных грехам, и - наоборот, то есть одно понятие, перетолмаченное на

разные лады в разное время, и вот это-то изначальное понятие (тождество греха и долга) напрочь выбито из сознания позднего Гоголя рясоносным мракобесом Матвеем (у имперского православия – своё, особенное толкование!)...Между прочим, бывший писатель и нынешний православный профессор Крупин в недавней "ЛГ" чуть ли не в ладошечки шлёпает при упоминании черноризника...

Фигура четвёртая.

И вот, значит, снова конец книги (к счастью, не романа) - обрыв. И что там, на обрыве? Какая-то черта? Пограничье? Призрак грешного долга? Мираж должного греха? Но куда они там, эти фантомы, изнемогают от взаимной вежливости, от сладко-липкой учтивости, подталкивают и уступают друг другу первопреходческую стезю через пропасть, напрямик в майский день светлого будущего, - давайте этот тур перекурим.

Фигура пятая.

Давайте (хоть это и не по-чтецким. и не по-игроцким, и вообще ни по каким правилам) заглянем тоже вперёд, впрочем, совсем недалеко, на ещё непрочитанную страницу 1066, а ещё круче - так на всю книжную главу: сс.1052-1067. О скульпторе Шадрине Хасане Францевиче. Хоть и в инвалидной коляске, а ведь тоже "типа" творец, с кругом работает, библейскую глину пальцами мнёт и кого-то напоминает, не правда ли?.. Там - обрыв. Не всякий обрыв - пропасть. Но там как раз пропасть, без того дна, которое всегда обнаруживается в реальной жизни, которое в кризисные времена ждут как манны небесной (уж скорей бы! или дно, или свет в конце туннеля, лишь бы...а чего "лишь бы" - тут вариантов много)...нет в той пропасти дна, которое в реальной жизни сплошь и рядом является вовсе не дном, а всего лишь потолком нижерасположенного обиталища, убежища, убожища, где живут и чего-то жуют свои боги и подонки, свои герои, сироты и первые парни нашего города...

Фигура шестая.

Года полтора назад Олег Хлебников написал в "Новой Газете" статейку о кинопремьере фильма о Бродском (Хршановский, Арабов и Тонино Гуэрра). Он в восторге от эпизода: музыкальные инструменты летят по небу стаей - из России; понимай - утечка талантов, мозгов...Есть у Олега мой АС! Видимо, не добрёл ещё до моих летающих

мужиков - от упомянутого однажды Коли Глазкова из "Андрея Рублёва" и прочих нашенских милых "фанер над Парижем" - до осенних страниц 1089,1090... с улетающими (целыми косяками!) в тёплые страны к чёртовой матери нашими ширпотребовскими "шихфанерами", малой родиной рыжего зверья с абсолютно нестрашным общим именем "таракан"...

Фигура седьмая.

"...потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва..." - прощается Гоголь с Россией генерал-губернаторским голосом.

А потому что так нам жить удобно, привычно - на любом повороте истории.

Потому и долог Гоголь, что долгогрешен и разно-много-любо-дорого-партиен.

Вот ведь нечаянный фокус гения!

Но на обрыве он, сам-то вышед из шинели, попытался примерить губернаторский мундир Салтыкова-Щедрина - и ужаснулся: а как же святой долг! да как же священная обязанность!

Но юмор противен сатире. Уж та-то поиздевалась бы над освящённым грехом...

И кто же в таком случае не впадёт в безумие от чересчур серьёзно принимаемых на веру и правду должного греха и греховного долга? Нет, это уж не горе от ума, это другое, это даже последнему дураку известное охрещение перед опровержением аксиом, которые так и дразнятся, так и искушают человека, воспитанного в строгих правилах... Но ведь и взаправду: «один плюс один равно двум» бывает только в арифметике, а вот в биологии - уже три, или четыре, а бывает, что и пятернёй вопрос разрешается... Или эта Волга, которая только и делает, что впадает и впадает... Впадает в Каму. Это знает каждый гидрогеолог. Однако же Волга этого не знает. Она стала российским брэндом, который имеет право впадать если уж не прямо в Мировой Океан, то, по крайней мере, в Море, которое, строго говоря, совсем не море, а озеро...

Фигура восьмая.

А вы мне говорите: будь здоров, Диксон!

Да уж, будешь тут...

Впрочем, буду. Рад стараться.

Диксон.

P.S. Чем ещё хороша старая книжка "Мёртвые души"? 166

рисунков А.Лаптева! На фронтисписе сама Русь скачет, птица-тройка, и кучер с чем-то таким игривым на голове... Приглядишься - так это же головной убор от Мономаха...

48

Георгий Гаврилов - Виталию Диксону

8 февраля 2011

Я уже упоминал Мишу Развозжаева, биолога, байкалиста, подводника. Кажется, сейчас он руководит школой подготовки МЧСовцев на Байкале. Так вот. Когда уже начала затихать моя КГБешная эпопея, такая же началась у Михаила. Его в своё время приглашали в контору по моему вопросу, а тут меня пригласили по делу Развозжаева.

За рабочим столом восседал (несколько развалившись) сравнительно молодой и хорошо одетый мужик, я сидел возле приставленного к главному столу столика, а в уголке пристроились два молодых сотрудника, рангом, очевидно, ниже первого.

Первый задавал мне вопросы относительно Мишки, второй и третий помалкивали (за всё время "беседы" не проронили ни одного слова). На все вопросы я отвечал честно и искренне - скрывать было нечего. Мишка в то время был поглощен исключительно биологией Байкала и совершенно не интересовался политикой. По-моему, он даже толком не знал, кто такой Брежнев. Ему было абсолютно начхать на строй, систему, власть. Думаю, он даже ни одного хоть малость антисоветского анекдота не знал. Во время армейской службы он находился в какой-то спецчасти на Дальнем Востоке, где получил подготовку "рейнджера". Ну и как-то в компании разбеседовался, что запросто может уйти за границу, и ни одна погранзастава даже не заметит этого. В компании этой был и Сережа Тарасов. Он-то быстренько и состряпал доносик, что, мол, гр. Развозжаев собирается смыться из СССР. Может быть, я тут что-нибудь не так излагаю. Но по сути всё верно.

Так вот. Этот первый (главный) на все мои ответы реагировал так: "Что-то, не верится", "Не может быть". Где-то после седьмой или восьмой такой его реплики мне это всё ужасно надоело, я быстренько сочинил в башке моноспектакль, там же отрежиссировал его, и сыграл!

Никакого Станиславского, сплошной Мейерхольд. Но под Станиславского. Долбанул кулаком по столу и заорал на дознавателя: "Вы какого хера меня сюда позвали? Если вам не верится тому, что я говорю, так не хер и спрашивать! видите ли, ему не верится!..." Ну, одним словом, вот в таком виде хорошо поставленным ором с дыханием через нос. При этом как бы любовался собой со стороны. Хорошо играю!

И пауза, и полная тишина. А я еще несколько секунд громко и тяжело подышал через нос. Паузка получилась довольно длинненькая. Главнюк молча встал и вышел, за ним выкатились и двое других. Я остался в кабинете один, не могу сказать сколько продолжалось это одиночество, но довольно долго. Взял с большого стола лист бумаги, карандаш, сижу, буквы вырисовываю. Заходит один из младших, садится за главный стол. Молчит. И я молчу. Опять долго. Думаю, ну-ка, кто кого перемолчит. Всё-таки не выдержал я. "Ну, давайте, валяйте дальше ваши вопросы!" - со злой интонацией. "Да нет, мы закончили", - с очень доброй интонацией. "Так какого ж хрена мы тут сидим?" - "Да нет, вы свободны." - "Так проводите меня!". Вежливо проводил, даже попытался руку протянуть. Я её как-то так не заметил. Главное в танке - не бздеть! А ведь эти ребята-кагебешники чего-то испугались! Такая вот история.

49

Диксон Виталий - Георгию Гаврилову

8 февраля 2011

После того, как Марья Васильевна Розанова (вдова Синявского) познакомилась с "Августейшим сезоном", был у нас с ней телефонный разговор, в котором она сослалась на кусочек из романа (где цензор баснописца терзает!)...

–...Ты почто, дурак, супротив властей попёр? И почто, дурак, на устои покусился? И почто тебя, дурака, таковое устройство устоев не устраивает?

– Игде, ваша милость?

И цензор незамедлительно отцеливает дичинку крамольную:

– Да вот же, отцелева – доцелева... Сие суть чистые ревизии для нашей святой, прости Господи, монархии.

– Игде, ваша милость?

– Вот, отцелева – доцелева... Лев у тебя в басне, царь зверский, выказан дряхлым и глупым. И Тигр-де полосатый кровожаден яко...зверюга последний. И Лягушки-де, прудным водоёмом опимшись и посему лопнули. Ась? Машикерад, собака, устроил? А мы всё-ё-ё видим! Наскрозь. И даже глыбже. А не видим, так догадываемся, что фигуры сии отмечают царя нашего батюшку и господина обер-полицеймейстера, кои народ вином в кабаках опаивают.

– А что, ваша милось, рази похоже?

– Ишо как!

И грохнет тут Дурак кулаком:

– А ну, будя язык мозолить! Мелочь ты пузатая, а ишо права качаешь! И как у тебя в черепушке такие контры угнездились? И как ты смеешь, пёс государев, басенные безобразия на свой лад перетолмачивать и державным нашим порядкам уподоблять? И почто Лев уже не лев, а Тигр – так и вовсе не зверинога чина? И откеда ты, пёс государев, взял себе на ум такое, чтобы государь наш был глуп, а господин обер-полицеймейстер кровожаден? И где ты, обжорная команда, пьяного мужика в наших имперских эмпиреях узрел? И не совестно тебе всяки хули возводить на оные эмпиреи?

– Как же, не видал! – вскричит пёс государев. – Всё видал. Всё знаю. Всё слышу. Так оно всё и есть, как в басне твоей.

– Ага! А коли есть, так почто же разносы мне устраиваешь? Вить и мне тоже не трудно сей же секунд государю донести о твоей крамоле.

И опнется тут казённый человек...

Марья Васильевна знает на собственном опыте: все эти спецслужбисты - всё же живые люди, обыкновенные, хоть и малость с покорёженной психикой, и поэтому дурить их вполне возможно, и нужно, и, в некотором смысле, даже полезно - в двустороннем порядке. Флёр их всевластия, вседозволенности и всемогущества - хиленькая опора.

Георгий Гаврилов - Виталию Диксону

9 февраля 2011

"...смирительные штаны" (с.910) - это здорово сказано. Прямо, как "искусство принадлежит народу".

Вот ещё штрих к "Ленинской комнате" № 43 ("Красному уголку", "Избе-читальне", «Красному чуму», "Дому культуры"...) Коммерческого Подворья города Иркутска. На стене над кроватью укреплен был годовой календарь. В верхней части листа - фотография деревни с подписью под ней: "Место первой ссылки Ленина село Кокушкино". (Кто-то мне тогда сказал, что Кокушкино - поместье Ильи Ульянова.) А в нижней части - сам календарь.

Трудно припомнить день (вечер), в который в комнате № 43 не собиралась бы какая-нибудь компания, чаще всего разношёрстная. Великорусская традиция: приходиться в дом с бутылкой. Ну, и... Разговоры складывались самые различные, мысли рождались оригинальные (Однажды кто-то воскликнул: "Старики, у меня родилась мысль!". Саша Вампилов откликнулся моментально: "А надо было сделать аборт."), экспромты и байки высказывались, как чёртики из табакерки. И что же Бог не надоумил хоть кого-нибудь записывать ту болтовню, которая, честное слово, была достойна для изучения следующими поколениями.

Саша Вампилов в те поры прекрасные не был ещё Александром Валентиновичем, а был просто Сашей, Петя Реутский был просто "Казачок", Глеб Пакулов - Глебушка, Вовка Смирнов был Вовкой, а не Скифом и не Фиксом, а Валя Распутин, великий молчун, не был Валентиновым.

(Однажды, в половине восьмого утра появился у меня Валя Распутин, весь фиолетовый с бодуна великого. Двери комнаты № 43 никогда не закрывались, даже если меня не было дома. А в то утро я еще был в постели. "Старик, - хриплым голосом, - три рубля не найдётся? Щас в "Ангаре" буфет откроется. Оздоровиться необходимо." Смотрю на Валу - и в озноб меня кинуло от его великомученического вида. Жалко стало его до слёз. А что фиолетовый, так это для талантливого человека очень даже нормальное состояние. Стало быть, утомился. А что? Не имеет права? Имеет. Может быть, он на пару с актрисой Галей Байнякшиной из комнаты напротив всю ночь напропалую художественную литературу читал!

"Посмотри, - говорю, - в моих штанах, может, и наберёшь там чего-нибудь." Посмотрел Валя, вышарил пару рублей с мелочью и с великими благодарностями, еле-еле произнося слова, удалился лечиться. А что? Нормальный человек! Нормальный факт жизни. Это уж потом Распутин великим моралистом сделался. И очень печально было всем нам узнавать через несколько лет о полной «перезагрузке» этого талантливого человека чёрт-те во что...)

В те наши годы было неприличным возвращать рублёвые и трёхрублёвые долги. Да и не в долг трёшки друг другу давались. У меня есть, у тебя - нет. На! Игорь Ильин (был такой известный "деятель" в Иркутске), как-то узнав, что я без денег, тут же достал двадцатипятирублёвку: На! Я: "Игорь, спасибо! Отдам не раньше, чем через две недели." Он обиделся: "Ты чо?! У тебя нет, у меня - есть! Бери и забудь!"

Это никакой не комментарий к случаю с Распутиным. Это объяснение последующего.

Я узнал о гибели Саши Вампилова, будучи в Москве. А за три дня до моего отбытия в столицу Саша позвонил мне, сказал, что он закончил новый вариант "Прощания в июне" и вечером с ним будет у меня. Вечером звонок: "Старик, прости. Мы тут с Копытовым забухали, так что, до завтра." На следующий вечер точно такой звонок с извинениями. И на следующий вечер то же самое. Утром я улетел в Москву.

Сорок дней гибели Саши. Собралась вся пишущая братия в Союзе писателей. Подошли ко мне Олег Харитонов и Боря Ротенфельд с таким вот текстом: "Саша перед отъездом на Байкал занёс к нам в газету ("Молодёжку") для передачи тебе новый вариант "Прощания". "Хорошо. Отдадите. Я зайду." - "Да нет. Пропал экземпляр. Кто-то спёр его из стола". Вот вопрос. Саша уезжал на Байкал с Глебушкой ненадолго, я улетал в Москву на две-три недели... Почему нужно было передавать для меня этот вариант? Ну, не случилась эта отдача перед нашим разездом, но ведь не на долго же мы расстались. Не родился бы вопрос: "Что это, предчувствие какое-то?", если бы мне тогда же не рассказали, что перед выездом на Байкал Саша раздавал друзьям рублёвые и трёхрублёвые долги. Тут поверишь во что угодно.

А теперь возвращаюсь к календарю. В нем крестиком перечёркивались пьяные дни. Пьяным считался даже тот день, в котором был выпит хотя бы стакан сухого вина. И вот вам ещё одна мистика. Трезвых дней в каждом месяце набиралось ровнёхонько четыре. Кроме одного (какого, не помню), когда отмечено было аж шесть(!) дней.

Это не про пьянство, это про комнату № 43. То ли хвалюсь, то ли горжусь... Скорее всего - это про дружное молодое СООБЩЕСТВО тогдашнего ИРКУТСКА. Врачи и артисты, журналисты и геологи (особенно, геологи!), писатели и архитекторы, студенты и преподаватели, художники и авиаторы, строители и музыканты... Все друг друга знали, все дружили. Все друг друга образовывали. Я благодарен Богу за то, что он дал мне то время и то место существования в мои молодые (да и средние тоже) годы. Светлое было время, светлые были люди.

Несколько лет назад был в Иркутске. На дне рождения художника Саши Муравьёва я распинаялся красками в адрес Иркутска, и горько было услышать от Саши: "Э-э, старик, кончился тот Иркутск... Остались какие-то реликты..." Неужели, так? Наверно. И разговоры наши всё почему-то на деньги сворачивали, на зарплаты, на цены, на чо почём... «Цена-то какая?» - «А такая, какие зарплаты» - «А какие зарплаты?» - «Да такие же, как цены...» Слушал я старых товарищей и вспоминал...

В 1975 году, например, я преподавал в пединституте на факультете общественных профессий. В месяц заработок – 110 рублей. Питался в ресторане «Ангарь»: комплексный обед – 1 рубль. Водка стоила 3,62. Вообще, бутылка водки была своеобразной валютой, или единицей расчёта, или эквивалентом денег. Расхожее выражение: «Бутылка делов!»... Друг мой дорогой Базильский хвастал, что он в должности начальника геологической экспедиции в том же 1975 году проживал на окладе аж в 250 рублей (без учёта хитрых полевых). Булка хлеба стоила 18 копеек. Электроэнергия – 4 копейки за кВт/час... Профсоюзные взносы 10 копеек. Санитар в больнице – 120 рублей в месяц, студенческие подработки. Вагоны разгружать в военном городке – 50 рубчиков за день можно было наколотить. Как-то жили...

51

Сундучок Крохобора

Государственные цены на продукты питания в рублях
(1975 г.)

Гречка (крупа)	кг	0,52
Колбаса варёная	кг	2,20
Конфеты «Белочка»	кг	1,68
Кофе растворимый импортный	банка	6,00
Майонез	банка	0,50
Мука пшеничная (высший сорт)	кг	0,46
Окорок (буженина)	кг	4,00
Печенье «Юбилейное»	пачка	0,28
Сахар-песок	кг	0,90
Сельдь солёная развесная	кг	1,30
Сыр	кг	2,70
Чай цейлонский	пачка	0,52
Баранина	кг	1,80
Говядина	кг	1,90
Свинина	кг	2,00
Телятина	кг	2,20
Ножки свиные	кг	0,32
Гусь и куры	кг	0,90
Утка	кг	1,20
Карп свежий	кг	0,77
Осетрина свежемороженая	кг	5,00
Лещ, щука свежемороженые	кг	1,00
Язь свежий	кг	0,64
Вермут молдавский	бутылка	3,00
Вино креплёное плод.-ягод.	бут.	1,10
Вина креплёные виноградные (Тамьянка, Переница и др.		2,30
Вина креплёные марочные (Айгешат, Дербент, Улыбка)		2,88
Вина сухие грузинские (Муку- зани, Цинандали, Напареули)		3,00
Вина сухие молдавские (Рислинг, Алиготе, Фетяска)		2,10
Вина сухие болгарские (Мискет, Золотой берег, Белое озеро)		1,70
Водка «Русская» (0,5)		4,42
Коньяк болгарский «Плиска»		7,40
Коньяк армянский «3 звёздочки»		4,40

Пиво «Жигулёвское»		0,39
Советское Шампанское		5,17
Горошек зелёный	банка	0,39
Икра баклажанная		0,41
Икра кабачковая		0,42
Крабы консервированные		2,40
Лосось в собственном соку		1,00
Молоко сгущённое с сахаром		0,55
Мясные консервы импортные		0,95
Паштет печёночный		0,35
Печень трески		0,80
Сайра в собственном соку		1,00
Сардины		0,60
Тушёнка мясная		1,00
Шпроты		0,92
Мандарины	кг	1,20
Яблоки		1,00

Бытовые предметы, одежда, обувь, транспорт

Пылесос (1966 г.)		37,00
Телевизор чёрно-белый (1974 г.)		280,00
Утюг электр. (1975 г.)	6,00 - 15,00	
Холодильник «ЗИЛ» (1976 г.)		300,00
Холодильник «Саратов» (1965 г.)		78,00
Дублёнка мужская (1977 г.)		240,00
Костюм мужской финский (1978 г.)		180,00
Пальто мужское осеннее (1980 г.)		140,00
Туфли мужские импортные (1983 г.)		43,00
Мотоцикл с коляской «Урал М-62» (1964 г.)		1063,00
Автомобиль ВАЗ-2101 (1972 г.)		5500,00
Автомобиль ВАЗ-21013 (1981 г.)		7236,00
Автомобиль ВАЗ-2108 (1986 г.)		8346,00

Городской транспорт (до 1985 г.)

Трамвай		3 коп.
Троллейбус		4 коп.
Автобус		5 коп.
Такси (по счётчику) – 20 коп. за км. + 20 коп. «за посадку»		

Книги

А.П.Чехов. Собр. соч. в 12 тт. (1960-1963)		1,20 за том
И.А.Бунин. Собр. соч. в 9 тт. (1965-1967)		0,90
Гёте. Собр. соч. в 10 тт. (1975-1980)		1,15-2,20

Ф.М.Достоевский. ПСС в 30 тт. (1972-1976) 2,30 за том
А.С.Пушкин. Собр. соч. в 10 тт. (1981) 2,30

Куратов О.В.Хроники русского быта:
(1950- 1990). – М.,2004.

52

Голос из хора: Лина Иоффе

Вы даже не представляете себе, что это было за время, 60-е годы! Мы, тогда молодые, только после университета, пришли в Восточно-Сибирское книжное издательство. Оно было единственным в области издательством. И нас, пятерых выпускниц, взяли туда работать!

Тогда не было старых писателей. Ну, Кунгуров, Седых – но им тогда не было и шестидесяти. Козловский, красавец, ему лет 50 было, может, и меньше. Василий Прокопьевич Трушкин, ему было всего 45 лет. Марку Сергееву – 38, а остальные – молодые совсем! Это 62-63 годы, та самая оттепель, когда «попёр» народ вот этот молодой. Откуда они брались? Вампилов пришёл после университета. Гена Машкин закончил политех, там уже начинал писать. Женя Суворов долго учился в университете, заочно, никак не мог закончить. Он писал свои рассказы и, кстати, Саня Вампилов очень ценил рассказы суворовские, из всех его многочисленных достоинств главным считал именно способность писать хорошие рассказы.

Да, все они были талантливые, умные, остроумные. И написано у них было уже немало. Но для того, чтобы их произведения начать редактировать, а тем более издавать, их должны были заметить и куда-то «запланировать». Или в альманахах «Ангара», он был единственным, больше не было никаких альманахов, никаких журналов, или в какой-нибудь издательский план поставить. В издательстве тоже не очень-то разбежишься: 9 названий по прозе, 5 – по поэзии, остальное – сплошные переиздания, краеведение, общественно-политические произведения. Альманах выходил 4 раза в год, потом стал выходить 6 раз, переименовали его в «Сибирь».

Конкуренция среди писателей была невероятная; попасть «в план», чтобы в перспективе, хотя бы года через 2 где-нибудь опубликовали, было очень проблематично.

Существовали всевозможного рода редакционные, художественные советы, которые обсуждали на сто рядов каждую рукопись: что можно издавать, что нет. Как же это нужно было умудриться тогда, чтобы талантливым быть и слыть, и конъюнктуру соблюсти?!

Не забывайте, что существовал ещё обком партии. Когда план в издательстве уже утверждён, его проверяли в обкоме: «Вот эту рукопись дайте посмотреть, и вот эту!»

Помню, была история с повестью Володи Жемчужникова «Осень на двоих». Повесть была о любви. Приезжает девочка в город, в артистки поступать. Никого у неё в городе нет. Ночью она звонит в редакцию газеты, видимо, имеется в виду «Советская молодёжь». А там находится бездомный писатель, у которого нет квартиры, ничего нет, он в этой редакции живёт. Она говорит:

- Я на вокзале, у меня тяжёлый чемодан и курносый нос.

Он: - И что мне делать?... Ну, понятно, что. Герой едет туда, на вокзал, влюбляется в эту девочку, у них осень на двоих. А обком говорит: нельзя! как это издавать? что это за любовь такая? Ну, издать-то издали, но что потом было! Помню, Пётр Фёдорович Московских, на тот момент партийный функционер, к нам приходил, собрание проводил:

- Вам же была дана установка не издавать!

Хотя, что тут такого по нынешним временам, смешно представить. Никаких проституток – помину нет, чистые отношения. «Ну, какие же они такие чистые, если они незарегистрированные? Как это так?»- говорит товарищ Московских.

Вот так иногда приходилось бороться «за любовь».

Или вот, например, как-то издавали поэтическую книжку, Гена Головатый написал. Человек он был несчастный, недвижимый – руки-ноги не работали. Он звонил в комсомольские органы, говорил, что он приехал, ему выделяли двух-трёх комсомольцев, которые его переносили. Стихи у него, конечно, не были оптимистичными. Хорошо, что вообще были стихи. И кстати, неплохие. Одно стихотворение-миниатюра заканчивалось так:

*Вот и ещё один день прошёл,
Бессолнечный зимний день.*

Цензура говорила: уберите «бессолнечный», вставьте «солнечный». Это взять и стихотворение уничтожить напрочь – какой «солнечный»?! Потом всё-таки напечатали. А цензура ведь чувствовала, что человеку нехорошо, если у него день бессолнечный, оптимизма-то, получается, в жизни маловато! И сколько было таких наплывов, когда нельзя одно, потом нельзя совершенно другое.

Помню, Трушкин прибежал однажды:

- У меня Пётр I «вылетел» из именного указателя! Царей, оказывается, не надо прославлять!

У него другие цари тоже были, Николай II, например, – его точно не надо было даже упоминать, а Петра вычеркнули с ним заодно.

Как-то у меня случилась забавная история: мне поручили редактировать рукопись первого пионера Иркутской области и руководителя первой пионерской организации, был такой Михаил Моценко. Он рассказывал в своей книге, как они работали - пионерская организация, комсомол. И одна глава была о том, как сибирских комсомольцев в Москву посылали, а там в это время клеймили Троцкого. Какой-то митинг был, наш автор на нём присутствовал. И всё это изложил: Троцкий такой-сякой, изменник-предатель, ненастоящий коммунист.

Ну, и я, молодая, неопытная, только-только начинаю редактировать, так и думаю: «Троцкий же бяка, мы же его не любим». Вызывает меня Козыдло Николай Григорьевич, обаятельный, кудрявый, самый главный по цензуре. То, что он возглавлял, Облит называлось. Тогда Козыдло знали все. Мне и в голову не могло прийти, что в «пионерской» рукописи что-то не то. Он меня спрашивает:

- Вы скажите, что у вас в аннотации написано? Книга о самых первых пионерах и комсомольцах Сибири? Так?

- Так!

- Ну, а Троцкий тут при чём?

- Ну, как же, он ведь туда ездил, автор-то, в Москву, на митинге был!

- Троцкий - он какое отношение имел к пионерам?

Я говорю:

- Ну, как?! Уже всё напечатано! Вон и Микоян тоже пишет, что Троцкий...

- Вот пусть Микоян и пишет! А вы Троцкого уберите, чтобы духу его не было!

Пришлось несколько страниц из середины набранной рукописи выкидывать, а это же не компьютер, это линотип. Там всё непросто - если из середины что-то «вырубил», непонятно, чем заполнять. Это перевёрстку надо делать – жуткие деньги!

За рассказ писателям самым молодым платили 150 рублей за лист. Лист - это 24 машинописные страницы. Но чаще всего там было не 24 страницы, а 4 -5. Сколько это копеек от 150 рублей? Правда, иногда набегало и побольше, когда издавали целую книгу. Но всё равно им приходилось совмещать творчество и работу. Они и работали – журналистами, сторожами, кто-то по своей специальности бывшей.

Машкин геологом работал довольно долго. Алик Стуков, который много песен хороших написал на стихи молодых, всегда сторожил. Некоторых жёны кормили. Иногда жена говорила: иди, пиши, я буду вкалывать! У Володи Жемчужникова жена, Нелли Матханова, работала на телевидении главным редактором. Конечно, она зарабатывала. А он – творил!

Серёжа Иоффе работал в кинохронике – писал тексты, писал сценарии для фильмов, для журналов. Стихи – они то там появятся, то там – в газетах, журналах. Иногда не местных. Поэма «Командир» печаталась в Новосибирске.

В Москве вообще наших редко поначалу печатали. Машкина издали в Москве, так там Евтушенко помог, продавил. Ему понравилась повесть «Синее море, белый пароход», и в «Юности» её опубликовали. Вампилова в Иркутске почти не издавали. Первая книжка рассказов – 9 рассказиков там было – вышла в 61 году. Потом долго-долго ничего не печатали. Потом, правда, в альманахе «Ангара» вышли все его пьесы.

Старые писатели не видно было, чтоб дружили друг с другом. Они уважали друг друга – это было. Константин Фёдорович Седых редко у нас в издательстве появлялся, прибалывал. Или Луговской Иннокентий Степанович, поэт сибирский. «Старики» дружили с молодыми. Потому что молодые готовы были дружить. Они приходили к Луговскому тому же, с бутылкой, он готов был их обнять, встретить всех.

С Еленой Викторовной Жилкиной очень тесно общались. Машкин меня спрашивал:

- Ты наши повести читала?

- Какие ваши? Читала повесть того-то или того-то, твою, Гена, повесть читала.

- Да нет, наши!

Они один за другого были, говорили: «Наша дружба никем никогда не поколеблется». Они были «стенкой». Знаете, что такое «стенка»? В Иркутске образовался в 1962, наверное, году ТОМ – творческое объединение молодых. Они все в этот ТОМ вошли. Вампилов, Шугаев, Машкин, Иоффе, Файбышенко, Ротенфельд – все там были. Мы «стенка», мы друг за друга!

Когда Евтушенко приехал в первый раз сюда, они ему говорили:

- У нас стенка!

Он спрашивал:

- А кто в эту стенку стучит?

Я не знаю, кто куда стучал, никто, по-моему, и не стучал. Иркутская Стенка. Все 60-е годы это продолжалось.

Жили они красиво. Вот вечером идёшь после работы, и где-нибудь они стоят – или около «Молодёжки» на Киевской-1, или возле «Восточки», она была на Карла Маркса, напротив ресторана «Арктика», где все обедали за рубль и даже мы из издательства ходили туда на комплексные обеды. Или возле кинотеатра «Гигант» стояли – и всегда готовы были куда-то ехать, на какие-то острова, какие-то протоки.

Денег мало, но они их собирали, бутылки довольно низкопробного питья закупали. Закуски всегда было мало, выпивки больше, девочек вокруг - много. В молодых наших писателей часто влюблялись, конечно. Правда, многожёнцев среди них не было. Жена – святое дело, она должна быть одна! Марк Сергеев - он тогда был секретарь Союза писателей - старался всё это сберечь, чтобы было цельным, никуда не разваливалось. Звонит жена Машкина, к примеру:

- Марк Давыдович, где Гена-то, он ночью не ночевал сегодня!

- Знаешь, Эмма, - говорил Марк, - мне, кажется, что я его только что видел!

Он никогда не продавал никого. А гулять писатели любили, говорили, что это подпитывает творчество. Но ведь так и было, это подпитывало их творчество!

Хотя, честно сказать, женились, и по одному разу женились редко. Правда, для того чтобы жениться второй

раз - это как надо было влюбиться! Потому что если женщина ищет в замужестве счастья, то мужик ставит на карту свою судьбу! Они это прекрасно понимали. И конфликтов из-за женщин у писателей, в общем-то, не было.

А вот у артистов был такой красавец – Виталий Зикора, который из-за женщины стрелялся. На полном серьёзе. Застал жену в своей квартире со своим же приятелем, который в этой их квартире вроде как и жил по дружбе. Там такая дуэль была! Весь город «на ушах» стоял.

Муж вызвал обидчика. Оружием было избрано ружьё, причём одно на двоих, стрелялись по очереди. Бросали жребий, кому первому стрелять. Обидчик был почти застрелен, по крайней мере, ранен очень сильно, долго лечился. А сам Виталий, по амплуа герой-любовник, блондин с прекрасной фигурой, да ещё и талантливый, первый артист Иркутского ТЮЗа, два года отсидел как миленький за эту дуэль.

Недавно письмо пришло к нам в ТЮЗ из МХАТа Доронинского, он сейчас там работает, с просьбой: «Поздравьте, пожалуйста, вашего бывшего артиста с присвоением ему звания народного!» Мы, конечно, поздравили, да он и сам нас не забывает, шлёт всё время поздравления ТЮЗу, пишет: «Это мой первый театр». Всех вспоминает.

Он дружил с Вампиловым в те времена, оставил о нём воспоминания. Весёлая была дружба. Поехали на такси! Куда-нибудь! Женщины! 5 рублей у меня есть! Всё из-за женщин, всё для них, но женщина это всё-таки, как ни говори, «второй сорт»...

А знаете, как тогда девушки одевались? В моде были юбки-колокольчики. Ну, то есть, получается: тонкая талия, пышнейшая юбка и шпильки. До этого - ничего такого, всё как-то заунывно было. А потом - вдруг такая мода. Причём сшить легко было – делать нечего! Берёшь 3 метра ситца на сборочку, пояс делаешь и нижнюю юбку крахмалишь. И туфли. Туфли, конечно, нужны были. Но они появились, их купить можно было. На шпильке, светлые, помню, летом. Господи, как красиво! У Евтушенко стихотворение было:

*Но вот идёшь по городу,
Несёшь красиво голову,
Надменность рыжей чёлочки*

Об этом как раз времени. Во всяком случае, такая началась новая жизнь - с вливанием молодых сил. Не только писательских. И сами они были хороши – остроумные, свободные.

Марк Сергеев любил писать стихи на салфетках, стихов этих было море, мы их даже издали потом. Молодые – те, которые великие в будущем, стихами на салфетках не баловались, они удивляли друг друга конкретными рукописями – не всегда же ездили на такси и развлекались! Они много работали.

Вампилов очень много работал, у Машкина первые повести очень хорошие были. Распутин тогда жил в Красноярске, поэтому в самых активных тусовках участия не мог принимать. Серёжа Иоффе просто был другим, домашним, богемным привычкам не подверженный. На такси не ездил - к нему, бывало, приходили, он давал деньги на такси.

Однажды меня вызвал директор издательства:

- Будете редактором у Евтушенко!

У каждой книги, по-хорошему, должен быть редактор, корректор, технический редактор, художник и т.д., то есть у Евтушенко редактор тоже должен быть! Я в ужасе:

- Как у Евтушенко?

- Вот и рукопись!

Кто-то её привёз, сам он не приезжал. Я взяла эту рукопись, два дня её штудировала, готовилась к разговору – там у меня появились свои соображения, хотя это смешно. Он ведь никаких соображений не принимал. И когда он сам приехал в издательство, зашёл поговорить только к директору, подниматься вверх, к нам, к редакторам - а мы работали на 3 и 4 этажах - не собирался, поэтому – «спуститесь к директору!»

Я постаралась выглядеть как можно лучше, но всё равно дрожу от страха. И, хотя мы договаривались, что я «заманю» Евтушенко к редакторам, весь коллектив рванул вниз, на первый этаж, чтобы, когда небожитель проходил бы мимо, они ненавязчиво шли бы навстречу все...

Захожу, улыбаюсь:

- Евгений Александрович, вы не хотели подниматься к редакторам?

Он внимательно взглянул на меня:

- Нет, я, пожалуй, поднимусь!

- Тогда пойдёте, чтобы не отвлекать главного редактора, у меня есть несколько вопросов к вам.

И он потащился со мной наверх. Привожу специально – у меня ведь была задача его привести – никого нет! Все уже убежали вниз. Вот мы сидим, я стараюсь развлекать его разговором, ещё не знаю - почему никого нет, где они все, куда ушли?.. Входит Маргарита Борисовна, озабоченная, с какой-то папкой. Это тоже наш молодой редактор, хорошенькая такая. Евтушенко с интересом на неё смотрит, а она села и работает, не обращает на него никакого внимания. А он произносит фразу:

- У меня никогда не было такого красивого редактора! И чтобы ещё рядом красивый редактор сидел!

Тут все рассмеялись, расслабились, разговор завязался непринуждённый. Когда Евтушенко уходил, встал в дверях картинно и сказал:

- Мне было здесь хорошо и светло от ваших волос!

На этом, взявшись за сердце, мы расстались.

Следующую встречу с Евтушенко мы назначили для доработки рукописи. «Я сибирской породы» она называлась. Там какие-то стихи, он сказал, что заменит, что-то допечатает. Печатал сам на машинке как курица лапой, с опечатками. По сравнению с нами он, конечно, был богат, но на самом деле – нет, раз сам печатал на плохой машинке, клавиши там западали.

Он сказал: «Буду в час». А в час у нас обеденный перерыв, святое время. Вот мы всё с той же Ритой сидим, ждём. Час - нету, пять минут второго – нет. Я не выдерживаю:

- Ну всё, больше ждать не будем, это наш обеденный перерыв, почему мы должны его лишаться, может, он вообще не придёт, может, забыл...

Выходим во двор, и как раз вкатывает чёрная «Волга», подъезжает прямо к нам. Выскакивает из неё Лёня Шинкарёв, собкор «Известий» тогдашний, друзья они были, а следом – Евгений Александрович. Мы подходим, я говорю:

- Евгений Александрович, а мы решили, что вы уже не приедете!

Он посмотрел на часы, на них 13.05, и говорит:

- Пять минут? Как вы жестоки!

Всех рассмешил опять. Мы вернулись, долго-долго разговаривали. Он шутил. «Мне вот 37, а я уже готовлюсь к уходу».

...Скоро приехать должен Евгений Александрович, юбилей ведь у него - 75.

Прекрасное было время. Почему-то все тогда были молодыми!

53

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

10 февраля 2011 г.

...Только что прошел главу ХСП «Августейшего сезона» (как школьную программу). Честное слово, без всякова-якова: гениально!

Но...Мальчик Вова, пришедший 1 сентября в школу, в первый класс, лысым и зарёванным, возвращается из неё одухотворённый, возбуждённо-радостный. Врывается в квартиру и родителям: "Эх, вы! Сидите тут у телевизора и ничего не знаете! А писк-то знаете как по-правильному называется?!". Да здоровствует школа!

Лет пятнадцать назад пригласили меня здесь, в Прокопьевске, в школу № 15 поговорить с учителями-словесниками о театре, о драматургии, о литературе. Было их человек тридцать. Задал я им такую задачу: "Есть такой пушкинский стишок, обязательный по программе на протяжении уже многих десятилетий - "Узник". Наверняка, вы все его знаете наизусть. (Все кивнули, знаем, мол) Будьте добры, говорю, ответьте мне, сколько предложений в этом стихотворении." И дал время - три минуты. Ответы были в основном такие: шесть, семь, пять. Я попросил, чтобы кто-нибудь прочитал мне первое предложение. Одна училка прочитала: "Сижу за решёткой в темнице сырой вскормлённый в неволе орёл молодой..."

И не нашлось ни одной, кто бы её поправил. А у Пушкина: "Сижу за решёткой в темнице сырой. (ТОЧКА!) Вскормлённый в неволе орел молодой, мой верный товарищ, махая крылом..." И дальше до конца - это всё одно предложение.

Вот вам и педагогика с преподаванием Русского Языка и Русской Литературы. Средняя (и даже ниже этого уровня!) школа!

Ассоциация-воспоминание. Бакинская школа № 6. 8 класс. Урок по предмету (был такой предмет, даже с учебником) "Анатомия и физиология" (в рамках "Биологии"). Учительница - Гоар Сергеевна Гаспарян. Тема: Кастрация. Мой лучший друг (за одной партией сидели) Мустик (Мустафа) Самедов (аналог вашего романного Якова Якова) поднимает руку. "Гоар Сергеевна, я не понял эту тему." Гоар Сергеевна хорошо так посмотрела на Мустика, улыбнулась и сказала: "Мустик, ты эту тему понял ещё в детском саду. Не морочь мне голову." И продолжила урок. И ещё. У этого Мустика вечно шило в заднице существовало. Мы с ним сидели у окна. Урок математики. Мустик: "Март Михалыч, тут дует." Март Михайлович: "А ты, Мустик, дуй обратно, и никаких проблем." И никаких проблем. И такая Школа была, вернее, такие педагоги.

"... как рыба об лёд." А Юра Михалев, саксофонист из ангарского ресторана: "Как рыба об холодильник..." Он же избобрёл, для меня во всяком случае, слово "бандитизмы". Мой здешний товарищ выдал, что ему для продолжения бизнеса нужно "охулион долларов или, в крайнем случае, охулиард рублей". Балдею от словотворчества!

Я не надоел своими воспоминаниями-ассоциациями? Я не виноват. Виноват роман "Августейший сезон". Прошу простить и, дай-то бог, погибнуть за опчее дело, как сказал один персонаж из кинофильма "Кочубей". Чего-то я разболтался...

54

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

11 февраля 2011

...В июне 2004 в Ангарске хоронили писателя Сашу Просекина. Похоронили. В горьком винопитии и в печали дни прошли и с тихим восторгом от справедливости русской речи, в которой так славно, хоть и без оваций, отмечено: помирать - так с музыкой! И золотой саксофон легендарного московского лабуха Лёши Козлова вдруг или невдруг заголосил в унисон похоронному саксофонисту из "АС", со страницы 316, не помните? того, кто - под дождём, позади телеги с погибшим пуделем и назначенным к погребению советским паспортом

джазового скрипача Изи Несчастлифшица...Вот как роман не отпускает автора, не отпускает. А вы мне – про Юру Михалёва! А это ведь именно он был, собственной персоной, на похоронах Просекина! А упомянутый Вами к случаю Бог ничего не даст, как ни проси его. Не даст! Говорил я как-то с ним. И что? Да ничего утешительного из всевышних констатаций этого вселенского гончара - констант округлых, обтекаемых, будто бы и в самом деле только что, сейсекунд, соскользнувших с гончарного круга: обрыв...облом...обыкновенная история...А в осадке - нуль, дырка от бублика, чёрная дыра, сгущёнка, хокку и сплошное (неосознаваемое, рукописно-влажное и чуть тёпленькое) охоккуение. И надо омыть руки и возвращаться к собственной глине.

Будьте здоровы и дееспособны!

Диксон.

P.S. Однажды я объяснял замечательной переводчице из Германии Розе-Мари Титце (русский язык знает блестяще со времён ВГИКА, где училась с будущим министром культуры Мишей Швыдким) название своей книжки "Ковчег обречённых". Я говорил: человек обречённый не есть существо несчастное, с унылой беспросветной безнадежностью, с неизбежно-фатальным исходом, с трагедийно-апокалипсическим концом! нет, нет и нет! То есть, да! И в этом утвердительном "да" я имею в виду совершенно иную обречённость: обречённость как одарённость речью, наделённость глаголом, словом, когда бывшее предсказуемое становится сказуемым...но именно поэтому жизнь человека разумного не становится легче, хрен редьки не слаще, не правда ли, дорогая фрау? Фрау призадумалась. И глаза её в том призадуме показались мне несколько испуганными, что ли...Она была в Иркутске в июле 2005-го. Мы прокатились с ней по Кругобайкальской железной дороге на экскурсионном поезде. Там вкусно кормили. Розе-Мари хлебной корочкой подчищала пустую тарелку, ни крошки, ни капельки соуса не оставляя. И вот эта корочка хлеба в её руке... Розе-Мари родилась в Германии, в один год со мной, за полгода до сокрушительного поражения в войне её родины. Она, как и я, родившийся в стране-победительнице, хорошо знала цену корочки хлеба...

13 февраля 2011

Дорогой Виталий Алексеевич! Ну, кажется, я сдался...

1979 год. Чуть ли не у всей молодой части Иркутского отделения Союза художников (честное слово, с моей подачи) сложилась идея: каждый напишет мой портрет (условие – один сеанс), а потом делается совместная выставка портретов одного персонажа жизни города Иркутска – Жорки Гаврилова. Идея завершения своего не получила по причине моего отъезда из Иркутска (к сожалению, навсегда). А у меня теперь в *шихфанере* заархивирована дюжина живописных работ иркутян (развесить негде).

Первая из предложенной Вам галереи – Володи Тетенькина.

Вторая – Юры Квасова. Про него и этот портрет подробно. Был в те времена Юра «Главным художником Куйбышевского (центрального) района Иркутска». По меркантильному интересу Юра специализировался на украшении города к Советским Праздникам и Юбилеям. Панно, транспарантов и растяжек с Лениным, большей частью в 70 кв. м., натворил предостаточно. К одному такому творению прямое отношение имел и я. Творение это – Ленин в полный рост в длинном черном пальто с газетой «Правда» - растянуто было на торцовой стене дома рядом с Планетарием. Юра раскрашивал ленинскую голову в кепке, газету «Правду» и ботинки, а я одежной щеткой, прибитой к палке, затирал смесью чёрной гуаши с казеином пальто Ленина. Моих квадратных метров было значительно больше, чем Юриных. Потом друзьям и знакомым я, указывая на панно, гордо так заявлял: «Ленин-то в моём пальтишке!»

И ещё одно панно, сработанное к Первомаю Главным художником Куйбышевского района города Иркутска Юрием Квасовым. Располагалось оно на скошенном углу Финансово-экономического института, что на перекрестке двух главных улиц – К. Маркса и Ленина, как раз там, куда указывала правая рука занявшего третье место, после Золотого и Серебряного, бронзового Ленина. На панно – праздничная колонна демонстрации (скопированная с открытки) в перспективе, хвостом своим уходящая к

верхнему обрезу панно. Над колонной красные волнистые четырёхугольники со словами «МИР», «ТРУД», «МАЙ». А на переднем плане, во главе колонны... Ян Сонин, режиссёр музыкальной комедии, Виталий Зикора, артист ТюЗа (про него обязательно напишу), Таня Громыко, тогдашняя жена Квасова, Жора Гаврилов и сам Квасов. Кто-то там ещё из иркутской молодой шантрапы был изображён, запечатан. Сонин после дневной репетиции водил труппу театра обозревать панно и себя на нём. Помнится, молодая интеллигенция очень – впокатуху!- развлекалась этим произведением агитискусства!

А с самим портретом связана такая история. Как-то телефонным звонком напросился ко мне Георгий Михайлович Евелькин (кегебешник, который меня «вёл»). Понадобилась ему моя консультация по вопросам геральдики. И увидел он квасовский портрет. Не сразу, но спросил: «А почему это, Георгий Константинович, портрет с раскольничьим символом?» Я тогда обалдел, где он увидел этот символ? Оказалось: два пальца ЛЕВОЙ руки на портрете. Евелькин – мужик умный. Умный-то умный, а должность (особливо такая, как у него) часто делает человека дураком. Дураком-недураком, а так себе – придурком. Пришлось объяснять: 1) рука-то левая, 2) Юра из двух рук на портрете сделал Гуся. А гуси к расколу отношения не имеют.

Третий портрет – Коренева, четвёртый – чешского художника, академика Отто Голоса. Голос тогда приехал в Иркутск «поработать Байкал» на Байкале. Курировал его Геннадий Карбанов, тогдашний ответственный секретарь Союза художников (тоже личность в Иркутске – Ого-го!!! Кстати, именно он из дома иркутского губернатора соорудил Дом Актера). Вот Гена и упросил Отто Голоса написать мой портрет - вкладом во всеобщую иркутскую художественную копилку за один сеанс.

Пятый портрет сотворил тогдашний (1979 год) студент художественного училища Борис (?) Ясинский. Через Б. Гольдберга (а он через Ю. Квасова) можно уточнить его имя. К сожалению, склероз. Возраст, всё-таки.

А вот фотографий нет. Лет двадцать уже, как избегаю всяческих фотографирований. Нефотогеничен. Морда лица получается всегда обиженно-плаксивая. А в живописи – ничего себе, такой красовёц, что тошно делается...

Сундучок Крохобора "СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ АПН. ОСТРОУМОВ"

Известный журналист Сергей Остроумов, объехавший весь мир и дружески, за руку, знакомый почти со всем миром, вернулся домой в Иркутск. Ненадолго — в основном в связи с постановкой своей пьесы "Встречи с адмиралом Колчаком" в Иркутском облдрамтеатре. Первый спектакль ("Звезда адмирала") был поставлен здесь в 1998 году. Выкроив время в череде многочисленных дел и встреч, Сергей рассказал корреспонденту нашей газеты много-много интересного.

Остроумову повезло со временем. Или времени повезло с Остроумовым? В любом случае они пришлось друг другу как нельзя кстати: молодой коммунист (членский билет получил еще в Иркутском инязе), он же отличный фотограф, делавший первые, но весьма уверенные шаги в журналистике, — и бурные 60-е минувшего века. Хрущевская оттепель, вспомнит компетентный читатель, послевоенный коммунистический романтизм. Не только. Сережа Остроумов родился в семье, где главным богатством была память. Но реальные воспоминания о довоенной, дореволюционной еще, жизни, о дедушке, Владимире Платоновиче Гулидове, генерале царской армии, бабушке — москвичке, дворянке, учительнице иностранных языков — были жестким табу. Оставшиеся в живых женщины — мама и другая бабушка, Констанция Антоновна, пианистка, выпускница Варшавской консерватории и ученица Антона Рубинштейна, — соблюдали его свято. Тем более что бабушка-пианистка в 37-м была зачислена в польские шпионки и мотала многолетний срок в лагерях. "Там, где сидела моя бабушка, не было ни пианино, ни рояля. Поэтому она, стоя по колено в реке, вылавливала багром тяжелые бревна. С весны и до зимы, пока река не замерзала. От этой работы пальцы на руках у бабушки, когда она вернулась, были скрюченными, а ноги толстыми, опухшими". Эти строчки — из рассказа Сергея Остроумова "Носки для НКВД".

В детстве у Сергея, по его словам, было много увлечений, меньше всего его можно было отнести к числу скучно-книжных мальчиков. Но, пожалуй, главным хобби 10—12-

летнего мальчишки было вполне взрослое занятие — фотография. Позже на вопрос о своих первых шагах в журналистике Остроумов ответит так: "Я начинал мальчиком-фотографом при редакции газеты "Восточно-Сибирская правда". Еще школьником приносил фото, снятые простым "Зенитом" и отпечатанные на портативном увеличителе в кладовке коммунальной квартиры. А воспитывали меня как журналиста требовательные, но очень доброжелательные редакторы "Востоки" — А.Г.Ступко, Е.И.Яковлева, М.В.Бобров, В.П.Никольский. Увлечение фотографией воплощалось не только в газетные снимки. Были школьные выставки, победы на различных фотоконкурсах. Позже, в армии (Остроумов служил в войсках ЗабВО), — сотрудничество с армейской газетой. А однажды увлечение фотографией привело Сергея прямоком в Лондон.

— После армии я вернулся в родной Иркутский иняз. Это был 1967 год, Советский Союз демонстрировал всему миру успехи развитого социализма. Председатель Совмина Алексей Николаевич Косыгин отправился с официальным визитом в Лондон. По давней традиции туда же направлялась группа советской молодежи. Наверное, в руководстве института долго соображали, чью кандидатуру предложить соответствующим органам, кто окажется тем самым-самым, счастливчиком. Все же выбор пал на меня, по многим соображениям: язык немного знал, снимал и писал хорошо. К тому же успел отслужить в армии и был членом КПСС — по тем временам весомые аргументы "за". Так в феврале 67-го состоялась моя первая зарубежная поездка. Два дня нас инструктировали в Москве: куда смотреть, а куда нет, подарков не брать, в магазинах ничего не трогать и т. д. и т. п. Но в Англии я вел себя безобразно: выходил один из отеля, гулял где хотел и когда хотел. Мой пример оказался заразительным, ребята из нашей группы (там были представители всех союзных республик) потихоньку осмелели, московские запреты оказались не такими пугающими. Мы жили в тихом Эдинбурге. Я пропадал на маленьких старинных улочках и снимал, снимал. Потом мы все посетили могилу Карла Маркса, возложили цветы — и это я тоже запечатлел на пленку. Потом на выделенные 30 фунтов мы купили сувениров своим домашним. Помню, я выбрал красивый костюмчик и

ботиночки своему годовалому сыну, купил что-то жене, маме. И мы вернулись домой, в Союз. В нашем институте никто в Лондоне не был, хотя мальчиков, девочек и преподавателей, конечно, влюбленных в культуру этой страны и читавших в подлиннике Голсуорси, было немало. Меня же переполняли впечатления. После пятичасового рассказа в инязе об этой поездке, об увиденном за две английские недели я понял: надо писать. Потом отнес пачку фотографий и текст в "Восточно-Сибирскую правду". Вскоре мой очерк "Триста шестьдесят часов в Соединенном Королевстве" был опубликован в нескольких номерах газеты.

После окончания иняза ректор, Николай Павлович Карпов, пригласил к себе в кабинет: "Не знаю зачем, но тебя зовут в обком партии". Меня поджидал заведующий сектором международных связей Борис Недашковский. Он сказал: "В связи с тем, что вы умеете писать, снимать (он, оказывается, смотрел мои публикации — сельские очерки, репортажи, зарисовки, видел и те "Триста шестьдесят часов") и хорошо знаете английский, предлагаем вам должность собственного корреспондента агентства печати "Новости" по Восточной Сибири. Не возражаете? Я не возражал. Потом оказалось, что заведующий корпусом АПН Станислав Ильин тоже смотрел местную прессу и искал себе помощника. Ему нужен был человек, умеющий водить машину (этому меня научили еще в армии), переводчик и фотограф в одном лице, который вдобавок может что-то написать, хотя бы черновой вариант, если поедет в командировку самостоятельно. Он предложил обкому мою кандидатуру. Так, к зависти многочисленных коллег по цеху (25 лет, неизвестно кто и откуда вдруг получает заветные апээновские корочки), я стал спецкором агентства печати "Новости" по Восточной Сибири.

Застой — так коротко и хлестко именуются в современной российской истории 70-е годы прошлого столетия. В этот период началась — впервые в истории СССР — массовая миграция евреев в Израиль. Состоялся первый визит президента США в страну торжествующего социализма, были подписаны советско-американские договоры об ограничении систем ПРО, на новый уровень вышла космическая гонка. Началась эпоха преследования диссидентов: за границу отправился Солженицын, туда же

проследовали неугодные деятели культуры во главе с Вишневской и Ростроповичем. Академик Сахаров очутился в Горьком (нынешнем Нижнем Новгороде). Трагический апофеоз 70-х — ввод советских войск в Афганистан. А в Сибири одна другой грандиознее появлялись стройки века. Только-только состоялся пуск Братской ГЭС, народ строил БАМ: палатки, комары, трудовой героизм, пот и мозоли, любовь, гитары, романтика... Мир открывал Сибирь, и она щедро делилась своими радостями и заботами, не скрывала проблем и огорчений. Глазами восхищенного великим сибирским экспериментом мира был наш земляк — журналист Сергей Остроумов.

— *Позже как-то подсчитал ради интереса: я печатался в 110 странах мира, — улыбается мой собеседник. — Все эти десятки тысяч статей я не хранил — негде, да и незачем. А с реальными людьми — главами правительств, их помощниками, секретарями, премьер-министрами, пресс-атташе — завязывались знакомства, нередко перераставшие в многолетнюю дружбу.*

Видных европейских и американских политиков и журналистов очень интересовал промышленный комплекс Братска. С помощью Сергея Остроумова там побывал, например, политический обозреватель французской проправительственной газеты "Монд" Ален Жакоб. Программа пребывания акулы французской журналистики была очень насыщенной: Байкал, Братск, заводы и стройки, песни на нескольких языках и, конечно, люди. После чего в отнюдь не лояльной к СССР "Монд" появились четыре большие статьи "Стройки Сибири, или Нравственное здоровье коммунизма". Ни больше ни меньше. Руководители ЦК партии стали вызывать Остроумова на ковер — делиться опытом: почему после десятилетий всевозможной грязи о СССР в таких газетах вдруг появляются чуть ли не восторженные статьи, да к тому же одна за другой?

В застойные 70-е Советский Союз начинал крепить дружбу с Восточной Азией. Центры мирового буддизма — Непал, Бирма и Таиланд — сразу озаботились состоянием этой религии в Стране Советов. Знали: все буддийские ламы сидели у нас по 15—20 лет, валили лес и не помышляли об освобождении. Но, наверное, верховный буддийский Бог смилоствился наконец над несчастными

узниками. В СССР появился буддизм, ламы вернулись в свои дацаны, стали проводить службы, писать трактаты. Центры мирового буддизма были удовлетворены. Столицей советских буддистов стал Улан-Удэ. Остроумов жил там по 2—3 месяца подряд в течение нескольких лет.

— Я дружил с первым главным ламой Советского Союза Пандидо Хамбо-ламой Жамбал-Доржи Гомбоевым. Ему пришлось отсидеть в советских лагерях несколько пятилеток. Часто бывал на его службах, немного понимал санскрит.

В этот период Сергей был ведущим специалистом АПН по освещению проблем буддизма в России. В зону его профессиональной деятельности входил и Норильск, строительство знаменитого Надеждинского медно-никелевого комбината. Все два года — от первого колышка до появления первого металла — Остроумов месяцами не вылезал из этого города. Норильский никелевый строили в основном финны и шведы — вместе с советскими рабочими и зэками, конечно. Заведующий Восточно-Сибирским отделением АПН головой отвечал за освещение всех этапов строительства — информация шла сразу в десятки газет, журналов, на радио и телевидение многих стран. Конец 60-х — начало 70-х — это еще и конфликт с Китаем, события на Даманском. Китай стал ядерной державой и на целое десятилетие погряз в кровавой неразберихе культурной революции. На советско-китайской границе начались серьезные столкновения. Ситуация усугублялась войной во Вьетнаме. Туда шло советское оружие — братская помощь воевавшей со США стране. Китайцы всеми силами препятствовали смертоносному потоку — словом, на границе с Китаем была еще та обстановка. Остроумов занимался всем этим очень много и основательно.

Шли годы. Восточно-Сибирское отделение АПН росло и крепло. С 1974-го оно размещалось в хорошем здании в центре Иркутска: зал для приема гостей, удобные рабочие кабинеты.

Застолья для иностранных гостей — отдельная тема. Наши зарубежные друзья, разумеется, пили. Многих даже приходилось сдерживать, что не всегда, впрочем, удавалось. Батарейку бутылок партхозактив выставлял серьезную, а на чужой счет, как известно... Особенно

отличались финны — их, что называется, за руки за ноги нужно было оттаскивать от стола.

— Я не возражал против традиционного сибирского гостеприимства. Рабочему, если к нему домой собирались нагрять зарубежные гости, выписывали материальную помощь. Он покупал продукты, водку и все — семья, соседи — садились лепить традиционные пельмени. Это было нормально. Другое дело, если в городе или деревне перед высоким визитом начинали строить потемкинские деревни. Часто приходилось даже вылетать на час-два для инструктажа ретивых обкомовцев. Всегда запрещал им латать, подкрашивать, замазывать что-то накануне встречи зарубежных гостей. Говорил: "Вы хотите, чтобы и меня, и вас заодно рабочие на весь мир опозорили? Люди скажут иностранцам: вот спасибо, что приехали, — нам к вашему приезду тротуарчик проложили. Ямы, лужи? Дадите гостям сапоги, наденут на ботинки в крайнем случае. От вас нужны правда, энтузиазм и патриотизм". И все было в порядке. Сибирь и сибиряки уникальны. Люди чисты в своих помыслах и немного наивны в своем энтузиазме. Они говорят иностранцам правду, не боятся начальства и часто шутят: дальше Сибири не пошлют...

В 88-м Сергей надолго застрял в Канаде — готовил материалы о старейшей русскоязычной газете. Много часов проводил в библиотеке русского посольства, где и застало его известие о страшном землетрясении в Спитаке. И неожиданный визит высокого канадского гостя — тогдашнего премьер-министра страны Брайана Малруни. Господин Малруни посетил русское посольство утром — выразить соболезнование по поводу катастрофы в Армении. И... никого не застал — ни посла, ни секретарей. Но Сергей все же недаром носит такую говорящую фамилию: как ни в чем не бывало он обменялся с Малруни дружеским приветствием (их знакомство состоялось еще до этой неожиданной встречи), а потом завязалась беседа — об Армении, Горбачеве, перестройке и прочем. В это время дежурный срочно обзванивал сотрудников посольства: прибыл Малруни, застал только Остроумова, соболезнование писать некуда — нет соответствующей книги. Ну не было раньше прецедентов, ни смертей, ни катастроф. А тут сразу Спитак.

— Тогда я неожиданно вспомнил, — говорит Сергей, — что в пресс-отделе видел новый альбом для фотографий. Быстро-быстро сделали из него книгу соболезнований, и Малруни вписал туда подходящие случаю слова. А через несколько минут в посольство влетела вся посольская толпа — руководитель с секретарями, помощниками и так далее. Канадский премьер мгновенно стал центром всеобщего внимания. "Сергей, ты нас здорово выручил", — не раз говорил потом посол.

В начале августа 91-го, накануне событий в Форосе и известного переворота, Иркутск посетила официальная делегация из Америки во главе с начальником штабов армий США генералом Колином Пауэллом. Высокие зарубежные гости побывали в ИВВАТУ, осмотрели город, церкви, исторические места. Потом была прогулка по Байкалу, Ангаре и советский военный банкет. Сопровождал американцев Сергей Остроумов. — Колин Пауэлл не дождался окончания банкета — такого он выдержать не мог. Мы шли берегом Ангары, один из офицеров нес его ядерный чемоданчик, и я вдруг подумал: а ведь Пауэлл вполне может прямо отсюда дать команду на запуск ракет. Но вслух произнес другое: "Генерал, вы знаете, что многие сибиряки не любят американцев?" — "Почему?" — "Здесь в Гражданскую свирепствовал экспедиционный корпус генерала Гревса. Ваши вояки тут такого натворили — народ до сих пор помнит".

И я рассказал четырехзвездному генералу все, что знал об Уильяме Гревсе и его очень откровенной книге "Американская авантюра в Сибири", изданной в Нью-Йорке в 1931 году. Мемуары Гревса были настолько правдивы и неприятны для американского правительства, что их постарались запрятать как можно дальше в библиотечные хранилища...

Мы много говорили тогда об уроках нашей совместной истории и пришли к общему выводу: Америке, как, впрочем, и всем другим странам, гораздо выгоднее не воевать — дружить с Россией.

Ирина Алексеева

«Копейка», 25.11 - 2.12.2005

<http://pressa.irk.ru/kopeika/2005/47/007001.html>

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

13 февраля 2011 г.

... А вот был ещё в Иркутске "многогранник" из АПН Сергей Остроумов. Нынче, как говорят, у него в Канаде (после околוגубернаторской должности при Говорине) свой бизнес! А кое-кто так его представляет: майор КГБ, резидент Службы Внешней Разведки в Торонто. Блеф, конечно, и бред сивой кобылы.

У меня с Остроумовым отношений не было, но Виталька Белоколов об этом "иркутянине" много интересного знает. Если мне не изменяет память, именно Остроумов слямзил у Витальки дорогую казенную АПНовскую фотоаппаратуру. Но по большому счёту, мне совершенно было бы наплевать на ангажированного апээновца, если бы не одно обстоятельство: с театром связался этот представитель одной из древнейших профессий. А театр – дело изначально чистое, нельзя прикасаться к нему грязными лапами. И театр наказал Остроумова.

Во время одного из моих побывок в Иркутске только и было разговоров, что о статье некоего Алексея Сокольниковца в газете «Московский комсомолец в Иркутске» (в июне 2008 года) под категорическим заголовком «Иркутскую культуру обокрали... руководители». Речь в ней шла об итогах проверки Контрольным управлением Губернатора Иркутской области деятельности Департамента культуры и архивов, о финансовых махинациях директора Департамента Веры Кутищевой и директора драмтеатра Анатолия Стрельцова. «Дело» оценивалось в 146 с половиной миллионов рублей и тянуло на уголовные сроки.

В общем, этот факт никого не шокировал. Фигуранты дела давным-давно сидят у бюджетного денежного мешка и было бы даже удивительным, если бы они не попользовались им в корыстных интересах. Интерес вызвало другое. А с чего это вдруг московский журналист так озаботился чистотой нравов в иркутской культуре? Что, в Москве своих воруёг мало? Стали искать того журналиста – не нашли: не существует такого, аноним. А кто существует? Да вот он, Остроумов! А при чём... Да при том!.. Написал Остроумов пьеску про Колчака, слащавую,

с идеологическим разворотом на 180 градусов. Получил за неё губернаторскую премию (оценка – ниже плинтуса). Поставили пьеску в Иркутске. Повезли в Москву – а автора Остроумова не взяли в ту гастроль: то ли какая чёрная кошка пробежала между драмоделом и театральным директором, то ли ещё что-то не поделили, хрен его знает, но вот не взяли – и всё. Остроумов посчитал это оскорблением и не оставил его без последствий: сочинил под псевдонимом ещё одно произведение (в другом жанре) и, тем самым, поквитался с обидчиками... Вот такие вот разговорчики на нашей ярмарке! С тех пор драмодел в Иркутске не показывается. А может и бывает. Тайно. Совершенно секретно. С миссией особой государственной важности. Со специальным строго конфиденциальным заданием. Проинформировать, например, почтенную публику о том, что «над Канадой небо синее». Но это мы и без него уже знаем.

Когда-то служил в иркутском ТЮЗе актёром Гаррик Имерев. Забежал как-то вечером он ко мне. И привязался: "Пойдём погуляем, да пойдём погуляем", погода, мол, такая, что грех не воспользоваться. Уговорил - я человек слабхарактерный. Вышли мы в погоду, на улицу. Он мне и говорит: "Старик, ты заметил, что я у тебя давно не был" - "Да нет, как-то..." - "Понимаешь, мне гебешники тебя заказали..." - "В смысле?" - "Ну... последить за тобой и подокладывать про тебя: что да как..." - "Ну, и?.." - "Ну, я и перестал к тебе заходить... Они спрашивают, а я честно им говорю, что давно тебя не вижу... И доложить, мол, пока нечего..." На мой вопрос, как он попался в гебешные сети, вот какой рассказ он мне поведал. Кому-то из его родственников из Израиля прислали пластинки с песнями на еврейском языке. Собралось еврейское землячество послушать музыкальный привет с родины предков (думаю, в этой компании ни один не знал ни идиша, ни иврита). Через некоторое время Гаррика пригласили в "контору" на собеседование. То ли его запугали чем-то, то ли сам запугался. Одним словом, кивнул он утвердительно на "предложение" и оказался таким образом в "интересном положении" стукача. Не знаю (не спрашивал), давал ли он какую-нибудь подписку, в смысле ксивы. Но камень с души сознанкой снял. Помню, я ему тогда сказал только: "Гаррик, мы с тобой знакомы и дружим не один год, ты от

меня хотя бы раз слышал какую-нибудь антисоветчину, разве что анекдот какой-нибудь, да и то только потому, что он смешной и качественно остроумный? Мог бы сразу сказать этим ребятам: много лет, мол, знаю этого человека, и никогда никакой крамолы от него не исходило. Чего, мол, за ним следить? всё равно ничего не выслежу."

У меня ведь действительно никаких антипартийно-антисоветских мыслей никогда не возникало. Может быть потому, что башка забита была более интересными грузами: литературой, театром, искусством, работой...

Георгий Михайлович Евелькин меня тоже было попробовал приобщить к подобному "делу", только я ему сразу этот разговор обрубил таким примерно аргументом: среди моих друзей, приятелей и знакомых врагов моей страны нет, а если таковые появятся, я сам с ними разберусь. Г. М. всё понял и настаивать не стал. Нет, мужик он был нормальный и, как мне казалось и кажется, весьма порядочный и очень даже не дурак.

А ещё и Володю Калоянова (в самый активный период разбирательства КГБ со мной) пригласили в "контору" на беседу, в которой всплыло несколько вопросов, к которым при следующем "собеседовании" я бы не был готов. В конце беседы его настоятельно попросили об этой беседе не говорить Гаврилову. "Конечно, конечно!" - ответил Владимир Николаевич Калоянов и, выйдя из "конторы", прямым дунул ко мне с информацией...

58

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

14 февраля 2011

В Вашей книжке «Контрапункт», где я впервые познакомился с повестью «Когда боги шутят», запомнился мне рассказ «Загадавший желание». И именно с ним связано воспоминание о "монументальной" живописи. Я же говорю, что "АС" - книга во многом про меня и про моих друзей-товарищей. Все факты из моих эпистол - факты из "Сезона". Когда при чтении сталкиваюсь с каким-нибудь событием-рассуждением, думаю, ага! можно сюда добавить ещё такую подробность! Ан, фигушки! Через абзац-другой - вот она, эта подробность! Или окрас! Полная ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМОСТЬ!

Осталось доизучать полста страниц. Это произойдет, скорее всего, сегодня. Или, в крайнем случае, завтра. Начинал знакомство с романом постоянно хихикая и хохоча, а сейчас, когда дело идёт к концу, сворачивается на коду, - всё больше грусть-печаль одолевает. Ну, пошто же МЫ ТАКИЕ! Но ведь и не совсем ТАКИЕ, если ещё способны оборжать себя, поиздеваться над СОБОЙ, махнуть рукой не по-итальянски, отпихнуться обеими ногами и послать некоторое окружение жизни к ТАКОЙ-ТО МАТЕРИ. Как говорил часто один мой товарищ, ВСЁ РАВНО БУДЕТ ПО-НАШЕМУ!

И пусть все дураки треснут с досады! И Слава Дуракам!
PS. А всё-таки жалко Равелина Валютина, был ведь когда-то в молодости нормальным, хорошим, порядочным мужиком. Во всяком случае, я его знал таким.

59

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

14 февраля 2011

...Фазиль Искандер в прошлом году в телефонном разговоре заметил: грустная книга, и юмор не смешной, а печальный...Так ведь я же вовсе не веселился, занимаясь «Августейшим сезоном», скорее – наоборот.

А насчёт Равелина Валютина уже случились такие вот диалоги с внешним миром (в суммарном диалоге).

- Да как же вы осмелились такого классика продёрнуть и очернить? – спрашивают.

- А почему вы думаете, что Валютин это Распутин? – отвечаю вопросом.

- Да как же не думать...

- Что? Очень похож Распутин на Валютина?

- Совсем не похож!

- В таком случае, как же вы лично смогли додуматься до сравнения живого классика с книжным персонажем, если между ними нет ничего даже близко похожего?

- Да как же нету? Очень даже есть! Я сразу заметил! Меня не проведёшь!

- Так о чём тогда спор? Похож – так похож. Спасибо за признание и сложный комплимент...

60

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

14 февраля 2011

Однажды (давно уже) Артур Юзефович Хайкин, главный режиссёр Омского театра, сказал следующее: "Вот говорят, что неважно как начать спектакль, важно, как его закончить. Умно сказано. Я тоже могу умно сказать: неважно как закончить спектакль, важно, как его начать! А если его НАЧАТЬ - уж будьте покойны, СПЕКТАКЛЬ сам сообразит, как ему ЗАКОНЧИТЬСЯ!"... Артур имел в виду ПЕРСПЕКТИВУ спектакля - от чего-то к чему-то. Если она есть, перспектива эта, если она понятна, и если она заставляет «остановиться-оглянуться», то, значит, всё в порядке!

Прекрасный пример из горьковского "На дне": первая сатирическая ремарка: "Рычит", последняя - "Поёт"... Последние две сотни (может, и более) страниц «Августейшего сезона» - "невыразимо прекрасно" (выражение из Александра Вампилова). Добавить что-нибудь к послероманным рецензиям и сказать лучше, мне кажется, уже невозможно.

С искренним восхищением всегда Ваш Георгий. Ура Литере, Литературе и её Создателям!

61

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

14 февраля 2011

Да почему бы и не добавить! Всё, что вокруг романа, может быть его продолжением, и перспективой, и возвращением к началу. Только, по правде говоря, это уже не имеет ко мне лично никакого отношения.

От скромности не угорю и от скоромности (как поп) не лопну, ежели познакомлю Вас с одним письмецом из Москвы и моим ответом на него.

Дорогой Диксон! Вы не представляете, какое удовольствие я получаю ежевечерне, видя и слыша, какое удовольствие получает мой муж от чтения ВАС (Вашего АС)! Нередко он говорит: ну послушай, послушай! И я слушаю снова и снова. Мне так радостно, что я не ошиблась, раз, и что он

так же чуток к слову, два. Я боялась, что он начнет читать и бросит - держать на пузе такую тяжесть - не всякий осилит, как Вы понимаете. Прочел уже 250 страниц и продолжает. Говорит следующее: что Вы гениальный писатель, что рядом с Вами поставить некого, и что это "Мертвые души" XXI века. Будьте здоровы, пожалуйста.

Дорогие друзья! Благодарю за высокую - от пуза и выше! - оценку АС, которая является лишь скромным вкладом в общее дело всего нашего коллектива, в первую очередь тов.Гоголя, тов.Платонова, тов.Тынянова, тов.Синявского и других сочинителей всяких сочинений, что расстались с миром рано, а встретились поздно. Готов к дальнейшему употреблению спиртных напитков и программы творческого полёта с поползновениями в антипатриотизм! Впрочем, это не главное. Главное - вот что. Письмо ваше, по-моему, есть чётко документированное свидетельство нижеследующего: собственное удовольствие (с чего и начинается письмо) неполно и недостаточно, если его не разделяют другие, окружающие, близкие и далёкие: один, или два, или три, или миллион...Но вдруг оказывается, что миллион н-е-в-о-з-м-о-ж-е-н! - потому что собственное удовольствие, размазанное на народный миллион, тут же утрачивает свою собственность особенную и становится достоянием республик и деспотий...Ох, уж эти бедные гении. Зарабатывали на пропитание - окормили целый мир, случайный, тот самый, в котором из века в век не только соприкосновенно существуют, но и переползают друг в друга "мёртвые души" и "душные жития", и всё это обречено звуком, и описано гусятиной по папиру под копирку, и всем, ёлы-палы, хорошо и благостно, вот только одному художнику не видать своего собственного удовольствия - как аналогичных ушей. Не правда ли, забавно? Будьте здоровы. Диксон.

62

Сундучок Крохобора

Слава богу, есть интернет, где можно разыскать многое из того, что ушло в толщу газетных подшивок и стало предметом чуть ли не археологических разысканий. Я имею в виду первые отзывы на роман Диксона. А среди

них – заметка известной журналистки, поэта и драматурга Ольги Кучкиной в столичной «Независимой газете – Экслибрис» (13.08.2009) – с удивительно точным названием.

ПРОПУЩЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Давно хотела это написать, а все дела да случаи. Сюжета, меж тем, прибавлялось.

Началось в 2001 году. Мой друг Бетти Шварц спросила в Чикаго: вы слышали о романе Леонида Цыпкина «Лето в Бадене»?..

Восхищение раздражило. Бетти свою книжку кому-то отдала. А я через короткое время о ней благополучно позабыла.

Вернувшись в Москву, в разговоре с матерью ближайшей подруги моей дочери Людья Фроловской я по случаю упомянула «Лето в Бадене». Ответная реакция повергла в шок. Оказалось, автор романа – ее троюродный брат Леша, как его звали в семье, умерший 20 лет назад. Он был потомственный врач, долгое время проработавший патологоанатомом, влюбленный в литературу, и особенно в Достоевского. Все свободное время проводил в Ленинграде, бродя по достоевским местам, вчитывался в Достоевского, вникая во всякую подробность его письма, чтобы вслед за тем погрузиться в свое письмо. Страдая от антисемитизма, хотел уехать из страны, но ему не давали разрешения на выезд. Роман свой он писал в стол, зная, что его никогда не опубликуют. В конце концов он передал его на Запад. Благодаря Азарию Мессереру первый фрагмент романа увидел свет в еженедельной «Новой газете», издававшейся в Нью-Йорке. Ровно через неделю, в день своего рождения, автор скончался. Ему исполнилось 56 лет.

Книжки в доме не было, была обещана позже, но позже я за ней так и не зашла.

Пять лет спустя говорила по телефону с моим другом Алексеем Козловым о разных разностях. Он сказал: я тут прочел потрясающую книжку Леонида Цыпкина «Лето в Бадене», не читала?..

Это было уже свыше всяких сил. Событие билось в мои двери, а я их не открывала. Мгновенно раздобыла роман и мгновенно прочла. Знаете, когда вам аттестуют нечто как потрясающее, скорее всего вы не испытаете потрясения.

Какой-то есть психологический закон преувеличенного ожидания, которое приводит скорее к разочарованию, чем очарованию. Тем более если ожидание сильно растянулось во времени.

Здесь был этот редчайший случай. Вещь, написанная в конце 80-х, обречена была стать сенсационной. Образ Достоевского никем еще не был раскрыт с такой силой и выразительностью, и я могу это сказать в 10-х годах нового тысячелетия столь же уверенно, сколь другие, прочитавшие роман раньше, сказали раньше. Мгновенные перепады состояний, болезненность психики, преклоненная любовь к Анне Григорьевне, в одну секунду меняющаяся на ненависть и обратно, карточная страсть и иные страсти, из каких Достоевским и черпалось, – все точно, тонко, психологически достоверно, непростой вязью простых слов, составляющих плотно сотканное полотно захватывающей художественной правды. Между фразами нет абзацев, нет и точек, их нет и тогда, когда то, что происходит с героем, Достоевским, уступает место тому, что происходит с автором, Цыпкиным, и я понимаю, что смешно даже сопоставление фамилий, но все естественно срастается в сплошном, без межей, без швов, повествовании, которое можно сравнить с лучшими образцами мировой классики. Роман должен был войти в общелитературный контекст и сыграть в нем свою важную роль, появиться он в свой срок.

Книга вышла сперва на Западе на английском и там сделалась сенсацией. В России на русском она вышла спустя почти 20 лет, и, кроме как от Алеши Козлова, я ничего ни от кого о ней не слышала.

Не корю никого. Кого корить – прежде себя, с собственной ленью и необязательностью.

Изумляюсь.

Что мы такие.

Что я такая.

* * *

С Дмитрием Бобышевым, живущим в Штатах те же 20 лет, переписывалась по-английски. Это письмо – исключение. «Хочу написать Вам, Дима, по-русски, не будучи уверена в оттенках и значениях английских слов и не тратя времени на словарь. Вот уж и впрямь: в России – впрочем, как и в Америке – писатель должен жить долго. Как хорошо, что

Вы дожили до этой Вашей второй книги. Мне была крайне интересна и первая. Но интерес в (к) этой – иного толка. В той превалировала фактура, прелестная и любопытная. В этой – то, что за фактурой. Читала ее с жадной читать дальше и с сожалением, что стопка страниц справа все уменьшается. Хотелось еще быть в Вашем мире, с автопортретом в лицах, с «человекотекстом», о котором как термине и прежде говорила Вам как о несомненной удаче.

Не стану останавливаться на частностях и на некоторых досадах – скажу главное. Глубина этой книги, глубина и особость пути ее автора и героя стали для меня открытием. Вам удалось в Вашей незаурядной стилистике запечатлеть свой духовный путь, что большая редкость. Что-то читать было скучно, но это драгоценная скука, которую не променяешь на грошовый блеск никакой развлекательности. Книга высветила то, что оставалось скрытым – может быть, не для близких, но для читателей, для литературы в целом, и теперь это останется в литературе как самоценность. Останется эпоха. И вся эта ленинградская тусовка, как сказали бы теперь, а на самом деле жизненное варево тех дней, отмеченное поиском себя, самоосуществления, Бога. Ленинград, с его уникальным обликом, как формообразующее человека просвечивает сквозь. Ну и так далее... Радуюсь Вашей книге и поздравляю с ней себя как читателя и Вас как писателя».

Как известно, Бобышев – один из «ленинградской четверки» (в какую помимо него входили Рейн, Найман, Бродский), протагонист Бродского, соперник его по личной судьбе, соревнователь по судьбе творческой.

В первой книге воспоминаний, названной «Человекотекст», многие страницы были отданы Бродскому и Ахматовой. И мало кем встречены с одобрением. Давно записанный если не в прямые гонители гонимого будущего нобелеата, то в побочные – хотя дело касалось чисто лирических обстоятельств молодости, – мемуарист всю оставшуюся жизнь должен был как будто не только отстаивать свою честь, но и доказывать свою поэтическую ценность. Сказать ему это – рассердится. Он знает себе цену и ничего отстаивать и доказывать не собирается. И правильно делает. Однако «человекотекст» выдает то, что в подкорке, помимо корки, и это несомненно драматично. С каким чувством читатель

вчитывается в драму – другой вопрос. Зависит и от читающего тоже.

Значительную, на мой взгляд, вторую книгу воспоминаний вообще никто не заметил.

* * *

Третью книгу прислали из Иркутска. Нести ее было тяжело. Книги весят не на вес. Этот увесистый том весил не меньше двух с половиной кило. Я одолела его за четыре месяца. «Августейший сезон, или Книгу российских календ» в тысячу двести четырнадцать страниц прислал неизвестный мне Виталий Диксон.

После первых двух сотен страниц я сообщила автору, что его труд – энциклопедия советской и постсоветской жизни. После трех сотен поправились: не энциклопедия, а энцефалограмма. «Если кардиограмма – запись работы сердца, то энцефалограмма – запись работы головного мозга. Ваша книга – замечательная запись Вашей замечательной высшей нервной деятельности».

Тысяча с лишним страниц – графомания? Да, если вспомнить точный перевод: мания писания. А что еще делать в Иркутске мыслящему и чувствующему человеку, как не оставлять запись пульсации крови в сердце и мозге, отзываясь на все звуки истории и современности, на все звуки жизни. Хотя место действия его «романа положений» – не Иркутск, а сочиненный Хибаровск.

Чтобы дать образчик пера этого ни на кого не похожего, гениально, на мой вкус, одаренного писателя, том можно разломить на любом месте. Я так и сделаю сейчас.

Ну вот:

«Я проигрывал это лето по кусочкам. Римские календы оборачивались долговыми книгами – долговые книги превращались в реестр грехов, в книгу судеб, в судебник, в Книгу, недосыгаемую, непостижимую, отраженную сверху вниз, но которую, вчерне и снизу вверх, издавна и посеячас складывает вся Россия: кладка за кладкой, камень на камень, кирпич на кирпич, вот уж и нижние не могут докричаться до верхних в рассеянном россиянии, во тьме веков, а Она все призывает и призывает новых каменщиков, а не одного только, по свидетельству потомка чернокожего арапа с темным чувством собственного долга».

Или:

«Вольному – воля, ходячему – путь, скатертью дорожка. А уж коли вышел в люди – иди! Иди, гляди, оглядывай, друг Горация. Город за городом. Горе горькое. Горе – мы. Горемыки. А вот и горло, горящее от гордыни. Горбатые горы греха. Гордиев узел в ранге государственного герба. Торжественные горны пионерско-металлургических зарниц. И только в отдельно взятой горенке, как в отдельно данной горсточке, отыщешь ты эту малую малость: правду божию».

Игровое поле языка, игровое поле ассоциаций, метафор, наблюдений, мыслей, порождающее ответный взрыв эмоций: слышу, понимаю, благодарю!..

Письма его не отличались от прозы. Писала в ответ:

«Ну и что мне с этим делать? И печально до слез, и радостно. Радостно от продолжения «Календ» вот таким простым способом, через письмо; печально – по сути. Знаю все или почти все – не знаю только, как с этим жить. А живем. Сила жизни такова, что почти ничего не осталось от глотка свежего воздуха, когда вплотную с домом прошла ельцинская и общая наша история, после чего ложь с лицемерием вернулись на свои хозяйские позиции, издеваясь над нашей честностью, нашей бедностью и все равно идеализмом, а мы продолжаем наше горшечное ремесло, крутим, увлажняем и оформляем глину во что-нибудь, что может пригодиться людям. Спасибо».

Перевернув тысяча двести четырнадцатую страницу, расшифровала свою благодарность:

«Дорогой Диксон.

Дочла.

Погребена.

Одарена.

Восхищена.

Какое счастье, что у меня имеются такие современники.

Какое счастье, что избрана в читатели».

В читатели, знаю, было избрано еще несколько московских людей. Знаю, что они и не открыли «Августейший сезон».

Надеюсь, до поры до времени. Равно, как и я – «Лето в Бадене».

* * *

Что делать?

Если бы знать. Пропущенная литература – факт истории литературы. Хорошо бы, конечно, чтобы у каждого входящего Достоевского был свой обалдевший от дара

пришельца Белинский. Да где ж напасешься. Читчики премии «Большая книга» не впечатлились «Августейшим сезоном» и не сочли. Хотя больше уж, кажется, некуда.

Второй отзыв на роман В. Диксона появился на сайте «Грани» (30 ноября 2009).

ДОКУМЕНТ ГОЛОЦЕНА

Заметки к роману Виталия Диксона «Августейший сезон, или Книга российских календ»

Уже свирепо. Ноябрь раздираем ветрами. Моргают отчаянно фонари, снег залепляет им циклопические глаза. Нет больше на ветках ни одного листа, хотя трава островками померзла зеленою. Древесные одежды превратились в охру, в кармин – и некрепкие снегопады сукровицей уходят в полдень вдоль тротуаров, на ночь останавливаясь черным льдом. Ах, да мало ли таких ноябрей! Был собран последний гербарий -- и мир завершился. Память о нем ... нет, еще даже и не память, а только свежесть переживания, розовая, как ранка под коростой – так вот, она свербит, зудит, заживая. Потому что любое настоящее есть рана. Заживая, изглаживаясь, уходит оно как раз в память, встраиваясь волоконцем в общее направление забывания. Каков был, к примеру, трехгодичной давности ноябрь? А прошлый? Что-то не помню, наверное, такой же, как все прочие – бывшие уже и будущие после. Нет у меня достаточных свидетельств его личности, не рождался и не начинался ребенок, не выходила книга, никто не умирал. Нет достаточных оснований вообще утверждать, что этот ноябрь - был. Где тому документ?

А документ хороший – гербарий. А документ – хрупкий, жилковатый листик. У Диксона есть такой - в одной книге со многими и многими листьями. И если бы Диксон даже ничего не написал, а просто приклеил на бумажку это свидетельство бытия - со-бытия – то и тогда прошлая осень состоялась бы. Но только как факт природы.

Однако если природному контингенту доказательство – листик, то и человеку, как ни странно, – тоже листик. Бездыханное бюрократическое тельце анкеты или живое

книжное шевеление. Колебание воздуха, создаваемое книжными листами, ничтожно. Но - колебание памяти! Падет Рим – через тысячу лет книги будут полны Римом.

Она разная, эта память. В здешнем случае, в Диксоновском, – слой легчайший, сам по себе неброский, неприметный. Слой, сдуваемый в ежегодном круговороте ветром сезонным, легким, но постоянным ветром истории. Слой события и быта, частушек на злобу дня, анекдотов, зарплат, коммунальщины. Слой положений и состояний, кухонных разговоров, всемирных новостей, переносимых волнами. Легчайший -- но в то же время скрепляющий прочие слои памяти : так у мальчика от впечатлений детства сохраняется какая-нибудь хромая на одно колесо машинка, которая застрянет навсегда гвоздем между половиц его жизни. Седым он будет смотреть на внуков -- и возвращаться воспоминанием к синей хромой игрушке. Как же она попала к нему, откуда взялась?..

Диксон невозможно серьезен, рачительно прилаживая, будто доски к приснопамятному дырявому забору, такие факты и фактики: государственной важности -- и незнатные, историей пока не замеченные. И куртуазно паясничая, вбивая в забор гвозди -- забористые велеречивости, озорно расшаркиваясь, наподобие столичного гусара на губернском балу – представляет: вот оно, дамы и господа, явление, вот он, Петрушкин балаган, история одного момента, история одной империи. По существу, это все равно – империи ли, момента ли. Вечность ведь – цитирую писателя -- держится на пустячках. А империя на фоне вечности -- менее пылинки. Факт момента – листик того гербария, который называют жизнью, а также и судьбою, а заодно историей. Диксон вообще увлечен собирательством -- вот таких гербариев... И здесь я пригласила бы вас в его рабочий кабинет. Без спроса Диксона. Все пишущие по его поводу всегда для начала заглядывают в писательский кабинет – подивиться густоте запятых, ибо каждая вещь есть запятая памяти. Все, кто бывал, не преминут вспомнить и привести как странный пример... м-м-м... чего же? – устойчивости и добровольного порядка неодоушевленной материи. За счет этих качеств и существуют здесь книги и вещи, а также скрепки, бумажки, какие-то лелеемые обломки – то, что и вещами не назовешь, в лучшем случае - артефактами. Все это имеет значение. Все это является доказательством

бытия, высшего порядка. Обилие живущего – это именно живущее, именно не музейное, хоть и малодвижимо – не рвет базарно зрение, не мозолит, но подчиняется дисциплине. Хозяин, кажется, умеет заговаривать вещи. Каждая из них знает свое место твердо и не учиняет на корабле бунта, вываливаясь на берег -- то бишь на стол, на пол, на чужую полку - пьяным матросом . Может быть, это дело рук жены писателя? Тогда у нее должно быть по меньшей мере десять рук -- чтобы усмирить все эти книги, бумаги, карандаши, фотографии, вещи и вещички, кинжалы и кальяны. Нет, хозяин точно умеет заговаривать вещи. Он всегда знает, где в этой греции что лежит. И уважаемые карандаши здесь сохраняют свое достоинство, даже будучи источенными по самые свои пяточки.

Это интерьерное отступление сделано вовсе не из лирических побуждений и не с целью зафиксировать для истории некое злободневное помещение жилища. Это – именно к вопросу о возможности собирать гербарий из иных, не ботанических, листиков. Из листочков, скажем, календаря, из листиков записок и посланий, из книжных листов. В общем, о возможности написать все, что еще не ушло в память, не подернулось ее опиумным дымом и не обернулось в тоску об утраченном. Из тоски вырастают роскошные, но злые цветы.

Возможность написать зиждется на безусловном порядке. На невидимом, не прописанном уставе – по которому как раз живут вещи в кабинете. Устав , как известно, у каждого монастыря свой. В нашем случае – это согласование неважных, проходящих, временных вещей во всеобщем круговороте. Это создание звездной системы, начинающейся с заверти космических пылинок. Такова писательская стезя Виталия Диксона: самому малому, мельчайшему, незначительнейшему, ерунде - находить место в доме истории; утверждать право документа за каждым сорняком и соринкой, право на уважение -- за каждой звездной пылинкой и трудовым, изгрызенным в приступе вдохновения, карандашом.

...А вот и сам читатель, ползущий благонаравною улиткой ! Ему неловко, ему неудобно, ему здесь хочется быстрее пролистнуть книгу. Этот читатель, предположим, я или вы, или ваш сосед, или неизвестный прохожий. Предположим, он ползет по самому обширному и капитальному историческому гербарии Диксона , по календам-долгам

«Августейшего сезона». Он смотрит сначала картинки – так издавна повелось среди представителей сего простодушного племени. А потом он открывает междустраничные утолщения, которые сулят сюрпризы. Вот диск-малютка. Ой, а это листик! Осенний худой лист. Зачем он здесь? Хрупкость остается бытовать между страниц ясным доказательством сезона.

А читатель начинает разбирать буквы, и видит условность сюжета, но ждет по привычке, что все куда-нибудь побегут. Но никто не бежит. Более того, действующие лица ведут разговоры замедленно философические, сочинитель (Сочинитель) присутствует при этих разговорах – и никак не поторопит зловредных велеречивцев, по профессии -- сантехников. И в разговорах, и в отступлениях сочинителя, и в описании простых вещей сквозит неуютный и очень знакомый ветерок. И раздражение закипает, и не вспомнится никак, что это за ветерок такой... Иногда ведь люди точно так забывают имя-отчество родной матери – потому что всегда звали ее только мамой и никак по-другому.

И вот уж читатель мается мелочами, которые по злой авторской прихоти ограничили его, читательскую, свободу. Отчего это здесь застрял Хэмингуэй со своей любовью к пелоте? Отчего то, от чего се? Обнаружив еще и новогоднее меню, и пересчет каких-то семейных денег, обрывки снов, записки хроники, личные воспоминания, текст, набранный красным шрифтом, читатель подумает: вот ведь затейник! и сколько же здесь всяких фокусов!?

Не узнаёт! Но ведь это же чердак-чуланчик его собственных воспоминаний! Недавних, еще плоских, еще бледных – потому что воображение пока не разворотило его, как бульдозер девственную землю, потому что еще не выстроило новый светлый и слепой город – прошлое, которое мы любим. Любим, потому что не боимся. А пока это -- темное, заросшее место, Зона – прошлое, которое не воплотилось еще в память, а - живо. Мы бы хотели забыть все эти дребезги, безобидные обрывки, кусочки, бытописания, фантики и фактики. Мелочи, мелочи, все какие-то мелочи! помилуй, автор! хватит! хватит! – захлебываясь.

А он нам - своею точкой зрения, одним голосом на всех героев – он, человек, который дунул в этом месте на космические пылинки и они закрутились: это, ребята,

почтовые марки эпохи, это было, знаете ли, и уже навсегда.

Почтовые марки эпохи... А я уже начала забывать... «Мы же только вождей своих научились мариновать. И вот поэтому гремим банками...».

Вот если бы я выросла среди канделябров, а не посреди этого дурдомно-желтого или паскудно-коричневого хрущевского пола! Маломерные кубики квартир осыпались внутри вонючей известкой, а в кладовке висели зеленые дефицитные бананы, вызревавшие к празднику. Прежде кладовки они зеленели в «Овощах-фруктах», где их, казалось, несла вместо яиц банановая курица: очередь медленно двигалась, получая в одни руки одну неспелую, только что снесенную курицей, связку... Присоединяйся, читатель. Моих воспоминаний недостаточно, они не затронуты даже прелью оттепели, они волшебным Горбунком пронеслись над последними годами Советов. Мы бубнили еще речёвки, а родители наши еще мастерили классные уголки имени Павликов Морозовых. Но юность наша уже как слезами обливалась спиртом «Роял» под последнюю идейную волну русского рока. Взрослые наши хирели в это время, а мы питались чем придется – и расцветали от незамысловатых любовей. Такое короткое было время. И я уже начала забывать.

«Но так ли оно коротко? Александр Сергеевич, что вы по этому поводу скажете?» - Диксон апеллирует обычно к бесконечности, припоминая, ведя диалог, превозмогая распространенные исторические и литературные анекдоты, смущая всех внезапными незначительностями, странными будто бы чепуховинами. «Вот, к примеру, родословная пуделя...» И мы понимаем, что для нас, бывших советских людей с памятью короче собачьей, родословная -- это фантомная тревога, и болит она как отсутствующая конечность. Мы и своего вчерашнего-то толком не помним, всё – будто во сне. Дайте, дайте нам, поскорее, какой-нибудь докУмент!..

Вот они какие - мы, современники, жаждущие сермяжного документа. Безликие -- но с физиономией, перепачканной временем как вареньем. И нам книгу эту, обширный августейший гербарий, и в руки-то бессмысленно брать. Потому что мы и есть ее герои, сами читатели. Думаете, почему анкетная форма, помещенная в самую книжную серединку, пуста, не заполнена? – ну, а чья это анкета, разве

не твоя, читатель? Вот тебе и документ. Вот и ты был, как желтый лист, здесь. Вот и ты сохранился исторической веснушкой. И -- продолжен, оцепенелый, сонный и скучный, творческой волею Сочинителя -- в образе, например, сантехника пишущего (хотя другой на месте сочинителя раскрошил бы вас давно в песок, навязал бы трагизма, как бабушка навязывает внучку пуховый платок поверх пальтеца, а то и просто, задвинул бы в дальний пыльный угол). Буквой продолжен: «А покуда мы жнем и пашем только языком своим». Красным юрким острым словом, а также и лекцией, и поучением, и пламенной речью. Герой-читатель, задокументированная персона, смущается этому обстоятельству: поучения, ораторство и полемика ему не милы, ему мило занятное приключение. Только книжка все время открывается то на одном утолщении, то на другом – то на диске с голосом автора, то на документе голоцена - желтом и березовом: думайте, дорогие, решайте, там ведь еще впереди целая вечность. А между тем Диксон словно пружинку хронометра закручивает: «На дворе стояла чудная кайнозойская эра, четвертичный период, послеледниковая эпоха, иначе именуемая «голоцен», XX век, середина, допустим, XI пятилетки, год 7491-й от библейского сотворения мира и 1983-й от Рождества Христова, Год Белого Кабана, месяц январь, первая декада, вторая неделя, день десятый, тяжёлый, понедельник, под вечер, часу этак в пятом пополудни...»

Светлана МИХЕЕВА

Всё! Больше о романе в Интернете ничего написано не было... Имеется, правда, весьма любопытная информация. Книготорговая фирма «Esterum» (Франкфурт-на-Майне) выставила на своём сайте аннотацию романа.

Цена \$139,90

Переплет - 1216 стр.

Репроцентр А1 2008

ISBN:978-5-91344-046-4

Размеры в см: 18,0 x 24,5

Сочинение посвящено памяти А.Д. Синявского, в свое время отметившего неизбежность в конце XX века перехода русского «романа характеров» к «роману

состояний». «Августейший сезон» - роман положений. Эпиграфом к нему служит пушкинское: «Роман требует болтовни; высказывай все начисто». Эпилог же открывается советско-плакатным: «Не болтай!». И вопрос «Куда ж нам плыть?» уже как бы и не стоит: ошую Сцилла, одесную Харибда, и путь имперскому кораблю – в том междуручье.

Возвращение к эпиграфу – в эпилоге романа: «Как забавно-то это начисто! Да где ж его взять, это наше все, которое начисто? Вот попробовали обрядиться в белые одежды благодати, названной бесконфликтностью. И взбунтовалось сине море, как в сказочке, почернели белые одежды, псевдовствующие, а конфликты живехоньки, ничего им не сделалось, но раздражились они уже не столько в изящной словесности и не столько в самой жизни, сколько между жизнью и словесностью, и очень это наше все упорядочилось, и потянулось чересполосицей из лета в лето, интересное положение, аховое... болтай - не болтай... - расписание полно надежд и вздохов вдохновения, и каждый сезон как бархатная перчатка, и каждый период – переходный, и каждый год – переломный, так вот всю жизнь и проведем в гипсе...» В книге – две тетради иллюстраций (16 стр.) художника Николая Статныха и звуковая (CD) страница.

63

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

15 февраля 2011

Заключительная часть "Августейшего" вот какие факты выкопала из памяти. Кто-то из актёров драмтеатра (возможно, Виталий Константинович Венгер, он бы мог подтвердить излагаемое) рассказал мне такую историю.

Служил в театре артистом некто Печёнкин. Нормальный пацан и разгильдяй. Однажды, в ночь перед Пасхой оказался он (в лёгком алкогольном опьянении) среди толп верующих, собравшихся у Кресто-Воздвиженской церкви. Были тут и сотрудники правоохранения, среди которых оказался то ли друг, то ли приятель Печёнкина. И взял у этого приятеля Печёнкин "матюгальник" и выдал толпе верующих лозунг: "Товарищи верующие! Религия - опиум для народа! Идите домой спать!" Соратники Приятеля

вынуждены были завернуть Печёнкину белы ручки и доставить его в отдел милиции. Посадили его за барьер и стали готовить бумагу для протокола. И вдруг!.. Выхватил из кармана служитель театрального искусства какую-то бумажку, сунул ее в рот и попытался быстренько её проглотить, изначально пережевав. Бросились к задержанному служители, перехватили приёмом горло, разжали челюсти, вытащили Криминал изо рта, развернули, разгладили... И какой же текст они обнаружили? Точно процитировать не могу, но суть достоверна: "...Прошу принять меня в ряды КПСС..." Заявление в партию, одним словом! История, в принципе, банальная. Может быть, и не стоило об этом поминать. Но через некоторое количество времени до меня дошли слухи, что Печёнкин стал директором драмтеатра. А это уже информация к размышлению.

Был ещё один интересный директор театра. Некто Скрыльников, или Скрынников (точно не помню), до того - директор бани. На запястье скромная накладка "Женя".

В Иркутском ТЮЗе актёром работал Виталий Зикора. Женат. Сын Прошка. Выпускник Иркутского театрального училища. Сейчас трудится в литчасти МХТ (Издан книжку "Ванька-встанька"). Иногда снимается в кино.

Работал в театре плодотворно, был на отличном счету. Потому заработал двухкомнатную квартиру. Был у него друг, студент. Тоже женатый, но бездомный. Виталька предложил "другу" комнату. Пожить. А тот позволил себе гадость по отношению и к Зикоре, и к дому, в который его пустили. Виталька, конечно, мог бы морду набить "другу", вышвырнув того на улицу. Но он выбрал другой вариант. Дуэль. Она и состоялась на Иерусалимском кладбище. Стрелялись картечью. "Друг" был весьма тяжело ранен. Виталька вытащил раненого на дорогу, поймал машину, отвез "друга" в больницу и отправился в милицию сдаваться...

64

Стоп – кадр

На следующий день после дуэли, спозаранку, встретились на центральном городском перекрёстке три товарища: театральный художник Валерий Цымбал, обыкновенный

художник Юрий Квасов и актёр Борис Деркач. Слух о дуэли уже у всех на устах был.

Стоят товарищи. Размышляют товарищи.

- А ведь Виталька-то из моего ружья стрелял, - объявил Цымбал. – Вчера попросил, ну, я ему и дал, и даже не спрашивал зачем и для чего. Не мог же я ему отказать!

- Да уж, - сказал Квасов и пригорюнился. – А я Витальке патроны давал...Бляха муха! Один-то был картечный! Медведя завалит!

- Да уж, - сказал Деркач. – А ты вспомни, Валера, кто тебе то ружьё подарил? Я его тебе подарил...

Помолчали.

- Ну, что, мужики, пошли сдаваться как соучастники? – предложил Деркач.

- Да погоди ты! Чо уж так сразу-то...сдаваться? – сказал Квасов.

- А я, например, этих баб со вчерашнего дня чо-то вдруг люто возненавидел, честное слово, - сказал Цымбал и скрипнул зубами.

- Ничего, успокойся. Чёрт с ними, с этими бабами, - сказал Деркач. - Зато есть у нас один мужик мудрый. Пошли к нему, посоветуемся, что делать.

- Это кто такой?

- Добробаба. Петя. Корреспондент «Советской России».

Пётр Андреевич Добробаба оказался действительно настоящим мужиком. Вскорости он опубликовал в своей могучей московской газете статью, в которой косвенно взял под защиту дуэлянта Зикору.

65

Сундучок Крохобора: Виталий Зикора

В театральном мире имя Виталия Зикоры, ведущего актера МХАТа им. Горького, а тогда одного из ведущих и любимых актеров Иркутского ТЮЗа, прогремело по всей стране вслед за его выстрелом. Шла последняя четверть XX века, и дуэль в городе на Ангаре, давно казавшаяся чем-то вроде романтического атрибута прошлых эпох, породила массу невероятных слухов. Шлейф их сопровождает артиста до сих пор. Но мы, естественно, говорили не только об этой нашумевшей истории. За свою долгую журналистскую практику я, пожалуй, впервые

встретила человека, способного на бесстрашную самооценку тех страниц своей жизни и поступков, которые обычно не афишируют. Так откровенны люди бывают крайне редко. Наверно, только на исповеди. Наше общение, впрочем, внешне мало ее напоминало. Собеседник держался с непринужденной простотой и охотно над собой смеялся, не пытаясь скрыть волнение, вызванное возвращением, пусть и виртуальным, в свою молодость. Нет, неспроста У. Фолкнер назвал человека "суммой своего прошлого".

- Если сказать честно, то сердце у меня к Москве не прикипело. Хотя я уже двадцать лет здесь. Скучаю очень по Иркутску. Все равно - там мой край, там моя душа. Говорю не ради красного словца, а потому, что так оно на самом деле и есть. Когда приезжаю в родные места, сразу другая аура, другое состояние души, как будто она угнездится сразу и говорит: вот мое место.

- **Вы же родились, как пишет "Литгазета", на этой земле?**

- Родился я в Крыму, но жил там только первые семь лет. Мама увезла меня в Слюдянку, и я как увидел после полей и крымского безлесья горы, тайгу, так этот край сибирский для меня стал родиной. Крым я не люблю, не тянет меня туда, и не езжу, хотя брат сводный по отцу и зовет. Все хочется в Иркутск. Даже какие-то стихи написал:

Зачем я здесь? Бреду в тоске глубокой.

Какой-то неприкаянный, чужой.

А где-то там, на родине далекой,

Нас не дождавшись, умер домовою.

Там первая любовь, там сын родился, там заканчивал театральное училище, там в тюрьме посидел... Иркутск - это моя жизнь, а то, что здесь, в Москве, - это работа. Только работа. Здесь нет того размаха: ни в тайгу не сбегать, ни поохотиться, ни порыбачить, ни по ягоды, ни у костра посидеть, ни в Байкале искупаться. Самое золотое время - иркутский театр. Друзья по ТЮЗу: Валера Елисеев, Веня Филимонов, Володя Бричков, Володя Тюменцев - один за свет отвечал, другой - радист. Там и Люба Почаева, и Проценко Галя, Нина Олькова, моя однокурсница, мы вместе с ней заканчивали у Владимира Израильевича Симоновского. Мы хотели всем курсом к нему в ТЮЗ тогда пойти, а когда сорвалось его назначение главным режиссером, ребята все разъехались кто куда.

- *Пятый пункт?*

- Да, злосчастный пятый пункт. И я из ТЮЗа побежал было в драму, поскольку меня уже начали там занимать в "Пепле Клааса". Лева Титов удержал, пообещал, что работы будет выше крыши. Я говорю: первого гриба, что ли, играть буду? Но он заинтересовал ролями. В театре шли сказки "Пузырьки" и "Просто ужас", название последней точно характеризовало состояние дел до появления Титова. Актеры сразу почувствовали, что это не Ермачок залетный, приехавший Сибирь покорять, а очень работоспособный режиссер, всерьез строить молодежный театр хочет. Пообещали мне квартиру, и я остался. Пришли все ребята - Абашев, Казименко, Сережа Гаврилов...

- *Сын Аи Зиновьевны Левиковой, она была при вас директором театрального училища?*

- Да, золотой Аи Зиновьевны! Это был величайшей, широчайшей души человечисце. Это была женщина с большой буквы, педагог с большой буквы, человек с большой буквы. Вот я о ней сохранил такие светлейшие воспоминания... Она для меня как живая. Встречалось в моей жизни много хороших людей - больше, чем плохих. Даже с огромным перевесом больше. Плохих я не помню, вроде их и не было. Юрий Николаевич Корнилов преподавал у нас западную литературу, тоже очень хороший был педагог. Алдохина Клавдия Васильевна, речь преподавала, да все, весь коллектив был при Ае Зиновьевне замечательный. Она подбирала людей. Виталий Константинович Венгер преподавал у нас сценическое движение. Тоже заводной, озорной, хулиганистый в хорошем смысле.

- *Ваш тезка до сих пор такой!*

- Потому что он по природе большой актер, и в нем этот ребенок так и будет с ним всю жизнь. Помню, когда Венгер играл, мы всем курсом шли, нас же, студентов, пропускали бесплатно. Все спектакли, все премьеры смотрели, всегда мы за Венгером жадно следили.

- *А потом и на вас в ТЮЗ стали ходить. Много играли?*

!!2!- Столько ролей, сейчас уже не перечислить... Оставили след в памяти пьесы Розова "В добрый час" и в "Поисках радости", "Дети Ванюшина" Найденова, "Жестокость" Нилина - я в ней играл Баукина, возрастную роль. "Три мушкетера", "Тристан и Изольда", "Мужчина 17 лет..." В

сказке "Одолень-трава" играл Ивана-богатыря, а в "Карлсоне" - одного из воров. Творчески была насыщенная работа. Если мы везли на гастроли во Владивосток или Хабаровск дюжину названий в репертуаре, то в девяти из двенадцати спектаклей я играл главные роли. Можете себе представить.

- Нагрузка огромная!

- Здоровье было, желание работать - тоже. С Титовым сразу начали в ТЮЗе очень мощно работать.

- И тут случилось то, что и в страшном сне не приснится. Дуэль, суд... Если, конечно, сочтете возможным спустя столь долгое время предать огласке особую страницу вашей жизни.

- Скажу коротко. Просто я пустил друга пожить к себе на квартиру. Он учился в университете, у меня - двухкомнатная, а у него - ничего. Ну, жил, сыграл в моей квартире свадьбу, ребенок у него родился, все нормально. А потом я его со своей женой застал. Тут уже мало, как говорится, морду набить, предложил ему стреляться. Поехали на Лисихинское кладбище, бросили жребий, мне выпало стрелять первым. Кроме нас, там никого. В принципе, мне нужно было его признание, но он в глаза мне твердил, что не было ничего, не было. Я говорю: зачем ты из меня клоуна делаешь, когда я вас в постели видел. "Нет, тебе показалось!" Выстрелил. Тяжело его ранил.

- Все-таки прямо в него стреляли?

- Да, 37 метров отмерил, спросил: "Годится?" - "Годится".

- А почему именно такое расстояние?

- Для ружья-одностволки, чтобы картечь не рассыпалась, а шла кучно. Он сразу стал просить пить, я ему с могилы снег сгреб, поднял и попер его на себе через кладбище, там давно уже не хоронили, к лазу. Какие-то мужики как раз ходили, разогнули там прутья, собака к нам бросилась, рычит: кровь почуяла, помогли мне донести до трассы - Байкальский микрорайон. Поймал машину, пассажиры сами отлетели от нее, испугались. Довез до 8-й Советской, взял на руки его и сдал в больнице врачам. Позвонил тут же в милицию. Спрашивают: показать можешь, где что и как все было? Поехали на это место, ружье лежало там же.

- Вы даже не забрали его? Ваше охотничье ружье?

- 16-й калибр, настоящее охотничье. Боря Деркач мне подарил. А Смирнов Володя, Скифом он позже стал зваться, в свое время написал такие строки провидческие.

Еще мы молодыми были, ходили с Деркачом на рябчиков и занесли добычу Смирнову, он жил в Коммерческом подворье и под этим впечатлением экспромтом сочинил:

Убили рябчика-рябца актеры.

Не трогай птичьего пера, Зикора.

Дуэльный мастер сквозь века прокрался...

Мы как-то со Скифом сидели тут, во мхатовской гримерке, и я ему сказал: "Ты тогда как накаркал!" Он удивился, что я это помню, но сам не знал, почему эти странные слова родились у него.

- И что милиция?

- Меня посадили в КПЗ, потом к прокурору. "Жалеешь?" - он спрашивает. Ну, чтоб отпустить меня под расписку. Я говорю: "Нет". Он: "Тогда будешь сидеть". - "Буду сидеть. Мне суд нужен. Я должен знать всю правду". А всегда же судебно- медицинскую экспертизу делают на всякий случай: что еще за дуэль, артист заигрался? (*Смеется*). Проверили - нормальный. Главный врач психбольницы предложил оформить меня на годик: "Полежите, выйдете, никакой тюрьмы не будет, просто напишем диагноз, что замкнуло вас". Я: "Не-не-не, везите меня обратно". Она: "Вам же много лет дадут!" - "Сколько ни дадут, все мои". Ольга, жена, на суде во всем призналась. И он тут вынужден был признаться. Вот так мы с ним разобрались. Восемь месяцев я в камере просидел, дожидаясь этого дня.

- Каким же был приговор суда?

- Суд вдруг мне дает два года. Судья Трофимова, дай ей Бог всех благ, если она в добром здравии.

- Ниже низшего предела?

- Да, статья начинается с трех лет. Обвинение подает кассационную жалобу. А в то время по инициативе иркутских писателей приехал из "Советской России" Петр Добробаба и написал статью "Дуэль с пыжом". Почему-то так он ее назвал. И упомянул там эти два года. Эта публикация завуалированно в какой-то степени оправдывала меня, он тонко написал. А поскольку газета - орган ЦК, то суд уже не рискнул пересматривать приговор, оставили его в силе. Восемь месяцев зачли в срок, и еще месяца четыре я отсидел в тюрьме, потом был условно-досрочно освобожден. Приехала комиссия, ко мне тоже там отнеслись внимательно, хотя опера не очень меня любили, и я их тоже не очень уважал.

- Чем же вы спровоцировали в заключении нелюбовь к себе?

- Они мне хотели повязку нацепить. Совет внутреннего порядка, так он называется. Я говорю: нет, что вы, я среди зэков в Байкальске вырос, как же я буду есть с ними из одного котла и на них же стучать! Мне в ответ: завклубом должен быть в совете внутреннего порядка. А заключенные этот СВП по-своему расшифровали, смешно, но не для газеты.

- Да читатель уже ко всему приучен. Просветите, на всякий случай.

- Совет веселых педерастов, извините. А второй вариант еще нецензурней. Я говорю: ищите другого завклубом. А Сычову, майору по политчасти, нужен был профессиональный артист, чтобы концерты делать. Они страшат: уголь будешь грузить, ямы копать! Соглашаюсь уголь грузить, что угодно еще. Сычов: ладно, пусть остается завклубом! И вот комиссия: ну, как себя вел? А я в карцере 10 суток отсидел. Кружка воды, полбуханки хлеба.

- И холодно, и прилечь нельзя?

- "Вертолет" этот, три доски, откидывается на замок, в 7 утра тебя с них сбрасывают, и ты ходишь. Сесть - полскользящий. Ботинки снимаешь, один под себя, на другой пятки ставишь, и ты как в бреду: одежду тонкую дают, ни курева, ни еды. Старшина лично ложкой проверяет, не плавают ли в чашке баланды картошка или макаронина. Я оттуда вышел как раз 9 Мая, пушка в честь Дня Победы, помню, бухала. Я за траву цеплялся после карцера - меня шатало, держался, чтобы не упасть. Охранника спрашиваю: закурить можно? Закурил - вообще весь поплыл.

- Почему же в карцер загремели?

- Это мой характер подвел. Меня там заложил один. Он был председателем совета этих...

- "Веселых и находчивых"? (Смеемся вместе).

- Да-да. Исаев его фамилия. Я говорю: парни, если к человеку подойти по-человечески, он тоже проявит себя по-хорошему. Вот вы сами убедитесь. Я ему предложу выпить, душевно его отогрею на празднике, как раз было 1 Мая. Они убеждают: "Все равно заложит он тебя, Витя. Не ищи приключений на свою голову!" Я спорю, что быть того не может. "Ну, экспериментируй, наивный ты

человек". Я к нему подошел: "Володя, давай выпьем по стопарю, нынче 1 Мая. Праздник, старик!" Он на меня глаза выпучил, не верит своим ушам: к председателю совета внутреннего порядка подходит Зикора, самый такой неслух в этой маленькой тюрьме я считался, и внаглуу предлагает такое! Но мне говорит: "Давай". Завожу его в библиотеку, отодвигаю книги, разливаю водку.

- Не отказался ведь, мерзавец!

- Ага, думаю, все равно он согреется душой, оправдает доверие. Нельзя же таким добрым отношением злоупотребить, мы ведь один на один пьем, тут сразу будет ясно, кто заложил. Протягиваю стакан ему, он: "Ты первый". Хорошо, я - бух, селедкой закусил, он следом выпил. Все нормально, думаю. Мы разошлись тихо, гуляем по зоне, парням говорю: "Вот видите, кто был прав. Если к человеку по-человечески, он тоже останется человеком". Только отбой прошел, мы в койки легли, еще уснуть как следует не успели, вдруг слышу: "Зикора, подъем!" Выхожу из барака, смотрю - Исаев стоит. И мне так испуганно: "Я никому ничего не говорил... Заметили, наверно". Казачки-оперативники кричат: "Не разговаривай!" Приводят нас к врачу. Она: "Дышите". И кружку протягивает. Я дышу, она обо мне: "Он не пьяный".

- Молодец какая!

- Нет, тут дело хитрое. Ему тоже кружку: "А он, - говорит, - пьяный". Они: "Так, Исаева в карцер, а ты иди в барак". Получается какая ситуация? Вроде я его заложил - подставить меня хотели. Я к нему: "Мы же с тобой вместе пили!" Он голову опустил, скукожился. Врач говорит: "Ну, раз пил, иди тоже в карцер". Я свои 10 суток отсидел, а Исаева, он каптером был, старшина уже через два часа выдернул под предлогом, что этап прибыл, надо людей переодеть. Ребята мне потом: "Нашел среди кого человека искать! Если он нацепил эту повязку, будет служить как миленький". Вот один такой этапчик жизни.

- Лучшие всего этапы нашей жизни знают конвоиры, вспоминаю остроумный афоризм.

- (Смеется). Точно. А когда освободили, тут же Титов устроил праздник такой в Иркутске для меня: назначил играть "Три мушкетера", а я там - Д'Артаньян. Не успел выйти на сцену, рев такой поднялся в зале, зрители ждали

меня. Мы на "ура" сыграли этот спектакль, и жизнь стала опять входить в колею.

- Без рассказов о встречах с Александром Вампиловым иркутский период вашей жизни был бы неполным.

- В книге Лины Иоффе к 75-летию ТЮЗа "Цветы и годы" немного есть об этом. Мы даже жили рядом - Саша на 8-й Советской, а я через две остановки, в Байкальском микрорайоне. То, что по улицам мы ходили, по набережной много с Саней гуляли, в общежитиях на Грязнова и в Коммерческом встречались, - это само собой. Однажды он зашел, а там свадьба, актер ТЮЗа Глазков, тоже Саша, женился, невеста заканчивала как раз наше театральное училище. Саня отнекивался - небритый, одет буднично, в свитере, но его уломали сесть за праздничный стол. А из Игарки на свадьбу теща приехала, такая торгашка полная, розовощекая, рыбы привезла. И когда выпила, не выдержала: зачем, мол, этого бича сюда позвали? Мы-то все принаряжены, а Саня же случайно попал. Он головой покрутил и встал уже уходить, но тут как мы все поднялись, и сам жених: "Да знаете, кто это такой!.." А он как раз напечатал в "Ангаре" "Утиную охоту". Теща сразу язык прикусила, но у новобрачных и гостей настроение упало - скандал. Кое-как погасили. Уйди он, никто бы за столом не остался.

- Во МХАТе у вас, смотря, на афише его "Прощание в июне"?

- Молодежь играет. Доронина поставила. Публика хорошо принимает. Он драматург вне, так сказать, всех драматургов, к нему нужен особый подход. Он добрый писатель по сути своей, это невозможно не почувствовать. Сколько бы боли у него ни было, иногда такого предчувствия, щемящей какой-то тоски, все равно это через добро у него просеяно. В нем нет зла. Он дарит надежду. Щемящий такой, пронзительный, тонкий драматург... Про литературу мы тогда много говорили, они нас ориентировали в книжном море, подсказывали новинки - Саша Вампилов, Валентин Григорьевич, Шугаев Слава, Машкин Гена был не раз, Женя Суворов заходил. Саня мне подарил как раз журнал "Ангара" с его пьесой. И с надписью: "Витя, я мечтаю, когда ты сыграешь Зилова".

- Довелось?

- Когда Саши не стало, Валентин Григорьевич Распутин организовал на сороковины передачу по телевидению. Я

первый сыграл Зилова - правда, два отрывка из "Утиной охоты", и из "Прощания в июне" там сцены были. Георгия Люстрицкого, режиссера, вызвали потом в обком: почему через 40 дней, а не через 39 или 41? Ему дали выговор, но дело было сделано. Я так мечтал эту роль сыграть, что вы! Не сыграл. Завидовал Олегу Далю, был со многим не согласен в его трактовке - он немножко замельчил, затишил, там уже человек проигравший. А Зилов - нет. Вампилов оставляет ему шанс.

- Всем нам, по сути, оставляет этот шанс: сохранить в себе человека.

- Жора Назаренко привез мне из Иркутска книгу Саши Вампилова, сын мой, прочитав, сказал: "Ну, это просто от Бога драматург. Я его не могу пока расколдовать". А его и не надо пытаться конкретизировать, он каким-то общим наплывом тебя обволакивает и оставляет такой осадочек по уголочкам - расшифровать я тоже не берусь, скуден я на язык, я вот больше на эмоциях, на ощущениях. Чувствую, как собака: это верный след, а разложить по полочкам и рассчитать - это не мой темперамент, не мой склад ума, я больше доверяю, конечно, сердцу и подсознательным каким-то вещам. Больше чувствам доверяю. Пьесы Вампилова пропитаны, насыщены ими.

- Витя, Иркутск вам все-таки пришлось покинуть?

- После моей отсидки у нас с Ольгой, женой, не клеилось. Она уехала в Псков, а сын Прошка уже был. Я потом поехал следом, но и там ничего не получилось. Разошелся с ней там уже официально. В Пскове года четыре поработал. Мне важно было, что сын на моих глазах рос, я его и на гастроли с собой брал, там работал монтировщиком дополнительно, снимал квартиру, чтобы он со мной рядом был.

- А где он сейчас, ваш Прохор?

- Также в Москве. После армии закончил Щепкинское театральное училище, работал здесь, во МХАТе, но ушел: "Я, батя, на вольные хлеба". Сейчас снимается в кино, семью еще не завел. А в Пскове мне предложили на выбор - звание или однокомнатную квартиру. Я предпочел жилье. А Валерий Васильевич Бухарин, занимавший меня в главных ролях, получил звание заслуженного деятеля искусств.

- Прекрасно помню его! В Чите главным режиссером был, ярко работал. И на всю жизнь врезалась в память

его фраза: "Я лучше умру под красным знаменем, чем под забором!".

- Со знаменем-то я за ним гонялся спьяну по театру: "Что ты такую хреновину ставишь, это же спекуляция чистой воды!" Я играл молодого Брежнева-политрука, Бухарин ставил "Память сердца" про Малую землю. Что-то обидное сказал мне в ответ и исчез через парадный вход, а я после спектакля напрасно ждал его возле служебного входа. Наутро иду к нему разбираться, а мне говорят: уже было собрание, все там выступали в таком духе, что этот бандит-сибиряк вообще не исправим. И тогда слова попросил Бухарин. "Вчера, - говорит, - когда я убежал от него, вдруг ощутил удар по голове. Я понял, что Зикора меня все-таки настиг. Открываю глаза - оказывается, гололед, я поскользнулся, ударился головой и смотрю: звезды, небо. И голос с неба мне говорит: Бухарин, не трогай Зикору! Хотите, верьте, хотите, нет, но я, - говорит, - слышал этот голос. Я после Бога на себя ответственность брать и увольнять его не буду". И вся труппа выдохнула: оставить!

- Насмешили до слез...

- Но это еще не конец истории. Бухарину я пообещал: зашьюсь - пять лет буду ходить трезвый. И уехал в деревню, там в больнице всех лечили официально, колол на зиму дрова и очищал организм от выпивки. А театр в это время сдавал комиссии "Чапаева" с актером, о котором сказали: "Ну, это не народный герой". Бухарин отвечает: "Герой народный у меня от алкоголя лечится, вот придет, тогда посмотрите". Мне в больницу привезли этот текст, я его выучил и через несколько репетиций вышел на сцену. "Ну вот, это другое дело!" - комиссия признала. Потом он ставил в Великих Луках спектакль про Рокоссовского, вся местная труппа была занята, а я, приглашенный на главную роль, летал туда на самолете. Собрались однополчане, которые воевали под командованием Рокоссовского, отцепляли свои награды и вешали мне: "Ты точно Костя, ты наш маршал!" Жили в одной гостинице, они пытаются меня угощать, а я ни в какую. Слово держал. "Как, Рокоссовский, и не пьешь?!" И с Бухариным позже, когда он в Калининград главным в драму уехал, а я там снимался в фильме "Охота на единорога", обрадовались при встрече, он повел к себе, а я опять вшитый на пять лет. Говорит: "Когда же я с тобой выпью? То ты пил

беспробудно, а теперь завязал". Но и без этого с чаем хорошо посидели. Месяц там шли съемки, и я с ним общался. Он боец, что говорить. Сердце подвело. Для меня это страшное известие было громом среди ясного неба, я узнал поздно, а то бы слетал проститься.

- В такие моменты особенно остро сверлит вопрос о смысле жизни. Или, как у Давида Самойлова, "зачем гоняет сердце по жилам кровь живую?"

- Полноценно, всеобъемлюще еще никто на него не ответил. Мы ведь практически, можно сказать, самые мужественные создания на земле: знаем, что умрем, но живем, радуемся, хохочем. Если доживу до глубокой старости, и то сомневаюсь, что найду точный ответ. Я подытожу, скорее всего, сколько я сделал доброго, хорошего и сколько - плохого. Кто знает... Моя горячность, моя несдержанность на пользу разве? Я вот об этой дуэли сожалею, что стрелял в него. Не нужно было этого делать. Человек с религиозным сознанием, наверно, знает, зачем он живет. Он служит Богу, который дал десять заповедей. Их же не тысяча, не сто даже - всего десять. Если люди начнут жить по ним, это будет идеальный мир. Да хотя бы "не убий", "не укради". И то я не выполнил. Грех этот большой висит на мне, глаза к небу когда поднимаю, то думаю: за это придется платить. С возрастом уже накапливаются такие мысли, которые не дают по ночам спать. Куда идти? Вроде никому о них сильно-то не расскажешь. Я вот был в Печорском монастыре знаменитом под Псковом. Любил ходить в Троицкий собор, там намолено, особая энергетика, и у меня менялось состояние. Я это ощутил.

- Не праздный, конечно, вопрос. От него не отмахнешься.

- И как тут сказать: зачем живешь? Вроде сам себе отвечаешь. Сына родил? Родил. Книжку написал? Написал. Осталось, значит, дом построить, а дерево посадил в детстве еще, дед Прохор Никифорович заставил. Как только я стал соображать- кумекать, он дал мне саженец черешни, велел выкопать ямку, потом закопать и полить. Книгу "Ванька-Встанька" за три года написал. У нас театральная дача в Серебряном Бору была, Фурцева еще в свое время МХАТу подарила. И вот я засел на этой даче с мыслью: побываю-ка я в Иркутске! Три отпуска подряд мысленно улетал в родной край и писал.

- На компьютере?

- Писал роман от руки, потом сел за печатную машинку и все пять толстых тетрадей отмолотил одним пальцем, а потом уже отдал на компьютер. Но там редакция нужна, а мне было невтерпеж: скорее сдать, он меня уже измучил. Выпустить в свет помог школьный товарищ, одноклассник Саша Козырев. Нашел меня в Москве и сунул деньги на издание. А так бы, наверное, до сих пор по редакциям мотался.

- Витя, Иркутску хотите что-нибудь передать?

- Я его очень люблю, люблю людей, люблю друзей. Это мой самый любимый город на земле. Люблю и помню наш ТЮЗ, нашего зрителя иркутского, люблю Ангару, люблю весну, зиму в Иркутске, осень, лето - все-все. Это как можно сказать о любимом человеке, о любимой женщине, так вот и об Иркутске. Все хорошо - даже не хорошо, а прекрасно, высшую степень надо брать, - когда я говорю об Иркутске. Когда я встречаю человека из своего родного края, со мной что-то происходит, сам чувствую: раз - и я ощущаю себя другим...

Вера Филиппова,

«Восточно-Сибирская правда», 22 декабря 2005 г.

66

Голос из хора: Олег Базильский

В сентябре 1955 года свежеиспечённые первокурсники Иркутского геолого-разведочного техникума, ещё не приступившие к занятиям, прибыли на поезде на станцию Залари. Там уже нас поджидали бортовые ЗИСы-5 со скамейками.

Устроился я поближе к кабине. Рядом парень, мой будущий коллега по учёбе и профессии. Познакомились. Это и был Жора Гаврилов.

Поздно ночью приехали в колхоз, в 50 км от станции в сторону Саян. Ночь провели в колхозном клубе. Лежаки раскинули прямо на сцене. Только какой уж там сон?

В нашей группе была в основном мужская. Но были и девчонки. Очень романтические натуры: геология, ночи у костров, песни под гитару, звёзды над головой, романтика!..

И вся ночь прошла в анекдотах. Уж мы так старались понравиться своим остроумием нашим геологиням!

Заправилами-анекдотчиками оказались мы с Жорой...И вот я рассказываю какой-то анекдот, в котором было просто необходимым слово «блядь». Всеобщий хохот. И еле слышанный тихий девичий плач. Одна из самых возвышенных геологинь не выдержала, по её мнению, матерщины. Другие девчонки принялись успокаивать подругу, что, мол, это ещё не матерщина! матерщину ты ещё услышишь в геологических партиях, привыкай...

На следующий день ситуация разрядилась, девчонок расселили по квартирам, а парни остались в клубе.

Первые дни мы копали картошку лопатами. Норма 5 соток на трудодень. Через пару дней мы с Жорой и ещё двумя приятелями были уже грузчиками на току. Грузили мешки с зерном на грузовики. ЗИС-5 забирал на борт 50-60 мешков. Загрузив машину, вчетвером забирались в кузов и ехали на элеватор в Залари (это 2-3 часа отдыха в пути). За один рейс начислялся 1 трудодень. Мы делали 2-3 рейса. Короче говоря, за один месяц я заработал 150 трудодней. Трудодень стоил 1 рубль 17 копеек. Для сравнения, килограмм ливерной колбасы – 49 копеек...

В феврале 1958 года мы закончили техникум. За годы учёбы сложился круг друзей-товарищей: Владилен Чупров, Борис Могилев, Геннадий Суханов...Жора Гаврилов был в центре – заводной, оригинальный, большой фантазёр и анекдотчик.

Уже позже, в шестидесятых, его пригласили на работу в Южно-Киргизскую экспедицию, базирующуюся в городе Оше. Накануне его отъезда в Среднюю Азию мы получили оригинальные пригласительные билеты на «товарищескую котлету» по случаю отъезда.

Собрались мы человек 5-6 у гостиницы «Сибирь» - к Жоре ехать вознамерились не по одиночке, а всем вместе разом. В одну машину такси не вмещаемся, а на два такси денег нет. И тут подъезжает шикарный «Икарус», дверь предупредительно открывается, мы степенно заходим, и я говорю водителю адрес: «Предместье Марата, военный госпиталь» (там Жора жил с молодой женой в служебной комнате, а теща вроде бы работала на госпитальном пищеблоке).

Доехали быстро. Я выдал водителю три рубля. Тот спрашивает вежливо: «Вас ждать?» Я отвечаю: « Не дождётесь! Мы же сюда на гулянку приехали». Водитель остоленел: «Так разве вы не делегация?»... Оказывается, он подъехал к гостинице забрать и везти куда-то каких-то областных делегатов и принял нас – за них...

В пустой и скудной гавриловской комнате нас ожидал стол без стульев. На стол накинута клеёнка. Торжественно снимаем клеёнку – видим огромный противень, а на нём...котлета. Одна. Румяная. Сочная. Специально измерили: метр двадцать в длину...На подоконнике – эмалированный таз с винегретом, гранёные стаканы 200 гр. И разномастные тарелочки с вилками алюминиевыми. Внизу – ящик с водкой...

Всё вместе это называлось элегантно, по-иностранному: а ля фуршет.

67

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

15 февраля 2011

...Я в то время по совместительству работал в СИЗО ("Белая Лебедь"), преподавал несовершеннолетним пацанам русский язык и литературу. Мальчишки, находящиеся под следствием, обязаны были продолжать образование. Думаю, Витальке Зикоре шибко повезло в том, что мы с ним оказались в одно время в одном месте. Иркутская театральная общественность через меня могла помаленьку подкармливать подсудимого. Петя Добробаба, собкорр "Советской России" организовал в своей газете статью "Дуэль", определённой тональности. В прокуратуре тоже были свои люди. Состоялся суд. Зикора получил два года, а я постарался в плане оставления его в СИЗО, в хозобслуге. А там его сделали завклубом и библиотекарем. Я проносил ему и чай и водку. Но не ради всего этого я набираю этот рассказ. Главное дальше.

Мой педагог по истории костюма (в "Щуке") Холина говорила нам, студентам, что руководят жизнью не цари и не сильные мира сего, а (ещё с фараоновых эпох) парикмахеры и портные. Так вот. Моя мама, Евдокия Алексеевна (в девичестве - Хирнова), простая русская женщина из волжской казачьей станицы "Три острова",

была блестящей портнихой. Где бы мы ни жили (от Баку до Ангарска) мама была главной женской портнихой города. Заказчиками чаще всего были жёны и дочери больших начальников. Именно они могли заказывать тончайшую работу сложных моделей из дорогого материала. В Ангарске клиентками мамы были жена и дочь Протопопова, начальника одного из лагзаков, и жена и дочь начальника строительства Ангарска.

Сначала о Протопопове. В период, изложенный выше, Протопопов был уже заместителем начальника по лагерям и тюрьмам Иркутского областного управления МВД. Когда его жене или дочери нужно было что-то сшить, за мамой в Ангарск посылалась чёрная "Волга", и она три-четыре дня находилась в семье Протопопова. Так маму привезли в Иркутск во время отсидки Витальки в СИЗО. Мама позвонила мне: "Можем повидаться". И назвала адрес Протопопова.

Кто такой Протопопов я прекрасно знал. И не воспользоваться таким случаем было нельзя. Конечно, я отправился в гости. А сам заместитель начальника МВД оказался дома - болен был. Вот я и сунулся к нему с рассказом о Зикоре и с вопросом, нельзя ли организовать досрочно-условное освобождение осужденного артиста. Протопопов задал всего один, насколько мне помнится, вопрос: "Человек хороший?" - "Весьма" - ответил я. - "Сделаем". И уже на следующий день, когда я пришёл в СИЗО на уроки (которые я вёл прямо в камерах), мне было сказано, чтобы я зашёл к начальнику. Тот меня встретил примерно так: "Ну, и чего же ты пошёл беспокоить Протопопова? Мог бы просто ко мне прийти, проблема пустяковая."

Через месяц или полтора Виталька из тюрьмы вышел, просидев год. Из тюрьмы мы выходили вместе. Я - после уроков, он - после отсидки. И напрямик в комнату № 43 "Коммерческого Подворья". А там нас уже дождалась иркутская общественность. С коньяком.

А теперь Главный Вопрос. Кто свершил это сверхъестественное досрочное освобождение?! Я? Нет, конечно! Мама - ПОРТНИХА! Ну, и конечно, стечение обстоятельств. Но главное – портниха!

В подтверждение тезиса ещё один факт. Пришлось мне поработать в Ангарске худруком дома культуры строителей (официальное название - "Актовый зал

строителей"). При этом "Актовом зале" был создан самодеятельный ансамбль электромзыкальных инструментов, тогда единственный такой ансамбль на весь СССР. Руководил этим ансамблем геодезист (не помню ни имени, ни фамилии), работавший в системе ангарского градостроительства. Он и набранные им ребята сами создавали инструменты, учились играть и выступали в концертах. Имел с женой и двумя детьми комнатку в каком-то засратом, насквозь продуваемом общежитии. Устал он от неустройства, решил уволиться и уехать из Ангарска. Разве можно было потерять такой кадр? Вот я и попросил маму связать меня с Рашель Евсеевной, женой Сергея Никифоровича Алёшина, начальника Управления строительства Ангарска. Рашель Евсеевна пригласила меня к себе, мы встретились и я обрисовал ей проблему. Вот её реакция: "Так... Завтра у Сергея Никифоровича весь день расписан, на обед он не придет... А вот послезавтра обедать он будет дома... Приходи к часу, за обедом и поговорите." А назавтра, часов в 10 утра, появляется в моём кабинете дядька, представляется шофёром Алёшина и сообщает, что приехал за мной. Через полчаса я переступаю порог кабинета Алёшина. Он меня встречает словами: "Ух, каким ты стал!" Ангарск тогда был городишко мизерный, все друг друга знали (а еще и учился я с его дочерью). "Так. У меня пять минут, давай кратко проблему." Я изложил. Нажал Сергей Никифорович на кнопку, из динамика громкой связи раздалось "слушаю, Сергей Никифорович". "Зайди." Через минуту явился молодой мужчина. Ему было сказано: "С этим человеком (указывая на меня) положительно решить вопрос и по возможности быстро." Вопрос ко мне: "Двухкомнатная устроит?" - "Да". - "Всё, до свидания, будь здоров, извини, у меня совещание". Вышел из-за стола, протянул руку... Через две недели мой работник получил двухкомнатную квартиру.

Опять-таки, вопрос. Кто сделал человеку квартиру? Я? Опять-таки - НЕТ. Кто? Мама - ПОРТНИХА!

И чтобы поставить точку в теме. В 1957 году я на производственной практике в поисково-съёмочной партии Хабаровского геологического управления в должности техника-геолога. Заработок весьма приличный. Отправляю из экспедиции маме две тысячи рублей на холодильник. Холодильники только-только появились. Дефицит жуткий.

Мама звонит жене Токарева, начальник снабжения Ангарска (должность обозначаю, скорее всего, не очень точно). Через неделю прямо домой двое рабочих привозят холодильник, устанавливают, мама отдаёт им две тысячи. Холодильник этот пузатый (ЗИЛ) до сих пор функционирует на московской даче моей сестры. Да здравствуют руководители жизни, главные люди нации - парикмахеры и портнихи!!!

68

Сундучок Крохобора

Прогрессивные идеи всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Иркутский областной комитет

№ Б-71/1
(индекс, номер протокола и пункта)
23.11.88 г.
(дата рассылки)

Для служебного
пользования

Экз. № 6

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

бюро Иркутского областного комитета КПСС

„15“ ноября 1988 г. протокол № 71, § 1

О работе партийной организации и правления Иркутского отделения Союза художников РСФСР по укреплению связи с жизнью и повышению роли изобразительного искусства в коммунистическом воспитании трудящихся

Важное место в духовной жизни, в идейно-политическом и эстетическом воспитании трудящихся и молодежи области занимает Иркутское отделение Союза художников РСФСР, объединяющее 67 профессиональных художников, в том числе 14 коммунистов. Основные направления в работе иркутских художников – живопись, графика, прикладное и монументальное искусство. В этих видах изобразительного искусства художники Прибайкалья постоянно участвуют на союзных, всероссийских и зональных выставках. В 1987 году на Всероссийской выставке «Художник и время», посвященной 70-летию Великого Октября, были представлены произведения 15 иркутских художников.

Любителям искусства хорошо известны живописцы А.И. Алексеев, А.Г. Костовский, В.А. Кузьмин, Г.Е. Новикова, В.В. Тетенькин, В.С. Рогаль, В.Г. Смагин, графики А.И. Аносов, Н.П. Башарин, А.М. Муравьев, А.С. Шпирко, А.С. Шипицын, художники декоративно-

прикладного искусства Б.Т. Бычков, В.Н. Огиенко и другие.

Большинство членов Иркутской организации Союза художников РСФСР проявляют глубокое понимание своей роли в обществе, занимают активную гражданскую позицию, что выражается в разнообразной организаторской, творческой и выставочной работе. Ведущим организатором в этом деле выступает партийная организация, которая совместно с правлением иркутских художников проводит определенную работу по укреплению связи с жизнью, повышению роли изобразительного искусства в воспитании трудящихся. Так, в течение 1987–1988 гг. по инициативе Иркутского отделения организовано более 70 персональных и тематических выставок, в ряде трудовых и учебных коллективов Иркутска и области проведены творческие встречи, беседы. В практику вошли аукционы по продаже картин, шефство над детским домом № 1 и училищем искусств, встречи со школьниками в мастерской художника. С сентября 1988 г. при отделении художников создана детская художественная студия. Иркутские художники активные участники фестивалей искусств, праздничного оформления городов средствами наглядной агитации. В текущем году ими выполнены декоративно-прикладные работы в музыкальном театре, Доме культуры г. Саянска, областном краеведческом музее, разработан проект комплексного оформления микрорайона Университетский. Совместно с Иркутским телевидением отделением Союза художников РСФСР регулярно проводятся телепередачи «В мастерской художника».

Вместе с тем работа партийной организации и правления отделения Союза художников по укреплению связи с жизнью и повышению роли изобразительного искусства не отвечает требованиям сегодняшнего дня. В коллективе все еще преобладает атмосфера застойности. Не получил должного развития процесс на гласность в обсуждении обстановки в творческом союзе, на дальнейшую демократизацию художественной жизни. Вопросы мастерства, содержания искусства, выхода на новые темы, его роли в изменении сознания и психологии людей редко и неглубоко обсуждаются на собраниях, заседаниях партбюро и правления. Свидетельством недостаточной связи художественного творчества с

жизнью, с процессами обновления является слабое развитие жанровой, тематической картины. На выставках редко можно видеть стремление художников во всей многогранности и сложности раскрыть личность современного человека, работника труда. Преобладающим жанром остается пейзаж. Слабо развиваются такие виды искусств как скульптура, плакат.

Большинство художественных выставок не получают должного общественного резонанса. Их экспозиции не всегда обусловлены качеством, содержательностью и уровнем представленных произведений. На них редко проводятся дискуссии, широкие обсуждения, лекции, беседы, учитываются и анализируются зрительские отзывы. Выставки не обеспечиваются каталогами, афишами, слабо освещаются в печати, по радио и телевидению. Заметно снижены критерии отбора работ на выставки. Областную ретроспективную выставку иркутских художников в октябре-ноябре 1987 г. посетило лишь 6 тысяч зрителей. Практически отсутствует художественная критика. В статьях преобладает комплиментарность, сухая информативность. Искусствоведы не всегда умело обнажают глубинный общественный смысл, который образно воплощен в произведениях художников.

Немалая часть художников имеет недостаточный уровень профессионализма и культуры, стоит в стороне от жизни организации. Сами художники самокритично отмечают, что численный рост организации не сопровождается повышением художественного качества изобразительного искусства. За последние годы заметно снизился уровень подготовки кадров художников в Иркутском училище искусств. Лишь около трети членов Союза художников СССР имеют высшее художественное образование. Имеет место нигилистическое отношение отдельных художников к традициям советского искусства.

Художники редко встречаются со зрителем, бывают на промышленных предприятиях и ведущих стройках, в сельскохозяйственных и северных районах, научных учреждениях. В 1988 году художники совершили творческие поездки только в гг. Саянск, Бодайбо, пос. Маму. В командировках побывало пять художников (в 1986 г. – 22 человека). В области сегодня нет ни одной передвижной выставки или картинной галереи Союза

художников. Иркутские художники пока не определили свое место во всеобщей системе эстетического воспитания, в реализации реформы высшей и средней школы.

Крайне робко влияет Союз художников на эстетическое обновление среды жизнедеятельности людей, наполнение ее выразительными по форме произведениями искусства всех видов и жанров. Практически отсутствует совместная работа с архитекторами, проектировщиками. Эта работа снижается из-за отсутствия в области и в г. Иркутске плана монументальной пропаганды, невыделения средств от стоимости строительства на художественное оформление. Иркутское отделение художников, ее коммунисты стоят в стороне от деятельности главных художников городов, художников промышленных предприятий, самодеятельных художников, от развития народного искусства и художественных промыслов, возрождения национального искусства бурят, тофов, эвенков и других.

Слабо поставлена работа по заключению договоров, долгосрочных заказов на крупные, значительные произведения городов, сел, предприятий и учреждений. В 1987 году таких заказов выполнено членами Союза художников СССР 24, а в 1988 году всего 11. Зачастую инициативу «перехватывают» заезжие группы художников, выполняющие работы, как правило, на низком эстетическом уровне.

Недостаточная требовательность предьявляется со стороны партбюро и правления иркутских художников к улучшению деятельности творческо-производственного комбината художественного фонда РСФСР (т. Назарова Л.Н.), в работе которого отсутствует согласованность производственных планов и творческих интересов художников, отмечается слабая работа служб и бесхозяйственность. Не в полной мере используются в удовлетворении запросов художников возможности Дома творчества «Байкал».

В организации иркутских художников со стороны партбюро и правления слабо формируется дух творческого соревнования, отсутствуют интересные формы общения друг с другом, творческие дискуссии и отчеты. Наблюдается отчуждение между поколениями художников, имеют место факты потребительства, иждивенчества, нетерпимости к критике, мелкие обиды

и амбиции. В работе с творческой молодежью преобладает количественный подход. Дом художника, его выставочный зал, магазин-салон не стали центрами культуры, привлекающими любителей искусства, самодеятельных художников. Не осуществляется настойчивый подход к подготовке и выпуску альбомов, книг, буклетов о творчестве иркутских художников. Слабо в пропаганде изобразительного искусства используются возможности областного художественного музея, газет, уличных выставок-продаж.

Серьезной проблемой, сдерживающей подъем творческой работы, является слабый уровень материально-технической базы союза художников. У 12 членов Союза художников СССР отсутствуют мастерские. Для многих долгое время не решаются жилищные, бытовые проблемы. Затянулись работы по строительству творческо-производственного комбината. Остро не хватает выставочных залов.

Бюро обкома КПСС ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Партийному бюро и правлению Иркутского отделения Союза художников РСФСР (т.т. Смагин В.Г., Бычков Б.Т.) осуществить коренную перестройку форм и методов деятельности в политико-воспитательной и организаторской работе среди художников, всемерно способствовать укреплению связей изобразительного искусства с практикой социалистического строительства, усилению его роли в развитии культуры области, обогащении духовного мира людей, эстетическим совершенствовании жизненной среды.

Всю работу строить на демократических началах, принципах гласности, критики и самокритики, ответственного отношения к своему делу, укрепления связи с общественностью, развивая творческую и общественную активность каждого члена Союза.

В практической работе последовательно руководствоваться постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 августа 1986 г. «О мерах по дальнейшему развитию изобразительного искусства и повышению его роли в коммунистическом воспитании трудящихся».

Поставить надежный заслон проникновению в наше искусство «массовой культуры», серости, мещанской пошлости. Хранить и развивать традиции высокого

реалистического мастерства. Расширять тематический диапазон изобразительного искусства, его публицистическую направленность, социальную значимость. Совершенствовать практику организации и показа выставок, систему общественных заказов и договоров на создание значительных произведений изобразительного искусства.

Рекомендовать каждому члену Союза художников СССР регулярно встречаться в трудовых и учебных коллективах, всеми формами и средствами пропагандировать изобразительное искусство, активно участвовать в оформлении учреждений социально-культурного назначения, населенных пунктов, скверов и парков.

В течение 1989-1990 годов провести во всех городах и районных центрах передвижные художественные выставки, на ведущих предприятиях, в крупных колхозах, совхозах организовать картинные галереи.

Осуществить конкретные мероприятия по организации шефской помощи сельским детским художественным школам и студиям.

Активно влиять на расширение ассортимента и художественный уровень товаров изобразительного искусства, изготавливаемых на местных предприятиях. Использовать в этом возможности керамических заводов, Тулунского стекольного завода. Поручить Тулунскому ГК КПСС оказать в этом необходимое содействие иркутской организации художников.

Бережно и внимательно относиться к творческой молодежи, способствовать ее творческой деятельности и активному участию в культурной жизни. Одаренных из них направлять в художественные вузы и творческую аспирантуру. Активно влиять на состояние учебно-воспитательной работы среди учащихся иркутского училища искусств.

Принять меры по развитию художественной критики, повышению ее социальной действенности и роли в пропаганде изобразительного искусства. Способствовать развитию и пропаганде самодетельного художественного творчества, национального искусства коренных жителей области, народных промыслов.

Настойчиво улучшать культурно-бытовые и материальные условия жизни членов Союза художников

СССР, превратить в 1989 г. Дом художника и магазин-салон в активные центры духовной жизни и пропаганды изобразительного искусства.

Поручить коммунистам-руководителям облисполкома (тт. Ножиков Ю.А., Игнатов В.В.), управления культуры облисполкома (т. Китаев В.А.), Иркутского горисполкома (т. Шкуропат Ю.А.) до 1 января 1989 г. рассмотреть вопросы укрепления материально-технической базы Иркутского отделения Союза художников РСФСР и творческо-производственного комбината Художественного фонда РСФСР, разработки плана монументальной пропаганды, улучшения жилищно-бытовых условий членов Союза художников СССР, создания в г. Иркутске на базе училища искусств филиала Московского Строгановского Высшего художественного промышленного училища.

Идеологическому отделу обкома КПСС, Иркутскому горкому, Куйбышевскому райкому, горкомам, райкомам КПСС всемерно содействовать работе партийной организации и правления Иркутского отделения Союза художников РСФСР, развитию изобразительного искусства, его связи с жизнью; поддерживать в творческой среде художников обстановку высокой профессиональной взыскательности, ответственности и общественной активности, непримиримости к проявлениям безыдейности и отступлениям от принципов реализма.

В целях совершенствования наглядной агитации и развития политического плаката регулярно, начиная с 1989 г., совместно с Иркутским отделением художников проводить городские, районные, областные выставки наглядной агитации и политического плаката.

Обратить внимание партийных комитетов, руководителей коллективов на необходимость активного использования возможностей иркутских художников в эстетическом воспитании трудящихся, создании картинных галерей и художественных выставок, заключения договоров на создание портретов передовиков, оформление производственной и общественно-культурной среды.

Восточно-Сибирскому книжному издательству (т. Бурькин Ю.И.) расширить издание массовым тиражом альбомов, книг, буклетов, каталогов о творчестве иркутских художников.

4. Редакциям газет «Восточно-Сибирская правда», «Советская молодежь», комитету по телевидению и радиовещанию облисполкома систематически освещать жизнь и деятельность иркутских художников, активно пропагандировать изобразительное искусство, творчество иркутских мастеров живописи, графики, монументально-декоративного искусства.

5. Контроль за выполнением данного постановления возложить на идеологический отдел обкома КПСС (т. Хафизов Р.З.).

Секретарь Иркутского
обкома КПСС

В. Спири В. Спири

69

Сундучок Крохобора: Тамара Панасюк

Ее роман с Иркутском начинался издалека. Красавица из «нахаловки» в ангарском Майске после школы не попала в студию при иркутском драмтеатре. Но тут же ее подхватил Яков Фролов, режиссер Черемховского театра. Труппа в маленьком городском театре была к началу 60-х сильной: в ней работали настоящие артисты из невыездных - таких же, как ее мать и отец, на двоих отсидевших 17 лет; как вся ее репрессированная семья с Западной Украины.

Играла сказки, сыграла Сашку в «Барабанщице»; спектакль про строителей Братской ГЭС показали по иркутскому ТВ, за фотогеничную девушку ухватились: «Вот она!». В отпуске после первого театрального сезона она живет в Иркутске, ее обучает на теледиктора легендарный Лев Перминов. «Где моя Лоллобриджида?» - потерял ее Фролов.

Отпуск кончился - молча ушла с ТВ - в ТЮЗ. Сразу куча ролей, и сказки. А в «Заводских ребятах» герой - Витя Егунов: он и вводил ее в спектакль. Бросил семью, бросил театр, уехал в Улан-Удэ, оттуда письма: «Уехал из-за тебя».

И она - села и уехала в Улан-Удэ. Они станут мужем и женой, родят Наташу, станут звездной семьей, он - народный, она - заслуженная, лидеры иркутской драматической труппы. Но это потом, пока - Улан-Удэ, ввод в две «шикарные» роли - какая-то венгерская стерва и героиня в «Острове Афродиты», антифашистском греческом шлягере.

Но - Вите не понравилось в Улан-Удэ (а ей-то все равно: все - большая ссылка). Он: «Поехали на биржу!» И с московской актерской биржи - в первый же день - в Могилев. Театр - копия наш, иркутский, только два яруса, бывшая ставка Николая II. У нее - много ролей, мгновенно - такая звезда, что не расскажешь. Обсуждение «Проводов белых ночей» В.Пановой замминистра белорусской культуры начал с ее Нины. Таких влюбленных слов - от начальства! - она еще не слышала.

Гастроли на потерянной в детстве родине, в Западной Украине: «Панасюк! Наша! И гарна же дивчина!» Завалили цветами и - приглашение в столичный театр, в Минск.

Но в отпуск поехали в Иркутск: ссыльные родители еще здесь, в «нахаловке».

Егунов ее обманул: втихаря написал и в драму, и в ТЮЗ, что возвращается в Иркутск. А Минск?! Но Егунову ничего не надо: любит Иркутск до потери сознания, Иркутск для него - все.

Ее в Иркутске удержало театральное училище: будет работать и будет учиться.

Сначала Эверт Корсаков, главреж ТЮЗа: много ролей для Егунова. А она слушает и думает: «Будешь зайчиков играть всю жизнь». - «Я за дверью подожду». Егунов выскочил вслед - глазами сверкает, в первый раз на нее наорал: «Ты что?!» - «Я - в Минск». Он: «Ладно, пошли в драму, к директору».

Царство тебе небесное, голубчик Осип Александрович. Волину сказали, что она без образования, а он: «Ее одеть, поставить на сцену - пусть стоит, на нее будет ходить зритель, у нее манок есть». И взял; и в училище экзамены сдавала по ролям в театре.

Стали жить в легендарном Коммерческом подворье - общежитии театра. Вот где были ее университеты, ее иркутские Учители, вот где она открыла для себя Иркутск и влюбилась в него навсегда.

Петя, Петр Иванович Реутский влюбил ее в свои стихи, многие остались с нею навсегда. В свой день рождения Петя привел в Подворье Вампилова с Пакуловым: молодые, распушили хвосты, состязание в остроумии. А Витя молчит-молчит, а потом подытожит - и уж его не переюморишь.

Пришлась ко двору просвещенной компании: «своя баба - Кармен». Они стали приходить, с ними - Гена Машкин, Юра Самсонов, Алик Стуков с гитарой. Патриоты Иркутска, люди потрясающе образованные, «Иркутск» у них - через слово, «Байкал», «Ангара»; патриоты еще и каждый - своей улицы. Читали книги свои, Саша Вампилов читал «Прощание в июне». Она поначалу не поверила, что это - тоже его: ходит, поет, но это - это ведь Чехов! В «Прощании» - вещи, о которых не задумывалась. Золотуев: «Человеку надо дать столько, чтоб не смог отказаться». Остальное - рассказанная история - есть и у других; а вот это - «не взял! и жизнь пропала!» - откуда это у него? Ого, какой парень! Я-то ведь все и всех видела в ссылке - а он откуда знает: не потому «не жил», что отсидел, а потому, что - не верит. Верил бы - все было бы по-другому. Они - вся компания с Подворья - стали «родичами» навсегда.

С Вампиловым (и, конечно, с режиссером Симановским) - репетировала Наташу Макаарскую в «Старшем сыне». Она - первая Макаарская в сценической истории пьесы. Откуда Макаарская? - оттуда же, откуда и я, - сослана сюда с матерью. Теперь одна, секретарь в суде. Ее никто не знает - как меня, которая для всего Иркутска - балованное дитя, вся в любви и ласке. Ее Макаарская сначала была в супермини, белом парике. Вампилов отобрал у нее высокие щегольские сапожки Макаарской: «Не знаю, каким драматургом прослыву, а вором - точно». Последний разговор с Вампиловым - после утреннего спектакля (ну, кому утром интересны мои сложности с героиней?). Он пришел за кулисы: «Тамара, хорошо». - «Ты ведь об этом не писал». - «Откуда ты знаешь, о чем я писал...».

Когда молчун Валя Распутин прочитал свои рассказы у них в Подворье - она сразу поняла: «Ну, тут, конечно, Саше делать нечего со своими рассказами». В «Касатке» по А.Толстому у актрисы (впервые призналась) внутренний ритм и походка - распутинские: ее героиня, как он и его герои, все кого-то спасает, кого-то подкармливает.

Марк Сергеев со стихами, с книгами о декабристах, с пьесой «Записки княгини Волконской» (Панасюк играла у него Полину Гебль).

С поэтом Славой Филипповым подружился после его газетного разгрома «Грозы» Григория Жезмера, где она - первая в стране - играла Марфу Игнатьевну (не-«Кабаниху»!) - молодой и красивой, со своей женской и материнской правдой. Слава вступился за Добролюбова, за «луч света в темном царстве». Она его потом убедила... но спектакль мгновенно закрыли. С незабываемой «Грозой» она переходит к режиссерам своей судьбы. Говорит о Жезмере неожиданное - как об очень закрытом и безумно хорошем, добром человеке. Кто придумал молодую «Кабаниху»? Что придумал Жезмер - большой секрет. Но назначение молодой красавицы на роль - уже решение! Своих «Аристократов» по Н.Погодину Жезмер посвятил репрессированным. Она в своей «зечке»-героине играла свою маму: о ней, сам того не зная, говорил ей режиссер: «Представь: талантливый, умный человек, которому на время надо подчиниться, перемолчать - для будущего, чтобы выжить. Но иногда, когда не вмоготу - взрывается!» Так она «впрыгнула в характер». Несколько сезонов билеты на «Аристократов» спрашивали от памятника Ленину.

Нельзя было достать билеты и на «Звезды на утреннем небе» Эдуарда Бутенко по А.Галину. Там ее Анна была невероятно разной, притягательной, трогательной и грубой, когда надо, но никогда не злой. «Злинки» выбрасывать в зал - не дело актера: она всегда оправдывает своих героинь. Виталий Соломин видел ее Анну - пришел за кулисы в слезах.

Она удивительно точно, сама как режиссер, видит особенности почерка любимых режиссеров - Александра Шатрина, Изяслава Борисова, Вячеслава Кокорина, Сергея Болдырева, Артура Офенгейма; хотела бы сыграть у Геннадия Шапошникова, которого ценит высоко.

С хорошим режиссером - а она считает, что ей везет с ними - обрастаешь биографией героев, и уже ни о чем не думаешь, загруженная на репетиции; и по улице идешь, ничего и никого не видя, как сумасшедшая. «Мальчики испортили мне жизнь - и Борисов, и Кокорин, и Болдырев, и Офенгейм». Она у них сыграла Раневскую и Гурмыжскую, Нелли в «Круглом столе под абажуром»

В.Арро, Аманду в «Стеклянном зверинце» Т.Уильямса; в «Бульварном романе» Ю.Эддиса.

В последнем она почти 100 спектаклей партнерствовала с Виталием Венгером (сейчас они готовятся к съемке фильма-спектакля «Бульварный роман»). С ним работается «в одно касание». И юмора - море, когда это не мешает партнеру. В давнем спектакле про дипломатов они вдвоем готовили бумаги «на подпись послам». Он подает ей «дипзаписку»: «Я тебя в кустах малины встретил, на траве прохладной положил, как-то так случилось, не заметил, - я с тобой немножечко пожил». И подпись: «Виталий Есенин». Тут ей пришлось извиниться, отвернуться и покашлять, справляясь со смехом.

Егунов в «Обыкновенной истории» по И.Гончарову был Адуевым-младшим, а она - Тофаевой, его возлюбленной. В сцене «обольщения» он все говорил про «отечество» и «долг», а она просила его остаться и - шепотом: «Витя, ну погладь меня по попе». Он не сопротивлялся: гладит и - про «отечество» и «долг». Зал валится из кресел. Сам Витя умел такой фортель выдать на сцене! Об этом легенды ходят.

Изумительный, гениальный, блистательный партнер - Валера Алексеев - Сильва в «Старшем сыне». Великолепен Юра Ицков (теперь оба - народные артисты, один в Омске, другой в Питере). Толя Басин: «Я молчу - он понимает, про что я молчу». Таня Кутихина в «Лесе» - блестящий партнер. «Я думаю: хорошая девочка, но как мне ее отодвинуть от моего юного возлюбленного? - Приручить! Приласкать! Зову ее к себе - и на колени к себе посадила! А она - приняла! Растаяла, пожалела, простила тетку-соперницу. И вот из партнерства рождается новая краска в роли; а Кокорин из зала кричит: «Я знаю, что дальше буду на вас ставить!»

Пока она искала пьесу для бенефиса, как нельзя кстати выбрал для нее «незаигранного» Островского Шапошников: «Правда - хорошо, а счастье лучше» (постановка А.Ищенко). Ее Мавра Тарасовна - хозяйка купеческого дома - перекликается с Марфой Игнатьевной Кабановой: к обеим она прислушивается, не доверяясь ни театральной традиции, ни молве изнутри пьесы.

А в пьесе Мозма она - Китти Чэмпин.

Когда-то ушла с другом мужа, кажется, попортила ему (другу) карьеру (не стал премьером). Теперь, через много

лет, как-то все разладилось вокруг. Может, и нет на свете той любви, ради которой можно забыть всякий расчет? Полюбила, пожертвовала всем - и что получила? Никто не прощает настоящей любви. Талант любви - вот про что она хочет играть. И рядом - отчаянная молодость, которая, может быть, рискнет вслед за нею бросить все и вспрыгнуть на опасный круг любви. Панасюк сама ее выбрала, свою Китти: «Многие хотели мир перестроить - а надо думать, кто у нашего гроба плакать будет. Я всю жизнь играла про любовь; хочу и в бенефис - про любовь».

Захарян Сергей

Страстной бульвар, 10. №1-131, 2010 г.

Формула счастья Тамары Панасюк

И всё-таки у заслуженной артистки РФ Тамары Панасюк способ мышления парадоксальный. Нет, в логике ей не откажешь, поступки вытекают из того мироощущения, с каким проживала каждый день своего непростого бытия. Влиять на неё бесполезно, ничьё мнение не заставит её делать то, что не соответствует её пониманию миропорядка. В двенадцать лет девочку ни с одной из сверстниц сравнивать было нельзя: они – дети, она же отмечена клеймом дочери врага народа. Какой мог выработаться характер у ребёнка, когда её папа после немецкого плена оказался в лагерях Магадана? Разве она могла быть наивной, если на её глазах арестовали маму, которая только и успела прошептать детям: «Бегите в лес...»?

– Начало моей актёрской жизни, – говорит актриса, – строилось только на везении. Я поступала в студию при драматическом театре, там меня и заметил главный режиссёр черемховского театра Яков Фролов, пригласил на работу. Он говорил: «Пойми, здесь на тридцать студентов один педагог, я с тобой буду заниматься индивидуально». Предложение сразу стать артисткой было лестным. Отработав два года, в Иркутске пробовала стать диктором телевидения, но быстро поняла: не моё это дело. И снова везение. В Иркутске я никого не знала, наугад пришла к директору театра юного зрителя Николаю Лысенко, который витиевато переспросил: «Вы хотите

предложить нам себя в качестве актрисы?». Я растерялась, поначалу даже не поняла смысл вопроса. Тут в кабинет вошла инспектор управления культуры Ая Зиновьевна Левикова, которая видела меня в спектаклях черемховского театра, она-то и повлияла на мою судьбу.

В театре юного зрителя вышла замуж за Виктора Егунова, который блистал тогда в роли Олега Кошевого. Летом поехали на биржу в Москву, устроились работать в Могилёвский театр Белоруссии.

– **Наверное, в этом месте надо остановиться, вспомнить момент биографии, который мог бы повернуть судьбу.**

– В Могилёвском театре я блистала, обо мне писали в газетах, поступило предложение на работу в Минский русский драматический театр. К сожалению, места для Егунова не было, надо было ждать. Мы приехали в отпуск в Иркутск, устроились в драматический театр и с той поры своей профессиональной судьбы не меняли. Причём директор Осип Александрович Волин предложил мне параллельно с работой учиться в театральном училище.

– **Тамара Ивановна, вспомните, пожалуйста, ощущения абсолютного счастья и несчастья в своей жизни.**

– Счастье – когда родилась дочь. Наверное, каждая женщина переживает это чувство, но у меня оно было острым, пронзительным, поднимающим на вершины облаков. Несчастье – сиротство, ощущение которого было постоянным, депрессия на всю жизнь. Из многочисленных детей нашей семьи в живых осталась я одна, папы и мамы, по сути, не знала. Рождение дочери означало для меня обретение настоящей семьи. Наташа подарила мне четырёх внуков, двух из которых воспитываю я. Мне часто говорят: ты устаёшь, выглядишь не так, как могла бы. Я соглашаюсь: «Да, устаю, но к этому я стремилась, я хотела, чтобы у меня была большая семья. Дети сколько отнимают, столько и дают, они делают меня счастливой».

– **В юности в основном вы играли героинь, которых оставляют мужчины. Они были идеальны, как говорится, без страха и упрёка. Как вы думаете, почему драматурги в стране, где «не было секса», в своих пьесах создавали подобные образы и чем они были интересны?**

– Ничем. Пресные, книжные девушки, с которыми хорошо говорить о звёздах и больше ни о чём. Они растворялись в мужчинах, пытались стать их частью, понять и простить

всё, что те делали. Помните «Таню» Арбузова – эта героиня стала интересна только тогда, когда её бросил муж. Таня начала учиться, стала хорошим врачом; только проявив характер, она смогла состояться как личность. Ни одна из моих героинь этих человеческих качеств не проявляла, они были просто хорошенькими куклами, как им казалось, способными любить, но, увы, не сумевшими быть любимыми. Хорошо бы сегодня показать одну из подобных героинь гламурным барышням, которые, следя за собой и занимаясь только этим, норовят поскорее выйти замуж.

– Когда произошёл поворотный момент в характерах ваших героинь?

– В спектакле «От щедрости сердца», поставленном по пьесе иркутского драматурга Беллы Левандовской, заболела исполнительница главной роли. Актёр и заведующий труппой князь Юренев (по происхождению и манерам, с которыми держался) посоветовал ввести меня, уверяя всех, что актриса не раскрыта. Мне так надоело играть жертв любви, так захотелось быть на сцене настоящей женщиной, что всю не израсходованную ранее энергию я вложила в образ этой героини. Спектакль играли на выезде, в Иркутск вернулись в приподнятом настроении, только и говорили обо мне. С этого момента я стала актрисой на роли настоящих героинь.

– В каких случаях вы испытываете чувство полного удовлетворения собой?

– Когда по окончании спектакля стоишь на сцене, видишь улыбающиеся лица зрителей, слышишь аплодисменты. Пусть мои героини не идеальны, совершали множество ошибок, но они искренне страдали и были полны веры. У режиссёра Вячеслава Кокорина в «Лесе» Александра Николаевича Островского я играла Гурмыжскую – взрослую даму, влюбившуюся в семнадцатилетнего парня. Представляете состояние, в котором даже самой себе трудно признаться? Мне не стыдно за Раневскую в «Вишнёвом саде», сыгранную в спектакле Сергея Болдырева, за работу в антрепризных спектаклях «Сори» и «Бульварный роман». Этот период творчества могу назвать счастливейшим. С большой благодарностью я вспоминаю всех режиссёров, которые работали со мной, следили за профессиональным ростом, верили в меня. Актёры – люди без профессии, без режиссуры они никто, и только с

режиссёром их работа может состояться. Низкий поклон Александру Шатрину, Александру Терентьеву, Григорию Жезмеру, Сергею Болдыреву, Вячеславу Кокорину, Артуру Офенгейму, да простят меня те, о ком забыла упомянуть.

– **Тамара Ивановна, в 1991 году вы стояли в рядах защитников Белого дома. Как это могло случиться?**

– Случилось. С дочкой Наташей в Москве мы были в гостях у нашего друга, театрального критика Константина Березина. Остались ночевать, рано утром раздался телефонный звонок. Костя ответил, ему что-то говорили, он молчал. Положил трубку, произнёс: «В Москве переворот». Из чувства врождённого любопытства я начала собираться, хотелось посмотреть, как происходит процесс свержения законной власти. У Белого дома вместе с москвичами простояла всю ночь. Было холодно, страшно и весело одновременно. Резали бутерброды, передавая их по рядам... Помогали из автобуса выносить бутылки с зажигательной смесью... Грелись у костров, разожжённых из ящиков...

Если бы у меня спросили, что я хочу доказать своим поступком, не задумываясь, ответила бы: «Я отстаивала право русского народа на свободу!».

– **Тамара Ивановна, не только у меня, у многих зрителей вызывает настоящее потрясение ваш образ старухи в спектакле «Олеся» по Куприну. Кажется, вы знаете секреты заговоров, обладаете умением чувствовать и понимать параллельные миры. Так ли это?**

– Я могу остановить зубную боль, знаю заговор на смерть. Если первую свою способность частенько проявляю, то второй не воспользуюсь никогда. Женщина, передавшая мне секрет заговора, хвастливо рассказывала, как хоронили её обидчика, тело которого деформировалось, не вмещалось ни в один гроб. Это грех, за который вечно гореть в аду. В пылу гнева или злого умысла люди часто совершают непоправимое.

Предназначение человека – творить добро. Раньше я гадала на картах, уступая просьбам подруг, сегодня делать этого не могу – не потому, что разучилась, просто не стоит загадывать судьбу, она будет такой, какой будет. Некие магические знания у меня от бабушки-мадьярки, которая умела заговаривать многие болезни, лечила травами и

молитвами. Чтобы практиковать, надо посвятить этому жизнь, быть безгрешной.

Я – грешная, как всякий земной человек. Могу только радоваться видениям, которые приходят наяву. В спектакле «Вишнёвый сад», когда Раневская узнаёт, что усадьба продана, я долго стояла на авансцене, беззвучно плакала. Слезы были настоящими, застилала глаза, именно в этой сцене часто видела, как откуда-то с яруса начинает плыть огромный букет синих роз с зелёными листьями – это был привет из другого мира.

– **Чего вы больше всего боитесь в жизни?**

– Никогда не скажу. Произнесу вслух – и притяну к себе то, чего боюсь. Всё на земле подчиняется закону всемирного тяготения, в том числе и слово. Мысли тоже подчиняются этому закону, поэтому они материальны: как мыслишь, так и живёшь.

– **Когда придёт время и вы предстанете перед Богом, что скажете ему?**

– Обязательно попрошу за детей, чтобы были здоровы и по возможности счастливы. «Господи, – скажу, – я готова исполнить любую волю твою».

Светлана Жартун

Восточно-Сибирская правда 25.5.2010

70

Голос из хора: Олег Базильский

Спустя много лет после учёбы, Жора рассказывал мне, что, отработав полевой сезон в поисковой партии в горах Киргизии, на высоте 3 тысячи метров, и износив за сезон три пары кирзачей, он вознамерился ехать в Москву и поступать в «Щуку» - в знаменитое театральное училище, на режиссёрский факультет.

При конкурсе 800 человек на 25 вакантных мест Гаврилов определился в студенты!

Потом мы долго не виделись. Я бродил в экспедициях. Жорка жил в Иркутске. Встретились в «Коммерческом подворье», в его комнатке, где всегда была уйма народу, весь иркутский художественный «бомонд». Здесь я, бродяга, и познакомился с артистом Юрием Марковичем

Красиком, с художником Юрием Николаевичем Квасовым, с прозаиком Станиславом Китайским, с поэтом Смирновым, которому журналистка Любовь Сухаревская позже придумала псевдоним: Скиф (Смирнов-Который-Изменил-Фамилию)... Саня Вампилов! О нём – особо...

После «Щуки» дипломированный режиссёр Гаврилов трудно находил в Иркутске работу по специальности. Областное и городское начальство по культуре шарахалось от Жоры, потому что на него «глаз положила» кагэбэшная охранка за неординарное и свободололюбивое поведение. Весельчак и акын антисоветских анекдотов, он, как раздражитель, всегда вызывал повышенный интерес у идеологических надзирателей.

Если Жора с компанией оказывался в ресторане (а любимым у нас был ресторан гостиницы «Сибирь»), то все официантки собирались у нашего стола. Это означало, что Жора выдаёт новый анекдот с перчиком. И мне кажется, что многое он самолично сочинял, на ходу, на злобу дня.

А поиски денежных средств к существованию и подработки однажды завели Гаврилова даже в такое зловещее место, как тюрьма (в народе – «Белый лебедь»). Там он читал малолетним преступникам лекции по истории искусства. Пацаны всегда с нетерпением ждали урока своего нового учителя. Жора как-то раскрыл секрет их интереса: на уроках он знакомил учеников с творчеством Ренуара и других изобразителей женских антропометрических добродетелей. Смотрели пацаны на иллюстрации, затаив дыхание. У пацанов замирало сердце. Стояла тишина. Да и как ей не стоять, когда на школьной доске прикреплена «Обнажённая маха»?..

В 37 лет (примерно в 1974 году) Гаврилов решил завязать с употреблением алкоголя. Для поправки здоровья он определился на лечение в факультетскую клинику. И вот однажды я и наш общий друг Гена Суханов (в то время – главный конструктор завода Тяжмаша имени Куйбышева) навестили Жору в его скорбном приюте. Оказалось, не таким уж скорбным он был на самом деле. В одной палате с Жорой лежал драматический актёр из Читы. Но когда мы вынули из штанов бутылку армянского коньяка, Жора пошёл в решительный отказ. Зато читинский артист не отказался, составил нам подходящую компанию. Конечно, он и о своей тяжкой доле рассказывал. Например, о том, как стыдно и жалко ему было бить нагайкой красавицу

Элину Быстрицкую на съёмках кинофильма «Тихий Дон», в котором читинец играл роль Степана, мужа Аксиньи, а Элина Быстрицкая – Аксинью. При этом артист даже как-то оправдывался смущённо: она сама меня просила, мол, бей шибче, Алексей, не жалея, мы же настоящие артисты, а не какие-нибудь... Короче говоря, перед съёмкой эпизода, в котором Степан возвращается домой со словами: «Ну, расскажи, жена, как мужнину честь берегла...» - артист и артистка договорились, какой рукой он ей врежет по лицу и в какую сторону она при этом должна отклониться. Но Быстрицкая перепутала и отклонилась совсем наоборот. И получила в глаз по полной программе. А кулачище у актёра Алексея Благовестова – дай бог каждому! Потому и снималась дальше Элина с настоящим фингалом, без никакого грима... После «Тихого Дона» Алексей вернулся в Читу, на прежнее место работы, в драмтеатр.

71

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

20 февраля 2011

...напрасно Вы, уважаемый Гав, пеняете на свою нефотогеничность. И лицо как таковое здесь совершенно ни при чём! Вот, к примеру, тот же Остроумов, упоминаемый не только Вами, но и другими. На фотографиях-то у него физиономия вполне-вполне, я бы сказал, фотогигиеническая. Но это касается только лица. "А студню нет!" - как говорил один знакомый вам синьор из города Рима. Лицо есть. А личность?

Нынешний год - год празднования 350-летия Иркутска. Официальный Иркутск весь в поту! Бюджетные денежки распиливают все кому ни лень, а кому лень – те тоже распиливают. В том числе – и разная полиграфическая продукция намечена в немерянном количестве: книги, альбомы... Наряды и парады, фанфары и слащавый патриотизм! Так вот, в пику всем этим лакокрасочным изделиям («Наш ответ Чемберлену!») пусть и будет Ваша книжка (возможно, первая книжечка из издательского проекта "Альтернативная История"= АИСТ).

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

21 февраля 2011

Дорогой Виталий Алексеевич! Никак не могу отделаться от мысли, что куда как правильнее было бы, если бы такая книжка была не под моей фамилией, а под рубрикой "иркутяне-шестидесятники об Иркутске и иркутянах". Или что-то в этом роде. Белоколодов, Гольдберг, Венгер, Олег Харитонов, Жемчужников, Саша Муравьев, Базильский, Гурулёв... Они столько могли бы понарасказывать замечательных эпизодов из того, теперь уже довольно далёкого, но такого прекрасного далека! И название книжке: "Однажды мы жили - 2". И эпитафия: "...но если, как учили, линии горизонта на самом деле не существует, то, значит, событиям нет ни начала, ни конца, просто они переходят друг в друга, текут одной рекой, таким млечным путём с кисельными берегами..." ("Августейший сезон", стр. 1192).

Относительно интервью. Договорились с Андреем Новашовым. Только вот он сейчас шибко занят, а потом его отправляют в какую-то длительную командировку. Встретимся с ним после 8 марта. Поработаем.

Вот какая тема (мне кажется весьма симпатичная) всплыла. Год не помню. Где-то в конце шестидесятых, или в начале семидесятых (Белоколодов имеет по этому эпизоду жизни и лучшую память, и кучу фотографий) состоялась по инициативе журналёров "Молодёжки" серия футбольных матчей на центральном стадионе "Труд". "Молодёжка" против студии телевидения (два матча) и один - против студентов университета. Даже форму спортивную где-то раздобыли. И народец на трибунах образовался в количестве приличном. На поле - процентов 75 бородатых, но молодых (с трибун по этому поводу масса веселых криков-комментариев). В первом матче первый тайм на воротах играл Белоколодов, во втором - я. Продули игру телевизионщикам с треском. Во второй игре ворота защищать доверили мне. Кажется, вторую игру мы выиграли. Виталий Белоколодов, наверняка, помнит об этих играх, пожалуй, побогаче. И о первой и о второй игре в "Молодежке" были опубликованы весело-ироничные отчёты Саши Вампилова. Об этих отчётах Вампилова

никто не помнит. Найти бы эти газеты с Вампиловскими публикациями где-то в архивах! Думаю, В. Н. сможет это сделать...

73

Сундучок Крохобора

В октябре 1963 года в газете «Советская молодёжь» в рубрике «Футбол» появились три «материальчика».

Первый: «Большой футбол». В Москве в Лужниках сборная СССР обыграла сборную Италии со счётом 2:0.

Второй: «Меньше». В финальной игре на кубок газеты «Советская молодёжь» встретились юношеские команды «Шахтёр» (Черемхово) и «Ангара-II» (Иркутск). Выиграла «Ангара» со счётом 2:0.

И, наконец, третья информация, уже по объёму большая, но с названием «Ещё меньше».

Имеет смысл привести эту заметку полностью.

В это же воскресенье на стадионе «Труд» состоялся матч: «Советская молодёжь» - факультет журналистики госуниверситета. Мы не припомним встреч подобного рода, считаем это начинание полезным и намерены сделать спортивные встречи между творческими коллективами города традиционными.

Необходимо упомянуть, что матч должен был состояться между «Советской молодёжью» и творческими работниками студии телевидения. Противники договорились заранее, телеоператоры шептались на углу Карла Маркса и Ленина о стратегии и тактике; встречаясь с журналистами, грозилась выиграть у них с баскетбольным счётом – перчатка была брошена, вызов принят, и вот... Студия явилась на стадион в единственном лице (Ю.Четин из киногруппы).

Что же помешало явиться на стадион остальным? Насколько мы понимаем в телевидении, явиться им помешали, мы подозреваем, антиспортивные мероприятия. Струсили, смалодушничали, подвели.

Против нас выступила срочно сколоченная команда студентов-журналистов. Ребятам набрали прямо с футбольных площадок – румяных и резвых.

Видит бог – мы не футболисты...

Тактику мы выбрали, прямо надо сказать, - оборонительную, играли вежливо, корректно, вратаря противника, надо сознаться, мы не утомили.

Студенты носились по полю, как молодые олени, ни одного из них невозможно было догнать. Они налетали дружно, легко распасовывали и, что хуже всего, били по воротам. Мы сменили несколько вратарей, Яшина среди них не оказалось. Во втором тайме мы предприняли несколько атак, наши нападающие топтали штрафную площадку противника. Наш левый крайний поэт Анатолий Преловский даже побывал на чужой вратарской площадке. Студенты неистовствовали. Создаётся впечатление, что университет битком набит футболистами. По крайней мере, эти, наши нештатные корреспонденты, никогда ещё не были так активны.

Счёт матча... что и говорить – мы не футболисты.

НО У ТЕЛЕВИДЕНИЯ МЫ БЫ ВЫИГРАЛИ...

С РАЗГРОМНЫМ СЧЁТОМ!

Команда «Матрица»

Через неделю, в воскресенье 20 октября «Матрица» всё же сразилась с телевизионщиками. И «Советская молодёжь» в номере от 23 октября ликует в той же футбольной рубрике. Заметка озаглавлена: «Как задумали, так и сделали».

Это уже не может быть сенсацией. Команда «Матрица» (редакция «Советская молодёжь») обещала выиграть у футболистов студии телевидения (команда «Микрофон»). Обещали – выполнили.

Выиграть «Матрице» помогли: 1) обещание выиграть; 2) солидная физическая подготовка; 3) филигранная техника; 4) воля к победе; 5) игроки команды «Микрофон».

«Буря и натиск» так мы характеризовали бы игру нападения «Матрицы».

Как известно, Яшин вылетел в Англию, чтобы играть за сборную мира. По этой простой причине в воротах «Матрицы» стоял Жора Гаврилов, который и не пропустил ни одного мяча.

Нападающий «Микрофона» в первом тайме предприняли несколько утомительных попыток обыграть защиту противника. Во втором тайме они бросили это бесполезное

занятие и так увлеклись защитой, что до конца матча ни одному из них так больше и не приходила в голову эта бредовая идея – забить гол в ворота «Матрицы».

Во втором тайме игроки команды «Микрофон» впали в меланхолию: то ли их оставила воля к победе, то ли у них отнялись ноги. «Что уж тут... - говорили они, гуляя по полю, - корову мы проигрываем, что ли? Или – телевизионную вышку?..»

Финальный свисток судьбы Льва Петровича Перминова зафиксировал баснословный счёт, с которым «Матрица» выиграла у «Микрофона».

-Кто следующий? – спрашивает «Матрица». – Может быть, «Восточно-Сибирская правда»? Пожалуйста. Вы получите всё, что вам в этом случае полагается. Штук семь.

(Подписи в обеих заметках отсутствуют. Но шила в мешке не утаишь! Всё тайное и анонимное становится явным! Так вот: обе «информушки» написал Саша Вампилов, о чём лично говорил мне, «легендарному вратарю» Жоре Гаврилову. О чём я и свидетельствую – адресуясь в первую очередь к литературоведам, изучающим по крохам творческое наследие Александра Вампилова. Насколько мне известно, ни в одном из вампиловских изданий эти заметки не опубликованы.

Каждая пустяковая записочка-почеркушка знаменитого человека оценивается исследователями его жизни и творчества на вес золота!

А давайте представим: лет этак через сто кто-нибудь в папке своего домашнего архива вдруг обнаружит мятую-перемятую бумажку с текстом следующего содержания: «Старик! Трубы горят, срочно одолжи трёшку до полочки»...И когда выяснится доподлинно, что эта бумажка написана рукой человека, ставшего к тому времени признанным гением, то засядут (и надолго засядут) за её благоговейное изучение научные мужи и сразу же начнут решать проблему с дотошного выяснения: кто такой старик? как его звать-величать, может быть, - тоже непризнанный гений? и что это за трубы такие, которые горят? и что такое трёшка и полочка?..)

74

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

21 февраля 2011 г. (окончание)

...Вот ещё факт. Жил и работал в Иркутске замечательный график Юра Круглов. Пригласили его с персональной выставкой в Америку. Юра стал готовить свои работы - под стекло, рамки там всякие. И вдруг власти решили, что представлять Юрину выставку в Америку поедет директор Дома Художников (фамилию не помню, но, кажется – Мироненко Витя, ещё тот мудака). Распаковал Юра свой багаж со словами: "Пуцдай едет". Саша Муравьев мог бы этот случай расшифровать подробнее. Кстати или некстати, Юре принадлежит такой стишок: "Во даю! Во даю! / В КГБ работаю." Это он изложил в ту кагебешную эпоху.

Думаю, Миша Развозжаев мог бы рассказать свою презабавную историю, связанную с КГБ, как он собирался удрать в Америку морем, строя на Байкале яхту. Опять же, бдительный Серёжа Тарасов тому помешал.

И ещё вот какая тема. Не про меня, нет. А про то, как в Иркутске всё переплеталось. Будучи ещё школьником-выпускником играл в баскетбол за ангарский "Нефтяник", студентом-геологом выступал в соревнованиях по фехтованию за мединститут, а потом ещё и за "Динамо". На парашютных соревнованиях прыгал, правда, за свой родной геолого-разведочный техникум... Вот так мы жили. ОДНАЖДЫ.

К "Богам" случилось обратиться пока всего один раз. Сначала - каникулы, потом - грипп подкосил большую часть курса, потом слёг я. Но постепенно, кажется, всё налаживается.

75

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

6 марта 2011

Виталий Алексеевич! Вот Вы пишете мне:

Пишите книгу. Свою, единственную, первую и последнюю. Размышления о жизни, театре, судьбе... Да мало ли чего ещё в душе прожившего и повидавшего свет человека!

Вот эта Ваша последняя посылка (о жизни, театре, судьбе...), Виталий Алексеевич, загнала меня в какой-то тупик. Приятно поразмышлять, когда есть какая-то альтернатива (да-да, нет-нет). А её нет. Всё, с чем мы сталкиваемся, в жизни, в работе, в искусстве, - есть данность, кем-то и чем-то зафиксированная и изменению или возражению не подлежащая. Мы, как кадры киноплёнки, уже кем-то и когда-то снятой в четырёхмерном, а может быть, и в пятимерном варианте. И кто его знает, когда и кто вырежет твой кадр из этого бесконечно многосерийного кинофарса. Мы чего-то там дёргаемся, шумим, гарцуем, машем руками... "А заче-е-ем?" - как часто повторял мой друг, аристократ, умница, режиссёр Тимофей Андреевич Бессчастнов. Правда, а зачем? Приведу пример. Вот данность: Приглашается в наш прокопьевский театр на разовую постановку режиссер. С одобрения директора берёт в работу "СОВРЕМЕННУЮ ДРАМУ" с названием "Экспонаты". А поскольку это "Современная Драма", мат-перемат в ней обязателен. В количестве весьма обильном. Помните шутку из советских времен: "Чем отличается мат от диамата? Мат все знают, но стараются обходиться без него; диамат никто не знает, но все его разговаривают". И на афише к этому спектаклю торчит жирненький текст: "Ненормативная лексика". Заманиха такая! В спектакль этот забирают студентов-первокурсников (едва прошедших первый семестр), ещё толком слово произнести на сцене не умеют, дают им главные роли (клянусь, не вру). Мало этого. Спектакль ставится не на сцене, а в цехе, где срабатываются декорации. И эти понты и маразмы выдаются за открытие новых горизонтов в искусстве. Спектакль везётся на фестиваль театров малых городов в Пермь, получает диплом I степени и выдвигается на "Золотую маску". Теперь он в номинации! А мои знакомые, интеллигентные люди, любящие вообще театр, и побывавшие на этом спектакле, с широко раскрытыми глазами говорят мне: "Я в этот театр больше ни ногой". Но это не всё. Директриса берет этого "режиссёра" в театр ГЛАВНЮКОМ, который объявляет "ГОД СОВРЕМЕННОЙ ДРАМЫ". Концепция у него такая.

Концепция развивается таким образом. Главнюк за полгода появился в театре два раза. Оба раза по неделе.

Живя в Москве, зарплату получает регулярно. В начале этого театрального сезона присылает на разовую постановку мальчишечку с актерским образованием. Тот ставит "современную драму" с названием "Парикмахерша". И опять мат-перемат! и опять новое решение: 150 зрителей усаживают на сцене, носом к носу с исполнителями. На премьере, в финале спектакля директриса, взявшая на себя роль клаки и затерявшись среди публики выкрикивает: "Здорово! Молодцы!". А пьеса - говно, и сама постановка - такая же. А актёры (рабы) молчат, только в кулуарах плюются и матерятся.

После каникулярных детских сказок к новой постановке приступил еще один дружок главнюка (его по-прежнему в театре нет). И опять мат-перемат. И опять раздвиг горизонтов театральных возможностей: теперь зритель будет сидеть на сцене, а спектакль играть в зале. Такие у нас КОНЦЕПЦИИ!

Ну, и о чём и как тут размышлять-рассуждать? Единственный человек в театре, Анатолий Спиридонович Коротницкий, артист, трижды (по разу на каждый из упомянутых постановок) категорически отказался участвовать в этих пошлостях. И не участвует. Один на весь творческий коллектив! Дирекция его демарш проглотила, и "выводы" сделать собздела. Рад, что этот человек является одним из немногих моих друзей. Сам я давно перестал что-нибудь и кому-нибудь доказывать или просто спорить. Чем дальше в лес, тем больше зазеркалья.

Был такой случай в середине 60-х годов. Сборный отряд из геологов нескольких партий в совместном, можно сказать, маршруте пытались прийти к консенсусу по некоторым вопросам стратиграфии. Был в этом отряде и я, самый молодой из семерых. А самым старшим (под 60) был Титов (к сожалению не помню его И. О.), мощный геолог и чертовски интересный человек, большой любитель театра. Его хорошо должна помнить Людмила Яковлевна Шамес, приятельница Веры Михайловны Дунаевой. Остальные в нашей компании - сорокалетние мастодонты, прекрасные геологи-саянщики. Так вот. Дождливый день, маршрут отменяется. Сидим в большой общей палатке. Я - в углу со своей пикетажкой. А между моими дорогими коллегами - сверхгорячий спор. Тему не помню. Пятеро на одного Титова. Эмоции через край. Лица у всех, как печёные

яблоки. А я из своего угла с удовольствием наблюдаю за этой дискуссией. И вдруг вижу: у Титова разглаживается лицо, появляется на нём какая-то ехидная улыбочка. Я это вижу, а товарищи мои ещё не замечают, что с Титовым что-то произошло. И вдруг он им заявляет: "А Пушкин им и говорит, а пошли вы все на хуй". И лёг, повернувшись ко всем жопой. И ВСЁ! И нет вопроса! и нет проблемы! Наверное, именно с того случая я перестал спорить и ДОКАЗЫВАТЬ что-либо и кому-либо. В крайнем случае могу поделиться своим мнением, своим знанием, своим видением. "Ты не согласен? Хрен с тобой!" Когда-то, когда я увлёкся геральдикой, было желание составить свой фамильный герб. Лень было этим заняться, идея эта постепенно завяла и сдохла. Но точно, девиз в гербе был бы такой: "А Пушкин им и говорит, а пошли бы вы..."

Всё, что я тут вам выплакал, это все к вопросу о размышлениях-рассуждениях. В заключение - анекдотец. "В комнате прапорщик и бутылка, подвешенная к потолку. Прапорщик прыгает, стараясь её достать. Не может. Внутренний голос говорит ему: ты, дорогой, сядь, подумай. Сел, посидел сколько-то. И придумал: а хули сидеть, когда прыгать надо!"

Думаю, а может и прыгать не надо. Лично я за свою житуху достаточно напрыгался. Мой бывший начальник экспедиции, Юрий Мячеславович, коллекционировал заявления рабочих о приёме на работу, об увольнении... Одно заявление из его коллекции: "Прошу уволить, так как меня здесь не устраивает житуха." И ещё. "Прошу принять меня на работу, т. к. я соизволил приехать". Ну, и чего тут ещё размышлять? Данность. Зафиксировал факт, и будя. Поздравляю Вас, Виталий Алексеевич, с приходом долгожданной весны! Хорошего весеннего настроения!

76

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

7 марта 2011

...Да уж, весна...Ждал её, ждал, как благодетельницу, позабыв о том, что вместе с ней приходят и неизбежные рецидивы: известные учреждения, белые палаты, белые халаты.

В учреждении мне, конечно же, помогли. Сказать что-то особенное о нём нечего. Из женского персонала интерес вызывают только те, чьи лица скрыты марлевой полумаской, оставляющей открытыми лишь глаза; на лицах хирургических сестёр этот эффект паранджи особенно впечатляющ - особенно при погружении в наркотическое бессознание. Аналог - речевой информатор, называемый лётчиками женским именем "Рита": в нештатных (аварийных) ситуациях включается он, озвучивая инструкцию по выходу из критического положения - прелестным завораживающим магическим гипнотизирующим колдовским-таки женским голосом. Лётчики "Риту" не любят. Потому что прелестная "Рита" всегда связана с предпосылкой катастрофы... А ещё вот что: хотел избежать слова "больница", заменив его "учреждением". И что? Хрен редьки не слаще. Даже хуже. В учреждении засела его коренная родная основа: "очередь". Вот и выстраивается ряд удручающий: больница - очередь - учреждение - государство...О нём, родимом, и пойдёт речь в следующем письме, которое будет ответом на вопрос: что я вижу в будущем учреждения по имени "Россия"? Вот только приведу в порядок делишки и войду в привычный режим.

(Пишу письмо в два присеста)

Переделав кучу разных дел и делишек, вернулся к Вашему последнему письму, потому что даже во время лечебной занятости думал о том, как бы мне покороче, без всяких "художеств" и избыточной нео-публицистики (или даже так: не-опублицистики) ответить на один из Ваших вопросов, на котором, в сущности, весь АС подвешен, словно на крючке весов (без Фемиды).

Но вначале позвольте присоединиться к концовке Вашего письма и разделить со всеми, даже с незнакомыми мне Вашими прокопьевскими друзьями, хорошее настроение и радость жизни, которую государственная власть, как ни старается, так и не может истребить как иноземное, чуждое нам излишество и даже роскошь.

А внутренне свободные граждане - вон чего удумали, как в кинe! "Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!" - сказал, точно пароль выдал, ещё живой Янковский, уходя в небо, вверх по лестнице, вымечтанной ещё живым Гоголем в пограничном бреде и выписанной ещё живым Гориним дерзкими буквами на смиренной бумаге, и та бумага всё

более бледнела, бледнела - с каждым явленным словом сценариста...Помилуйте, так ведь эти слова как раз и подпадают под статью об экстремизме, скреплённую подписью нынешнего российского президента!

А вот и притча. Тиран "закручивает гайки" в стране и между закрутками интересуется: как, мол, ведёт себя народишко подданный? - "Стонет",- отвечает свита. После чего тиран вновь гайки подкручивает, а свита регулярно докладывает: плачет народишко, горюет, отчаивается, стонет, бедствует, слезьми обливается, негодует, а некоторые молчат, и это опасно...Но тиран гнёт своё дальше. И вот однажды ему доложили о том, что народ...улыбается, а некоторые даже смеются?! "Стоп! - вскричал тиран. - Вот теперь уже действительно опасно!"...Этот тиран был умным тираном. Он, как и АС, тоже наверняка понимает, что улыбка подданного - это немножко оскал.

Таково любое УЧРЕЖДЕНИЕ, а российское - чем паче, тем круче. Российское учреждение - это вам не какой-нибудь заштатный гореисполком и уж тем более - не медучреждение, больно говоря, не больница, где любое сердце, которому не хочется упокоя, уже, мягко выражаясь, неактуально и тук-тукает в административном режиме.

Учреждение любят. Учреждение любят патриоты. Эти профессиональные любовники всю свою сознательную и (чаще) бессознательную жизнь любили учреждение (стоя в очереди! поочерёдно! ну, не нравы ли публичного заведения?), и любят, любят, любят, с часовым перерывом на обед и даже во время оно. (Куда мне до них, до любовников-профи! Я всего-навсего служил родине четверть века, круглосуточно и всепогодно, как это и поныне делают бессловесные истребители-перехватчики ПВО)...И вот, возвращаясь к теме, вижу я такую свитую троицу, в гордиев узел свитую троицу на шестой части планетной суши: империя = метрополия (мегаполис) + провинция (колонии): наглядное пособие для современных школьников по истории древнего мира. Только этим школьникам нынче вряд ли кто из учительниц скажет, что у этого российского учреждения давно уже нет лица - только затылок: тупой, багровый, мясистый, весь в складочках, похожий на колено...Я не хочу просвещать учительниц. Я хочу сказать своему внуку Тимуру, который

ещё не пошёл в школу: "Мальчик, послушай фразу навыворот! Она - не штаны, не рубашка и не ботинки, она - всего лишь слова, но слова имеют свойство тоже расти...Запомни, мальчик: по своему положению в человечестве русский народ не хуже и не лучше любого другого; иное дело - судьба, а уж это, мальчик, такое божеское учреждение, что его, как и счастье, каждый второй понимает по-своему; "урод" по-польски означает красавец, а по-русски этот польский красавец - ругательство хуже некуда, но посередке - застенчивая родина, единая, общая, большая и всепрощающая как мама, мамма на всех языках, доступных даже младенцу..."

Собственно, в чём вопрос с этим учреждением? А вопрос в том, что история вопроса не в истории, а в его географии, точнее - в географии по имперским выкройкам, по цезаристским лекалам, по кесареву сечению - кнутом да пряником. Взглянем на карту мира. Там Россия - медвежья шкура, разлагающаяся вдоль параллелей на десяток часовых поясов. Такой географии нет ни у одной страны мира.

Поэт Дима Быков написал статью, в которой выводит некоторые прогнозы из литературных тенденций нового времени (кстати, я сомневаюсь, что Быков солидарен с авторами анализируемых романов, потому что Быков умней и тоньше "знаковых" романистов, которые видят чудесное спасение России в "здоровом национализме"). Моё личное мнение озвучил (с моего позволения!) один из персонажей АС: в XXI веке на территории РФ должна сложиться новая география, которая исключит регулярное переписывание как старой, так и новой истории России, потому что должны возникнуть и возникнут новые цивилизации, новейшие истории которых начнутся с чистого листа (может быть, даже по предвидениям Шпенглера, предвещавшего в "Закате Европы" смену цивилизаций (культур) в начале третьего тысячелетия и, в первую очередь, начало ранней истории русско-сибирской культуры как новой, девятой по счёту, которая сменит нынешнюю (западно-европейскую, "фаустовскую") и предыдущие, каждой из которых Шпенглер отводил на существование примерно тысячу лет)...

Вообще-то, наши патриоты долгое время ликовали, обнаружив "закат Европы": вот же! ага! даже этот ихний Шпенглер вынужден был возвестить рождение великой

советской социалистической России, могущество которой будет Сибирью прирастать, о чём говорил ещё наш народный выродок Ломоносов, так что пушай ихний Шпенглер не выёживается...А после краха российского социалистическо-коммунистического эксперимента уже либералы заухмылялись: никакого социализма, господа! пузырь лопнул!..Но,кажется, рано списывать в утиль Шпенглера, кабинетного пророка с лицом Муссолини...

(Отступление о лицах-ликах человеческих. Однажды раскладывал я на письменном столе портреты российских императоров, и один из них, Николай Второй, лёг так, что оказался почти закрыт другими портретами, оставалась открытой лишь часть лица: глаза, лоб с мыском причёски, верхняя часть нос). И вдруг я увидел: на меня, сквозь узкую горизонтальную щель в заборе смотрел Дмитрий Анатольевич Медведев, у него были глаза последнего царя, а в глазах была императорская обречённость...Второе отступление: забор - не паранджа, за забором всё-таки можно укрыться, но под паранджой мужчина вряд ли спрячется, глаза выдадут.)

Возвращаюсь, извините, к своей тягомотине. Сибирь, значит, строительная площадка новой культуры? А почему бы и нет? История свидетельствует: империи рушились, и имперские полномочия переходили к колониям, как в случае с Византией. Но Сибирь - увы, не Византия, советская империя не облагодетельствовала Сибирь, образно говоря, ни водопроводом, ни дорогами, ни храмами с новейшими архитектурными выкрутасами: то, что позволял себе Рим в отношениях с колониями, не позволяла Москва по отношению к провинции. Но! Сибирь уже прикоснулась к новейшим технологиям, а те в свою очередь жёстко требуют специалистов - уже не прикомандированных варягов, а местных кадров, из населения вышедших, а население, хоть и с трудом, но покуда ещё воспроизводится, да не просто так, а с "потенциалом неиспорченности" ...Так и просится вывод: этот потенциал (девственность наполовину) плюс инновации = вот вам и база, ясли рождения новой культуры! Да богу бы в уши такое...Процесс сложнее. Процесс противен самой природе имперской, которая не потерпит ни колониальных авиакомпаний, ни...ничего, а уж тем более - формирования новой интеллигенции, управленцев, общественных движений и политических

партий, ярких пассионарных лидеров, в первую очередь - либералов и демократов, отличных от традиционно российских. А что было в традиции? Российский либерализм будто бы родился с пенсне на носу и изначально, вместо пелёнок, был обряжен в кафедральный сюртук. А по мне - так надо бы - рыцарские латы! Да со шпагою наголо! Вот попробуй в таком случае обвини субъекта в гнильце и мягкотелости. Дудки! А свобода стоит того, чтобы не кастрюльками по асфальту звенеть, но - сталью закала клинкового.

Значит, пора?

Значит, пора.

Мало того, что этим "пора" я вволюшку попедалировал в своей книжке, и письменно, и даже устно, мало того! - так я ещё и весь роман тем ветхозаветным словом заминировал. Так: в романе 4 драмы, каждая заканчивается "Одой", последнее слово в "Оде" - церковнославянское название буквы, и читателю остаётся лишь последовательно сложить эти буквы в слово, которое по недавнему медведевскому закону можно расценивать как экстремистский призыв. Выпендрёж? Отчасти. Автор всё поле романа нашпиговал минами-ловушками, не скажу какими. Наверное, хулиганство. А как ещё достучаться до "любителей кроссвордов"? До клипоносцев, загнанных в пространство между громкоголосой яростью и презрительным молчанием? Дело-то ведь простенькое, чуть ли не комедийно-фарсовое: король умер, да здравствует роль короля, которую будет играть в истории сам народ.

Разболтался я. Извините.

Остаюсь с почтением и прочее... Диксон.

77

Голос из хора: Олег Базильский

В конце июля 1955 года я приехал в Иркутск поступать на юридический факультет ИГУ им. Жданова. Сдал документы в приёмную комиссию и пошёл устраиваться с жильём. В общежитии женщина-комендант в это время разговаривала с другим абитуриентом, бурятом по внешности. На мой вопрос об устройстве она ответила, что

осталось свободным только одно койко-место, вот вы и делите его между собой, кому достанется... И кивнула на собеседника. А тот сходу среагировал: мы оба худые, давайте два одеяла, а койка пусть будет одна, поместимся... Так мы и познакомились. Я – из Нижнеудинска, Саня Вампилов – из Кутулика.

В общежитии на улице 5-й Армии, бывшей церкви, где Колчак венчался, на втором этаже находилась комната на 20 коек. Мы с Саней заняли вторую справа от входной двери у стенки – железную кровать, с панцирной сеткой.

А вечером пошли знакомиться с городом. За кинотеатром «Гигант» обнаружили студенческий ресторанчик (позже там была пельменная). Каково же было моё удивление, когда за крайним столиком я услышал знакомый голос. Это был мой нижнеудинский приятель Володя Павлов по кличке Гамыра, на год раньше меня он закончил нашу школу №9 и уже был студентом-второкурсником Горного института. Мы с Саней подсели к нему, пили вино и пиво, весело трепались и даже представить в то время не могли, что сидим в компании с будущим драматургом, что я, Базильский, и Гамыра будем увековечены в вампиловских пьесах, а сам Саня в 1972 году трагически закончит свой земной путь.

За полмесяца совместного проживания в общежитии мы сдружились. Вампилов был беспредельно общительным парнем, своим, с удивительным чувством юмора, честным и принципиальным человеком.

Питались мы в железнодорожной столовке. Но однажды нас занесло в точку общепита под трибунами стадиона «Труд». Пообедали. Идём вразвалочку, Пат и Паташон (Саня мне едва до плеча доставал) по улице 5 Армии, в общежитии. И тут нас настигает милиционерский лейтенант и требует вернуться в столовую для разбирательства. Вернулись. Лейтенант подводит нас к буфетной стойке и спрашивает буфетчицу: «Эти?» Та отрицает: нет, не эти, хотя те двое, которые не заплатили за обед, тоже были в клетчатых рубашках, как эти, и тоже были один длинный, а другой короткий, как эти... Лейтенант развёл руками: ошибочка вышла, ступайте назад, молодые люди. Но Саня набылся: если ошибочка, так вы извинитесь публично. Лейтенант вскинулся: ещё чего! из-за вас настоящих воров упустил! Но Саня аж побелел: требую извинения. Пришлось милиционеру извиняться при полном зале

кормящегося в обеденный перерыв народа. Извинился полголоса. Не привык к таким стечениям обстоятельств. К сожалению, я не прошёл по конкурсу в университет и подался в геолого-разведочный техникум. Саня поступил на филфак... Осенью судьба вновь нас свела. Я жил на квартире в Глазково на 2-й Железнодорожной, а Саня рядом, в двухстах метрах от меня, на улице Касьянова, снимая жилплощадь во флигеле вместе с братом Михаилом. Гостевали друг у друга постоянно. Я играл на аккордеоне, Саня на гитаре на бис исполнял любимое «Ехали цыгане...» И сколько же анекдотических баек он нам понарасказывал в то время! Странно, но это были байки в основном на театральные темы. Может потому театральные, что Саня представлял свои анекдоты в лицах. Вот один эпизод. В Кугулике, где Саня учился в школе, гастролировал какой-то театр. Ставили «Отелло». Мавр душит Дездемону. Дездемона уже бездыханна. Гробовая тишина в зале. И вдруг из зрительских рядов раздалось печально-печально, протяжно-протяжно: «Пиизздеец...» (В моей рукописной версии – «П...ц») ...Тишина сменилась громовыми раскатами смеха. Громче всех хохотала актриса...

(Надо бы чуток отступить от главной темы и вот что добавить относительно пикантного словечка. Недавно иркутский писатель Виталий Диксон, прочитав вышеприведённый текст, сказал как всегда ехидно: «Целомудренный вы наш, Олег Андреевич! Вот вы словечко на свет божий вытащили. Сначала букву П написали, потом многоточия автоматной очередью, а в конце, понятно, Ц. Что за конспирология, сударь? Мы что тут все – шпионы-любители типа Анки-пулёмётчицы-Чапман? Давайте уж по-простому, по-народному.» - «Давайте!» - отвечаю. - А как?» - «А вот так, - говорит Диксон. - Берём нашу родную букву **Ц**, переворачиваем её вверх тормашками и получаем весьма прелестную конфигурацию **П**. Вот это и есть новая буква русского алфавита: «пиздец» - альфа и омега российской действительности. Знак. Символ. Не хуже аз-буки-веди-глаголь-добро и прочих ижиц. Если эту новую букву удвоить, то получим целых два... - то есть будущее России при нашем «удвоенном ВВП». И ещё одно «если»: если Карамзин дал характеристику своего времени одним

словом «Воруют!»), то мы можем своё время даже одной этой буквой выразить. И пусть кто-то скажет нам: мат! матерщина! А мы ему дружно ответим: нет, ошибаетесь, господин-товарищ! сие суть чистая материя! а мы всё же какие-никакие, но всё-таки диалектические материалисты по-Марксу-Энгельсу-Ленину-Сталину, чему нас почти целый век учила и учит штопаная-перештопаная российская жизнь...» Так сказал Диксон. Перебить его, конечно, можно, но остановить нельзя. Как и Саню Вампилова.)

Впоследствии мы с Вампиловым встречались всё реже и реже. Последняя встреча случайна: на улице Карла Маркса Саня с друзьями-литераторами отмечал вступление в Союз писателей. В середине октября 1972 года, вернувшись с полевых работ, я узнал о его гибели.

P.S. Надо бы всё же сказать Диксону, что у меня имеется и другой, не менее новаторский, вариант многозначительной буквы: **ПЦ**

78

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

19 марта 2011

Здравствуйте, дорогой Виталий Алексеевич! Давно не сиделся за компьютер, давно не связывался с Вами. Вдруг откуда-то навалилось какое-то безразличие ко всему, в сердце - раздрай, в душе - пустошь. Весна с её авитаминозом тому виной, что ли? Ничего не хочется, ничто не интересно. Сесть спокойно, поразмышлять... Так нет же, и мозги скукоженные. И на работе никакого энтузиазма. Так, отрабатываю свои часы и свою зарплату. А тут ещё ушёл Глебушка Пакулов. Пятьдесят лет самой тёплой дружбы. Тяжело пережил это. Первое, что пришло в голову, когда Боря Гольдберг позвонил мне, - стихи Володи Березина, студента-медика, написанные где-то в начале шестидесятых годов. Никогда не вспоминал их, а тут они в голове зазвучали сразу.

КОГДА УМИРАЮТ ЛЮДИ...

*Очень рано люди умирают,
слишком рано, в этом-то и горе.
Гаснут над погибшими мирами*

*навсегда потерянные зори.
никнет ветер, высыхают росы,
глохнет день, становится беззвучным.
Умирают люди и уносят
много очень нужного живущим.
Вместе с ними умирают песни,
песни, не успевшие сложиться!
Гибнет столько замыслов великих!
Немы недописанные книги,
звуки недоигранных прелюдий.
Слишком рано умирают люди.*

И Глеб был чудесным поэтом. Я очень любил его стихи, и при поступлении в "Щуку" читал отрывок из его поэмы "Царь-пушка". При этом Борис Евгеньевич Захава дал мне очень много времени для этого моего исполнения. Конечно, не потому, что я хорошо читал. Скорее потому, что на вступительных такой материал встретился ему и сидящим с ним рядом педагогам впервые. Хорошо они слушали! (1966 г.) А два года назад один из моих бывших учеников-воспитанников при поступлении в "Щуку" на режиссёрский факультет с моей подачи опять-таки читал "Царь-пушку". И поступил.

Сейчас со студентами затеваю литературную композицию "Русь бунтарская", в которую, конечно же, вошла и эта поэма Глеба. Только вот пока активно взяться за работу не хватает тонуса. Надеюсь, что это своё упадничество сумею с Божиею помощью сломать и победить.

Вот два Глебушкиных стиха, простеньких, но ужасно милых.

*Где у камня три дороги
Разбежались в стороны,
Придержал устало ноги
Мужиченка вздорный.*

*Потрудясь, прочел скрижали,
Поцарапал в темени:
Ну, теперя я едва ли
Попаду в деревню.*

*Вправо – плохо, влево – худо,
Посередке – лихо...
Покурю-ка я покуда,*

Поразмыслию тихо.

*И прикинув понемножку,
Рассмеялся: - Эва!
Надо праву взять дорожку,
А пойти налево!*

*Головой отягощенной
Он тряхнул упрямо,
И пошел, попер крещеный
Как обычно прямо!*

*Лежу на мягком сеновале
Без дум. Их нет. И никаких!
Лучи сквозь крышу косо пали
В солому возле ног моих.*

*Как никого сейчас не надо,
Пусть не зовут хлебать уху.
Такая на душе отрада:
Такой я весь, как на духу.*

*А может свистнуть принародно?
И в даль под дождичком косым
Пойти босым, куда угодно,
Во искупление, босым?!*

*Встаю. Рубаха распояской!
Гляжу из лаза на стога...
К ним след колес по грязи вязкой
И чья-то узкая стопа.*

*Ах, недруг мой, родной, старинный,
Ты снова упредил таки...
Свищу мотив, пустой и длинный...
И надеваю сапоги.*

Надеюсь, что днями приведу себя в порядок. Мне бы в руки следующий том "Августейшего сезона", и всплыли бы новые старые воспоминания. Ну, а пока... "Лежу на мягком сеновале. Без дум. Их нет. И никаких!"

Держитесь! Скоро лето! Привет от нашего взвода парашУтистов. Ваш Гав.

79

Голос из хора: Борис Гольдберг

Сегодня на фасаде «Коммерческого подворья» - название казённой бюрократической конторы... Смотрю я на эту вывеску – и с грустью думаю о том, что никогда уже не распахнутся двери бывшего театрального общежития и из них не вывалится на улицу оживлённая группа молодых друзей-товарищей, провожаемая легендарным хозяином номера 43 неизменным напутствием: «Майли хоп!» И многие уже не ответят ему сегодня ответным приветствием по-киргизски: «Хоп майли!»

80

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

9 мая 2011 г.

С Праздником, Виталий Алексеевич, с самым хорошим нашим Праздником! Спокойствия, когда необходимо, и беспокойствия, когда нужно! Счастья и удачи!

Настроение мало-помалу уравнивается. Сказал сам себе: "А Пушкин им и говорит: "А пошли вы все...". Думаю, а чего "сучить ногам" (так любил говорить один из иркутских приятелей)? И полегчало. И злоба дня исчезла.

Студенты в среду опять с театром уезжают в Питер на какой-то фестиваль. На десять дней. Опять безделье целую декаду. Ну, и хрэн с имен! Вернутся студенты двадцатого, а там до сессии остается 10 дней. О каком учебном процессе может быть спич? Благо, весенний экзамен не предусмотрен, а зачёт я им нарисую.

Если денег нацарапаем для поездки на Ольхон, подчистим "Богов" в каникулярные дни. Впрочем, как бы дело ни обернулось, в Иркутске буду. Очень хочется встретиться.

В свободную от всех забот десятидневку займусь вторичным изучением "Сезонов". Возможно, сложится инсценировка типа (не люблю это слово) "Драмкружок жэковского подвала" или "Записки врача Желтого Дома". Одним словом, такая вот идея в башке созрела. Надо

подумать-поработать. Массу образов прошлого всколыхнуло чтение романа: какими мы были, какими стали...А уж про то, что роман – настоящая кормушка для поэтов, где им клевать-не переклевать жемчужные зёрнышки, я и не говорю. Так ведь и растащат вас по своим стишкам!

Ещё раз с Праздником! Ваш ГК.

81

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

28 мая 2011 г.

...А стишки-то скорей романов попадают в самое «яблочко»! А уж куда оно покатится, яблочко, это вопрос...Но всё же пусть катится хоть куда-нибудь! Пусть катится, с бочка на бочок перекачивается и выпекает при этом своим яблочным, кисло-сладким значит, голосом: как славно дышать одним воздухом с яблоней! А ещё и вкусно называть стишок стишком, а не поэтическим произведением, после чего бродская самоирония немедленно преобразуется в олимпийское достояние, а уверенное самодовольство прочих куняев сечёт самого себя собственным языком.

Да ещё этот проклятый вопрос на злобу дня и столетий... Избегаю ЦИОМской методики, потому как цифры, проценты, факты и прочее "что, где, когда?" есть уже знание, а мне дороже ощущения, которые тоже могут обманывать, но уж не так бесстыдно, как статистика.

Вы правы: реальность препаскуднейшая. Чтобы держать в узде неосталинистскую модель государства, нынешняя власть уже использует победоносцевскую трёххвостую плеть в модернистском варианте: авторитаризм, клерикализм, национализм - как основу сплочения нации в перманентном мобилизационном режиме. Но нации-то уже нет. Есть население. И есть полицейская диктатура, опирающаяся на демонстративное православие и русский фашизм, и всё это, вкупе и по отдельности, уже вызывает эффект бумеранга. Уже идут локальные войны. Уже льётся кровь. Уже сами по себе рушатся железобетонные гиганты. Уже созрели бунты не только по-русски. Смена власти уже ничего не решит. Инерция циклопического тела уже

исключила торможение и корректировку курса. Россия обречена на распад, и в этом - единственное спасение русской культуры. "Что-то человеческое" воспоследует только после исчезновения фантомов (АС-то об этом!), потому что человеку обыкновенному в мире призраков жить невозможно (а вот об этом, возможно, будет новая книга, историко-публицистический комментарий к АС: "Синоптикос, дважды река: Книга отражений").

Если помните, есть в романе одна (среди многих) линия пунктирчиком: Свифт-Гулливер-Оруэлл. Пунктирчик - путь пульки трассирующей, не всем, увы, знакомой, но для всех знаковой. В подтексте известное: Оруэлл в рецензии на роман Замятина "Мы" оппонировал позиции Замятина +Хаксли; чем оппонировал? а своим решительным неприятием такого государственного устройства, в котором власть, отняв у граждан свободу, компенсирует отсутствие свободы относительным покоем и благополучием; по мысли Оруэлла, за несвободой фатально последует террор...И какая же тут новость, граждане? Может, такая, о которой я только что читаю? Цитирую. "...Большая часть населения состоит сплошь из разведчиков (sic!-В.Д.), свидетелей, доносчиков, обвинителей, истцов, очевидцев, присяжных..." - но это уже не новость, а если и новость, то только в том качестве, что Свифту дали место в нынешней газете, которую можно на время отложить в сторонку и обратиться к первоисточнику... "Захваченные письма и бумаги передаются в руки специальных знатоков, больших искусников по части нахождения таинственного значения слов, слогов и букв...Пользуясь методом, заключающимся в перестановке букв подозрительного письма, можно прочитать самые затаённые мысли и узнать самые сокровенные намерения недовольной партии..." - в "целях открытия противоправительственных заговоров"...Скажите мне, что это такое? О чём это? Про недавний (двухлетней давности) приказ Минсвязи о досмотре почтовых отправлений? Нет. Это пишет, вспоминая Свифта, красноярский журналист Алёша Тарасов в "Новой газете" - о событиях в Хакасии во время и после катастрофы на ГЭС, и заголовок статьи со словом "подсознание" как объектом "двадцать пятого кадра"...Вот вам, граждане, коллизия романной Пробирной Каморы, владений человека с перламутровыми глазами Аграфёна Ильича

Басистого, а то, что выше Алёшей закавычено, так то уж опять сам Свифт написал, как в воду глядел, а вода глядела в никуда, не её это дело глядеть, она течёт, а Алёша уже почти год АС читает, и мне нравится его манера расширения чтецкого пространства.

А вот и новый фильм с шахназаровской версией "Палаты №6". Так это же история Архимедика Штукарского!

Нет новостей в этом мире, дорогой Георгий Константинович! Кончились новости. Закручен свиток. Кроме моего Книжного Сада. Стихи же я НЕ ЧИТАЮ. Стихи моего Сада - СКАЗЫВАЮ. И хорошо мне, самому изнутри становится нежно до таких степеней, что хочется порой всё человечество в морду поцеловать, животных-то стихотворцы по-прежнему любят, не правда ли?..

82

Голос из хора: Олег Базильский

...Пётр Великий ткнул пальцем в чухонское болото и выразился: «Здесь будет город заложен назло надменному соседу!»... Сказано, сделано – на косточках человеческих.

Тонкое это дело, градостроительство.

Но в Советском Союзе оно осуществлялось ещё тоньше, по-партийному.

В 1967 году Москва поднатужилась и сочинила директивный проект-план строительства городов на сто тысяч жителей в каждом. Реализация проекта – 10 лет. Страна воодушевилась. Страна запела новые песни: мой адрес не дом и не улица, а я еду за туманом...Первый секретарь Иркутского обкома комсомола Гена Куцев, весьма чутконосый карьерный прохиндей, избрал темой своих диссертационно-философско-социологических изысканий молодые сибирские города и их строителей, ударных комсомольцев-добровольцев.

В Ангарске создали «почтовый ящик 100», засекреченную «сотку» Министерства среднего машиностроения, которым рулил трижды Герой социалистического труда, генерал-полковник Ефим Павлович Славский. Под клеймом «п/я 100» скрывался проектно-изыскательский институт.

И вот меня, молодого да раннего, этот институт отправил в забайкальскую экспедицию начальником партии –

закладывать новый город на юге Читинской области близ границы с Китаем, там, где уголовно осужденные уже давно разрабатывали урановые рудники. Разрабатывали, конечно, строго секретно. Но об этом секрете знала почему-то каждая курица.

И вот я направляюсь – за туманом и за запахом... В пути начал отращивать бороду – для солидности.

Иркутск – Чита – самолёт ЛИ-2, он же американский «Дуглас» - Борзя – станция Забайкальская, бывший Отпор – посёлок Октябрьский... Шесть км от намеченного места будущей стройплощадки. В деревушке Кайластуй – бараки рабочих урановых рудников. Мелкая речонка Урулюнгуй... Сопки.

Завезли бочковую «Анапу» и начали изыскания: геологические, геодезические, топографические, буровые работы... Вдруг неожиданно нагрязнул сам Славский. Вышел из самолёта, поманил меня пальцем и сказал решительно, как император-преобразователь: «Запомни, борода, что в первую очередь необходимо новому советскому сибирскому городу. Три пунктика. Водозабор. Кладбище. Тюрьма или исправительно-трудовая колония. Всё. Остальные парикмахерские со временем наживутся» С тех пор у меня не возникает разведчицких вопросов, с чего именно начинается Родина.

Сейчас на месте наших изысканий стоит город Краснокаменск и многое чего нажилось. В местной ИТК бизнесмен Ходорковский мотает сомнительный срок... А доктор философских наук, профессор Геннадий Филиппович Куцев нынче ректор какого-то университета. Книгу написал «Молодёжь и молодые города» (1977). О том, как строятся молодые города. Как живётся в них первостроителям. Как они учатся, работают, отдыхают, создают семьи. Как пишут трудовую биографию своего славного комсомольско-коммунистического города...

83

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

29 мая 2011 г.

...С участием нашего коллектива на театральном фестивале на Ольхоне, слава Богу, всё утряслось. Спасибо за содействие! Дети готовятся к поездке. Скорее всего, они

и привезут денежку на издание «Записок Крохобора», для типографии.

Надеюсь, что к тому времени по сусекам наскребу нужную сумму.

Кажется, я упоминал, что надеюсь на спонсорство одного моего бывшего ученика, который сейчас занимается поставками шахтного электрооборудования из Китая в Кузбасс и даже далее. И вот какой развесёлый состоялся факт, жутко меня порадовавший. Позавчера (в пятницу) в 7 утра звонит он мне из Новокузнецка и просит срочно ему необходимые для расчётов с таможней 50 тысяч. Бегу в банк к его открытию (9 утра), снимаю со счёта эти крохи (для него, не для меня); на рысях из Новокузнецка прилетает его инженер, передаю ему деньги, и Олег (так зовут моего бывшего ученика, теперь - верного товарища и будущего спонсора) успевает справиться с неожиданно возникшей проблемой. Ну, вот скажите, не парадокс ли это нашей житухи? Человек, который ворочает миллионами, обращается за помощью к какому-то жиденькому пенсионеру, у которого, правда, к пенсии есть ещё мизерная прибавка в виде педагогической зарплаты в 4 с половиной тысячи рублей. Честное слово, ситуация эта, какая-то шиворот-навыворотная, меня весьма порадовала. Во! Парадокс!

А ещё мне вдруг Тарасов на днях вспомнился. Тот самый подонок, который при поступлении на работу в КГБ сделал взнос доносами на меня и на Мишу Развозжаева, с которым они до того были друзьями. Этот мудака получил публичную отменную оплеуху, за что я и имел по приговору народного суда год принудительных работ, а потом по указу через 10 месяцев был амнистирован. Руководство КГБ мною о пощёчине было информировано, но, очевидно, ему нужны тогда были подобные убудки. Мне кажется, что в этой корпорации прямо-таки по штату предусмотрено наличие отъявленных мерзавцев. При этом чекисты с некоторыми понятиями о чести (в том числе и профессиональной), как оказалось, в душе презирают таких «тарасовых», и лишь корпоративный долг обязывает их быть по отношению к мерзавчикам более-менее лояльными: сволочи, конечно, но это наши, семейные сволочи, а не чьи-нибудь, а в семье, увы, не без уродов...

Голос из хора: Михаил Развозжаев

В конце семидесятых годов XX века (подумать только, - в прошлом веке!) мой добрый приятель, иркутский художник Юра Квасов вот что натворил. По какому-то одному ему известному поводу он взял в натурщи двух человек мужского пола, известных распиздяев: меня, с подходящей фамилией Развозжаев, здоровяка, бывшего спецназовца военно-морской разведки, и театрального режиссёра Жору Гаврилова, изящного интеллектуала с мушкетёрскими замашками. Взял, значит, Юра, смешал эту парочку, размешал-перемешал каким-то бурым маслом, разбавил спиртом и ещё чем-то огнеопасным из своих художественных флаконов, потом накинуд на эту гремучую смесь кавказскую бурку – и, в результате, на холсте получился никто иной, как красный партизан Нестор Каландаришвили, вылитый, как говорится, в один стакан, ещё тот анархист... Какой-то Ленинградский музей купил этот портрет за огромную по тем временам сумму в 800 рублей. Квасов из всех своих творческих сил старался сберечь эти деньги, не растратить попусту. Но ничего из этого не получилось. Сначала Юра ушёл в запой, потом и деньги ушли – туда же, вслед за Юрой. Впрочем, я не об этом. Я о том, что Юра, хотел он того или нет, но «изувековечил» (как выражается Диксон) нас с Гавриловым раз и навсегда, причём, до такой степени, что, получив музейный статус, мы с Жорой оказались под государственной охраной как некая культурная ценность. Но товарищество наше начиналось значительно раньше. И я позволю себе вернуться памятью в те же семидесятые, только уже в их начало.

Однажды Иркутск загудел со страшной силой: к нам приехала американская передвижная выставка «Туризм и отдых в США». Очереди на набережной Гагарина выстраивались небывалые. Как к Мавзолею. От Шпиля до спорткомплекса «Динамо», в одном из зданий которого разместилась экспозиция. Гэбэшники порхали в толпе и над толпой, как бабочки. Ещё бы им не порхать! Счастье-то какое им выпало в личной жизни: живого шпиона хоть одним глазком увидеть да себя на деле показать, а то ведь

всё – в кино да в кино...а тут, глядишь, и медалька светит за выявление и пресечение, или даже, страшно подумать, целый орден!

В составе персонала, обслуживавшего выставку, была гид-переводчица Шерил Рейхман, потомственная русская эмигрантка. Познакомились по причине моего увлечения английским языком. Подружились – но это уже по другой причине.

Я в то время учился на вечернем отделении биолого-почвенного факультета ИГУ. Там же учился и Серёжка Тарасов. Комсомольский активист. Наши жёны, моя Ольга и его Таня, дружили, в доме друг у друга бывали.

И вот Тарасов подвалил ко мне: познакомь со своей американской знакомой, а лучше, так и с другими... Да запросто! У нас же всё-таки нет холодной войны, и президент Ричард Никсон вроде бы парень ничего.

Короче говоря, затёрся Тарасов к американцам, и начались у него там с ними какие-то дела-делишки. Я полагал, - в свете разрядки международной напряжённости.

Так оно и оказалось. Только в другом свете. Это уж Шерил меня, дурака, просветила: ващ, говорит, комсомольский Серёжа за бешеные баксы продаёт американцам какие-то ценные гравюры. И показывает одну. Гляжу: да это же листы Бориса Лебединского, только без подписи, художник всегда подписывал свои листы. И тут до меня допёрло: Тарасов одно время подрабатывал у Лебединского в мастерской, печатал гравюры мастера на станке. Вот и наворовал. И в продажу выгодную запустил. Ну, активист!

...Художественный мир Иркутска мне с детства знаком. Мой отец, Степан Михайлович, был довольно известным и авторитетным художником. В доме нашем, с камином, царила соответствующая обстановка. С винопитием, конечно...Как-то раз в Союзе художников состоялось внеочередное собрание с повесткой дня о выполнении очередного постановления правительства по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Художники смиренно сидят, ухмыляются. Председательствующий умоляет коллег по изобразительному искусству выступить и похвалить власть за заботу. Но никто почему-то не хотел хвалить. Может быть, стеснялись. «Ну, хоть ты, Степан Михалыч, скажи чего-нибудь, как самый опытный!»- взвыл председатель. И вышел Степан Михалыч на трибуну, и долго молчал, а

потом сказал: «Горбатого могила исправит...» И ушёл на своё место под бурные и продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Степан Михылыч с детства был горбат, но горб свой не считал существенным недостатком и носил его по жизни с достоинством. Собрание приняло резолюцию: одобряем и поддерживаем. А кого и что – про то написать забыли. Впрочем, нашёлся один, кто хотел напомнить. Но его зашикали. Это был Фатьянов Алексей Дементьевич. Когда-то, в пору молодости, он учился в нашем художественном училище вместе со многими присутствующими на собрании, но из училища его отчислили за профессиональную непригодность, и, как все несостоявшиеся художники, подался Алексей Фатьянов в искусствоведы, стал известным музейщиком. Но бывшим соученикам завидовал... В 60-е годы (после хрущёвских скандалов с художниками) Минкульт СССР дало указание почистить музейные фонды и освободиться от идеологически чуждых произведений искусства. Алексей Дементьевич вытащил из запасников на свет божий работы своих бывших однокурсников, вывез их на грузовике в Пивовариху и спалил на костре. По слухам очевидцев, хорошо горели...

А выставка американская в Иркутске между тем успешно продолжалась. Ребята диссидентствующие оживились. Бойцы невидимого фронта скакали по всему фронту идеологической борьбы. Тут такое дело. Кое-кто из наших диссидентов пытался через посредников передать американцам свои рукописи и документы, касающиеся реального положения в Советском Союзе, в первую очередь, в области соблюдения прав человека. Передавали! Но эти передачи оказывались на столах следователей КГБ. Серёжа Тарасов с американцами задружил по-деловому. Разные импортные тряпки у него в обороте завелись, радиотранзисторы, джинсы, майки, сумочки, значки, шариковые ручки, жвачка... Соблазн всеобщий и великий! Но это называлось фарцовкой, для которой в нашем, самом гуманном в мире, уголовном кодексе имелась своя статья. Неприятно. Всё же Тарасов, комсомольский активист, к светлым целям коммунизма призывал с трибуны. Хотя и иконами интересовался. Может, кругозор расширял? В студенческом театре под режиссёрством Гаврилова какие-то роли играл... Зачем? Личное дело. И ни в чём более пакостном, чем фарцовка, я Тарасова не подозревал.

И вдруг меня вызывают в Управление КГБ. Сидит чин, щёки надутые, глаза злые: «Ты зачем – спрашивает меня бесцеремонно и грубо, - с этими сраными американцами встречаешься? Ты хоть знаешь, в натуре, кто она такая, эта твоя Шерил?» - «Знаю!», - говорю и послал его подальше. Это что же происходит? Меня в стукачи вербуют? Хрен вам! Мне в затылок глядят честные предки, а родословие своё я знаю с 1690 года. Так-то, гражданин начальник!

На следующий день Тарасов ко мне подруливает. «Давай, - говорит, - мы с тобой совместную фирмочку организуем. Будем закупать кое-что забугорное и здесь продавать.» Я отказался: «Некогда мне! Работаю. Учусь. Английский язык усовершенствую. Да ещё яхту на Байкале строю своими собственными руками.» - «Зачем тебе яхта?» - «Надо зачем! А вот ты, Серёга, зачем иконами торгуешь?» Тарасов сделал загадочное лицо и промолчал.

Первомай накатил. Утро красит нежным цветом – и так далее. Стук в дверь часов в шесть утра. «Откройте! Милиция!» Стоят два майора и полковник. «Гражданин Развозжаев?» - «Он самый». – «Михаил Степанович?» - «Так точно» - «Сдайте оружие!» У меня челюсть отвисла. Но вскоре вернулась на прежнее место. Был у меня револьвер «Смит-Вессон» из XIX века, неисправный, но – коллекционный раритет, на стене висит, на гвоздичке, на всеобщем обозрении... «Это, что ли?» - спрашиваю. «Оно самое!» Забрали. Ушли. «Откуда они узнали?» - подумалось мне. Да мало ли кто у меня в доме побывал? Ну, ладно... И где сейчас мой дорогой «Смит-Вессон»? В чьей домашней коллекции обитает?

Вскорости Тарасов снова натывается на меня – с просьбой: наказать какого-то своего обидчика. А ведь знает Тарасов, к кому обращаться! К боксёру-перворазряднику! Но Тарасов также и другое знает: я никогда не дерусь. Мне, получившему подготовку в спецназе, в подразделении боевых пловцов, подводному диверсанту – нельзя! не положено мне размахивать кулаками в банальных уличных драках. Таково правило...Так что, отвали, Серёжа, со своими дешёвыми провокациями!

И вот пришло время, выставка свернулась и уехала домой, в США. И снова меня вытребовало на беседу гэбэшное ведомство на улицу Литвинова. Два следователя сидят. Как в кино: один изображает доброго, другой – злого. Аж смех меня разбирает!

То, сё, как жизнь, как работа-учёба... - а потом этак между прочим: «Яхту-то ещё не достроили? И куда же вы плыть на этой яхте намерены?» - «Да за бугор!» Оживились следователи, глаза заискрились: «И каким же таким интересным маршрутом?» - «Да вот уж таким интересным, что не каждому расскажешь!» - «Да уж вы уж не стесняйтесь, расскажите!» Ну, и начал я плести чекистам такую ахинею, что до сих пор удивляюсь, откуда во мне столько лапши было!..Посерьёзнили следователи, сидят, перемигиваются. «Ладно, - говорят. – Давайте пропуск подпишем. Ступайте домой. На сегодня вы свободны» И добавили многозначительно: «Пока»

Иду домой, размышляю. Хорошо, что не расстреляли...Но что же это за погонное ведомство такое, в котором взрослые мужики сидят день-деньской в своих кабинетах и дурью маются, а служба между тем идёт, и выслуга лет аккуратно накапливается для заслуженного отдыха...А вот если вдруг, не дай бог, случится война, боевые действия? Кто будет Родину защищать? Эти бойцы невидимого фронта? Нет, не они. Я буду Родину защищать и такие же, как я. И мы победим. А эти невидимые бойцы любую победу у нас оттяпают и запишут на свой счёт. История свидетельствует о том. Жизнью и смертью проверено. Других мин нет на русском поле, кроме собственной жандармерии, тайной полиции, секретных канцеляристов, всех этих закулисных кромешников-опричников-особистов...Не про них ли рассказывал Жора Гаврилов самодеятельным актёрам на репетициях «Бориса Годунова»?..

Пришёл домой. В сердцах шархнул в дверь. Она вздрогнула и сорвалась с петель. Упасть не успела. Подхватил. Поддержал. Извинился. Дверь, в конце концов, ни в чём не виновата.

На следующий день меня снова выдернули из жизни в серый дом на улице Литвинова. Положили на стол бумаги. Пять страниц. Листают, цитаты зачитывают...А мне не надо зачитывать! Я сам умею читать, даже текст, вверх ногами перевёрнутый. Да ещё – методом скорочтения. Это – как фотографирование глазом страницы, а потом уж – рассудительное проявление текста, прочтение в уме.

Это была новая игра! Прямо и откровенно не говоря, мне дали понять, что эти бумажки есть не что иное, как докладная записка-рапортчикка Сергея Тарасова своему

куратору из КГБ. И на этот раз следователи сталкивали нас лбами. Возможно, они рассчитывали на то, что я, оправдываясь, буду в свою очередь «мочить» доносчика, в результате чего гэбэшные папочки с досье на того и другого пополнятся чем-нибудь интересеньким. Нет, не стал я ничего наговаривать на Тарасова, хотя кто он такой мне стало совершенно понятно. А относительно себя самого я, как баран, упёрся и стоял на одном: не диссидент я, граждане следователи, а простой советский ёбарь, но где, скажите пожалуйста, написано, что такой род общественной деятельности строго возбраняется!?

Я понял: Тарасов сам висел на крючке кагэбэйки. Словили его, скорей всего, на фарцовке, задокументировали, пригласили на беседу, выложили на стол компромат, а дальше уж пошёл в ход испытанный в таких случаях метод – банальный шантаж: или ты работаешь на нас, или мы передадим документики туда, куда надо, а там, где надо, сразу определят, что в тех документиках – готовое уголовное дело, и закрутится это дело так, что тебе, парень, мало не покажется, а покажется мало – так мы ещё добавим, в народе вот слухи порхают, что ты ещё и иконами спекулируешь, нет?.. Представляю, как съёжился Тарасов: да как же это, как? – А чего ты закакал, парень? У тебя что, нет проблем? – Да вот, кажется, нет... - Да как же это так? Непорядок. У всех есть проблемы, а у тебя нету. Ну, ничего. Мы тебе с этим делом поможем... И как же мог повести себя Тарасов? Да только так, не иначе: дескать, я сам давно хотел служить в органах верой и правдой!.. А что следователи могли сказать? Вполне возможно, что они и сказали, дескать, ой, не надо, особенно про веру и правду, чья бы корова, так сказать, мычала...пиши подписку! я, такой то, фамилия- имя-отчество...кличка для оперативной связи, дата, личная подпись...всё,свободен... пока!

После таких открытий захотелось мне с Тарасовым по душам поговорить. Прихожу к нему домой - жена его Таня «на взводе»: нет Сергея дома, в заразной больнице лечится, туда к нему нельзя... Пошёл я в инфекционную клинику. Вызываю Тарасова на свидание-явку. Передаёт через посредника: занят, процедуры. Передаю ему открытым текстом: ничего, я подожду, через часик снова приду... Трижды в тот день увиливал Тарасов от встречи – так и не вышел. Наверное, правильно сделал. Ведь хоть раз

в жизни мог же я нарушить правила спецназовца и дать по морде осведомителю, сексоту и провокатору? Мог.

...Позже его Татьяна моей Ольге по-бабьи жаловалась: совсем, дескать, оборзел Сергей, скурвился, шляется где попало и с кем попало, и мне люди прямо в лицо рассказывают, что видели его в разных интересных местах с какими-то девками, а он, шпирлиц хлёбанный, передо мной ещё и оправдывается, мол, на ответственном спецзадании был, секрет государственной важности! ну, разве ж не блядство с его стороны? а тут ещё новость: иконами торгует! как дальше с таким христопродавцем жить?..

Подала Таня заявление на развод. Поставила точку и уехала в Москву.

А через некоторое время новый скандал накатило и круг моих товарищей взбудоражил: Гаврилов прямо на улице, при стечении публики, закатил Тарасову пощёчину. Суд состоялся в прокурорском кабинете, других помещений не нашлось. Закрытый суд. Публика, в основном молодёжь, топчется в коридоре. Я в течение всего судебного процесса проторчал у плотно закрытой двери. Но слышимость была замечательная, грех жаловаться.

Так вот, оказывается - обвиняемый гражданин Гаврилов нанёс физическое оскорбление гражданину Тарасову в тот момент, когда гражданин Тарасов находился при исполнении своих служебных обязанностей, и этим противоправным действием, нарушающим общественный порядок, гражданин Гаврилов сорвал спецмероприятие по защите конституционного строя СССР. Во-вторых, в суде Тарасов подробно рассказал, как гражданин Гаврилов, будучи режиссёром студенческого театра Иркутского университета, тенденциозно и предвзято плохо трактовал явление опричнины в хорошей драме А.С.Пушкина «Борис Годунов», и при этом он злобно и умышленно делал двусмысленные и клеветнические намёки на КГБ, оплот Великой Октябрьской социалистической революции. В своей пламенной речи Тарасов подчеркнул, что, возможно, некоторые политически небдительные студенты-актёры в намёках Гаврилова ничего не поняли, пропустили его реплики мимо ушей, однако он, Тарасов, не пропустил, потому что у него, у Тарасова, повышенное политическое чутьё...

Всё! Я умываю руки.

С тех пор прошло много лет. Нынешний Тарасов, завидев меня на улице, быстренько переходит на другую сторону, чтобы не столкнуться лицом к лицу. Да мне и самому противно встречаться – уже не столько с отдельно взятым человеком, сколько с носителем прошлого, которое так безобразно скособочило жизни, судьбы и физиономии многих наших бывших и настоящих товарищей.

85

Стоп-кадр: «Бог из машины», или Праздник из ничего (Из городского фольклора)

Это было ещё до 37-го года от рождества Гаврилова. То есть тогда, когда он ещё употреблял во славу товарищества и всеобщей юности акварельной.

Встречает он как-то раз своих друзей-закадык в хмурости, тоске и душевном беспокойстве. И скромненько так информирует эту общественность:

- Покупочку надо бы обмыть...

- Святое дело! – воскликнули оживившиеся друзья.

Скинулись. Пошли. Купили. Выпили. Вспомнили про покупочку-обновочку.

- Показывай чего, не стесняйся!

Жора долго-долго вышаривал это чего-то из внутреннего кармана пиджачка. И, наконец, достал-таки. Расчёску. Простенькую. Пластмассовенькую.

- Вот оно! – сказал.

- Да у него уже двух зубов нету! – заметили друзья.

- Неужели? – изумился Гаврилов. – Как же это я не заметил?

И стал бурно возмущаться по поводу качества товаров народного потребления.

И все его дружно и принципиально поддержали.

И по такому совпадению мнений они очень огорчились и стали соображать на новую бутылку.

Скинулись. Пошли. Купили. Выпили. И вдруг вспомнили...

Но это была уже другая история.

Георгий Гаврилов – Виталию Диксону

11 мая 2011

...Часто сижу вечерами у телевизора с пультом переключения каналов. Нажимаю на кнопки с надеждою увидеть и услышать что-нибудь или для души, или для ума. Так нет же, кукиш в сумку! Либо ток-шоу на остро стоящие перед обществом темы (как то: проводить или не проводить в Москве гей-парады и можно ли обойтись в "Современной Дrame" без ненормативной лексики), либо интеллигентские дискуссии о строительстве жизни (Всякой. Общественной, политической, семейной...). И то и другое (и третье, и...) объединяет одно: Базар-Вокзал, где все (и три и четыре, а иногда и пять участников) говорят одновременно, стараясь переговорить друг друга; никто никого не слушает и не слышит; а ведущие участвуют в сём равноправно, не заботясь о том, что их задача: всего лишь организация передачи. И не понять, что же происходит и о чём спич. И хочется крикнуть им: А по-очереди, по-очереди нельзя? Все в пиджаках, в белых рубашках, при галстуках - интеллигенты!.. Да будь я на таком вот базаре, обязательно задал бы вопрос этой публике: кого бы они назвали самым интеллигентным персонажем в русской литературе? И сам бы им ответил: самый интеллигентный персонаж - Хаджи-Мурат из повести Льва Николаевича. Помните? В главе допроса Хаджи-Мурата Лорис-Меликовым Толстой даёт такую характеристику своему герою (под рукой нет повести, потому излагаю по памяти): горец Хаджи-Мурат всегда дослушивал партнёра до конца, потом несколько секунд молчал, не скажет ли собеседник ещё чего-нибудь, и только потом начинал говорить сам. Прекрасная характеристика горца, не получившего никакого образования...

Сундучок Крохобора: Сага о «Форсайте»**Тарасов Сергей Николаевич.**

Родился в 1940 г. В Иркутске. Окончил биолого-почвенный факультет Иркутского университета

им. Жданова. По окончании института был призван на службу в КГБ СССР. В 1992 году уволился в запас в звании подполковника КГБ. С 1996 года – советник губернатора Иркутской области по вопросам казачества.

www.whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/62001/region.htm

Тарасов С.Н. – заместитель председателя Иркутского общественного объединения «Городское общественное самоуправление», руководитель консалтингового агентства «Форсайт».

<http://atos38.ru/igoo/association-council/52-tarasov.html>

СКАНДАЛ В КАЗАЧЬИХ СТАНИЦАХ ИРКУТСКА

Бабр.ру 17.02.2002

Войсковое объединение атамана Меринова обвиняет в вооруженном налете на их караульную службу реестровых казаков другого атамана, Тарасова. Вооруженное нападение на караул Иркутского казачьего войскового объединения произошло накануне. По словам караульных, к ним в помещение ворвались вооруженные люди. Они представились реестровыми казаками.

По словам караульных Иркутского казачьего войскового объединения, около трех часов ночи шесть человек в синей камуфляжной форме перелезли через ворота управы и напали на дневального. Нападавшие были вооружены двумя автоматами, пистолетом и гранатой РГД. "Цель их прибытия - расправиться с управой, уничтожить физически. Двое из них представились, это Столяр и Тимофеев. Я не считаю, что это происходило по личной инициативе Столяра или Тимофеева. Мне непонятно, почему они вооружены и одеты в милицейскую форму. Они выполняли чей-то приказ. Я великолепно знаю этих двух людей, которые самостоятельно не могут совершить даже полшага", - рассказал Николай Меринов, атаман Иркутского казачьего войскового объединения.

Продержав под угрозой оружия караульных некоторое время, нападавшие на двух машинах удалились. Казаки сразу же позвонили в милицию и доложили своему атаману. По словам казаков, приехавшие по вызову сотрудники Кировского РОВД вместо того, чтобы начать поиск нападавших, задержали всех, кто находился в казачьей управе. "Среди них есть Рамазин, который уже в течение года пять или шесть раз арестовывает личный состав управы, имея личную неприязнь. Мы его выкинули отсюда пьяным", - сказал Николай Меринов.

По словам сотрудников Кировского РОВД, оперуполномоченный по фамилии Рамазин не работает в отделе уже около года.

За комментарием этих событий мы обратились также к атаману Иркутской городской реестровой станицы "Преображенская" Сергею Тарасову. "Я сожалею о том, что произошло сегодня

ночью у Николая Меринова. У нас в городе три станицы. И нигде те люди, которые принимали участие в нападении на здание общественной организации, в списках реестровых казаков не значатся", - говорит Сергей Тарасов.

По словам атамана станицы, по всем существующим нормативным актам оружия у казаков быть не может. В Кировском РОВД от официального комментария отказались, поскольку расследование инцидента еще не завершено. Однако подтвердили, что сегодня ночью в отдел доставлялись из управы Иркутского казачьего войскового объединения десять человек, которые находились в состоянии алкогольного опьянения. Все они прошли медицинское освидетельствование. Атаман Иркутского казачьего войскового объединения Николай Меринов намерен обратиться в самые различные инстанции вплоть до администрации президента для расследования инцидента.

<http://news.babr.ru/?IDE=1662>

СОЗДАН ИРКУТСКИЙ КАЗАЧИЙ КРУГ

Объединительный казачий круг прошел сегодня в гарнизонном Доме офицеров. Для участия в нем прибыли представители шести станиц области. Они приняли решение о создании Иркутского казачьего округа. Его атаманом избран Сергей Тарасов. В Иркутский казачий округ вошли станицы Иннокентьевская, Преображенская, Знаменская, Никольская из Слюдянского района, Христорождественская из Бодайбо и казачий поселок Подкаменная. Один из главных организаторов сегодняшнего круга и атаман нового объединения Сергей Тарасов так определяет цели новой структуры: "Создать структуру управления станицами, которые расположены в Иркутске, Слюдянском, Шелеховском, Иркутском районах. Эти станицы уже созданы, они действуют, несут государственную службу".

По словам Сергея Тарасова, одними из главных направлений округа станет помощь милиции в охране порядка. Казачьи патрули будут вместе с правоохранительными органами бороться с уличной преступностью. Вторая задача - экологическая безопасность региона. Казаки намерены оказать помощь в охране лесов и водоемов от браконьеров и нарушителей. Однако наиболее важной должна стать работа с детьми. Сергей Тарасов считает необходимым возобновить обучение мальчишек военному делу уже с двенадцатилетнего возраста.

Станислав БИЗИМОВ

<http://as.baikal.tv/pages/news/one.php?date=2002-04-07&item=17>

ВОЗРОЖДАЯ ТРАДИЦИИ

Всероссийская газета национально-патриотического движения «Русский Востокъ». - 1992, №50

5 декабря в Доме офицеров состоится Войсковой Круг Иркутского казачьего Войска. Атаманы и делегаты 17 станиц соберутся вместе, чтобы обсудить текущие вопросы и подвести итог уходящего года. Войсковой атаман Николай Шахов приглашает ветеранов казачьего движения и всех желающих принять участие в работе Круга. В Иркутске создана первая реестровая казачья станица Преображенская. По решению казачьего круга станичным атаманом избран **Сергей Николаевич ТАРАСОВ**. С ним наше интервью.

- Сергей Николаевич, как вы думаете, возрождение казачества, это дань традиции или навеянная новыми явлениями насущная необходимость?

- Я бы сказал так: основанная на традициях Российского казачества жизненная необходимость! Известно, что казачьи традиции в рамках общественных организаций начали возрождаться вместе с новой Россией в начале 90-х годов, в том числе и в Иркутске. Однако формирование реестрового казачьего общества с приданием ему законодательного статуса было положено Указом Президента Российской Федерации "О государственном реестре" в 1995 году. Тогда-то и было сделано мне предложение полномочным представителем Президента РФ в Иркутской области Игорем Ширококовым выполнить проект по формированию Иркутского казачьего войска. Я был назначен советником губернатора области по вопросам казачества. Сформирован реестровый казачий актив. Войсковая структура в 1997 г. внесена в государственный реестр. Было постановление Министерства по делам национальностей. Указом Президента РФ в 1998 г. утвержден Устав Иркутского казачьего войска. Было решение создать объединенный штаб, который временно я возглавлял. А в 1999 году состоялся большой Круг, и первым Войсковым атаманом был избран потомственный казак, полковник в отставке Владимир Федорович Лелюх. В Москве создано Управление Президента Российской Федерации по вопросам казачества. Его возглавляет бывший главком ВВС России генерал армии, Герой России В. С. Дейнекин. Так что в условиях реформирования армии, считаю, современное казачество - это не просто наш феномен, а прежде всего профессиональный резерв Вооруженных Сил, одно из звеньев системы безопасности современной

России.

- Это не преувеличение? Ведь у истоков возрождения казачьих организаций было немало людей. Допустим, избранный Иркутским казачьим атаманом Н. М. Меринов?

- Во-первых, надо знать, что Меринов руководил общественной организацией. Не скрою, в окружении Николая Михайловича было немало хороших людей, но общественная организация в 1997 году отказалась войти в состав реестрового казачьего войска, а, значит, ее члены лишились права носить форму и выполнять соответствующие Уставу обязанности - нести государственную службу, что было всегда в традициях Российского казачества. Тем более, 6 мая этого года возглавляемая Н. М. Мериновым общественная организация по иску управления юстиции в судебном порядке была ликвидирована.

Однако и реестровые казачьи общества в начале своего становления "переболели". Была и неумная борьба за власть, завышенные амбиции некоторых атаманов, стремления доказать, что ты больший казак, чем другие. На состоявшемся в прошлом году большом Круге был переизбран войсковой атаман. Но нашему движению, думаю, в очередной раз повезло. Атаманом Иркутского казачьего войска избран Николай Иванович Шахов. До этого он работал в департаменте правоохранительной и оборонной работы администрации Иркутской области.

На сегодня мы имеем в Нижнеиркутском округе (от Слюдянки до Заларей плюс Бодайбо), в Нижнеудинском отделе (от Зимы до Усть-Кута) до четырех тысяч реестровых казаков, не считая членов их семей. В России же насчитывается до полутора миллионов реестровых казаков. И расширение наших рядов продолжается. В частности, в Иркутске и Иркутском районе подобран актив и намечено сформировать пять реестровых казачьих станиц. Наша, Преображенская, стала первой. До конца этого года состоится казачий Круг станицы Знаменской. Её основу составят военнотружущие микрорайона Зеленый, выходцы из казаков Дона и Кубани, станицы Иннокентьевской. Две станицы планируем создать на территории Иркутского района. Здесь наряду со службой главной задачей казаков будет производство сельхозпродукции.

- В этой связи не является ли создание станиц в городе искусственным? Ведь горожане живут в разных домах,

микрорайонах. Порой не знают даже, кто проживает рядом с ними на одной лестничной площадке...

- Ни в коем случае! Мы следуем традициям наших предков. Вот что писал, например, побывавший здесь с инспекторской проверкой в начале прошлого века известный Донской казачий атаман-генерал П. Н. Краснов: "Иркутская конно-казачья сотня состоит из иркутских казаков - потомков бывшего здесь когда-то городского полка. Ввиду малочисленности их они не живут по станицам, но во время своего свободного пребывания приписаны к сельским обществам Иркутской губернии. Войско, состоящее в мирное время из одной сотни, в военное - из полка шестисотенного состава, принадлежит к числу любопытных явлений нашей малоисследованной, живущей больше на основании традиций казацкой жизни". При этом войсковой атаман не преминул отметить выучку сибиряков: "Я видел ни с чем не сравнимую казацкую лаву, видел потом оборону в кругу, видел джигитовку, видел сбор сотни на карьере - все это было европейское, наше, как и у нас в Красном Селе. Одно было лучше все: и всегда целились и, говорят, на карьере редкий промахнется при стрельбе боевым патроном по однофигурной мишени"...

Вот и мы во главу всего ставим боевую выучку. При Знаменской станице есть действующий кадетский корпус. Иннокентьевская станица возьмет под опеку кадетский лицей, который предполагается открыть в микрорайоне Юбилейный. При Преображенской церкви открываем воскресную кадетскую школу. Ну, а под Ангарском мы уже три года подряд проводим летние полевые сборы детей казаков. Сюда съезжаются до шестисот ребят со всех районов области. Старшие кадеты приписываются к станицам и получают чины. Ставится цель, чтобы к 18 годам кадет-призывник был подготовлен стать младшим командиром в Вооруженных Силах страны. По возрождению казачих традиций, обычаев и нравов активно работает совет старейшин, который возглавляет потомственный казак Юрий Петрович Малышев, и другие старейшины стараются внести свой посильный вклад в становление реестрового казацкого войска.

- Ну, а ваша станица, видимо, возникла не на голом месте и откуда такое название?

- Казак всегда сражался за веру, царя и отечество. Вот и здесь мы начали формирование Преображенской станицы

с возрождения церкви Преображения Господнего. Создана церковная община. Восстановлен первый предел храма. Начались богослужения. На Успенье Пресвятой Богородицы провели крестный ход. Собираем единомышленников, помогаем рабочими руками и стройматериалами. Настоятелем храма стал отец Олег Белов - сын бывшего атамана Нижнеудинского казачьего отдела. Как видите, наш единомышленник. В казачьем обществе станицы около трехсот человек. 87 казаков несут службу по охране государственного, муниципального имущества и правопорядка. Идут к нам потомки казаков или желающие стать таковыми, отслужившие в армии, некоторые побывали в горячих точках Северного Кавказа. По составу: русские, буряты, эвенки. По вероисповеданию: в основном православные, но есть и исламисты, буддисты, шаманисты. Многие с высшим образованием.

Уже тридцать четыре человека в станице прошли обряд крещения. В ближайшее время в станице состоится первая казачья свадьба и пройдет венчание в церкви. Казаки нашей станицы на безвозмездной основе несут охрану трех храмов, в том числе Крестовоздвиженской церкви, Собора Богоявления и обеспечивают соблюдение там общественного порядка. Жизнь требует создания конных казачьих караулов для охраны крупных объектов транспорта, другого имущества. По примеру Москвы и Петербурга думаем возродить казачьи патрули на улицах Иркутска. Прорабатываем вопрос о заключении договоров с коневладельцами. Так что работаем на перспективу.

- Сергей Николаевич, а что определило именно ваш жизненный выбор?

- Стремление выполнить наказ моей бабушки Анны Николаевны Фоминой: не забывать о казачьих корнях. Она происходила из большой казацкой семьи, которая проживала в станице Головинской бывшего Балаганского уезда. Дед и отец не очень-то любили делиться воспоминаниями, как говорится, юности суровой, а она была отменной рассказчицей. Так вот, в первую мировую войну отец ее и будущий муж Григорий Тарасов служили в одном полку и сражались на фронте в Галиции. Туда-то и была снаряжена делегация казачек с подарками фронтовикам.

По собственной инициативе попала в ту делегацию и Анна Фомина. На фронте познакомилась с Григорием.

Романтичная в начале история оборачивается далее потрясениями революции, гражданской войны, а чуть позже, уже после рождения Николая Тарасова, моего отца, как по нотам разыгрывается трагедия станицы Головинской. В 90-х годах прокатилась волна раскулачивания и расказачивания. Станица была ликвидирована, казаков выселили, а на их место заселились крестьяне из центральных районов России. Семья переезжает к родственникам в старинное казачье село Голуметь. Здесь жизнь вроде бы налаживается. Дед работает начальником Иркутского управления заготзерно. Отец учится в школе, потом в техникуме в Иркутске. Но в 1938 году деда Григория репрессируют. Через какое-то время выпускают. Но он выходит из камеры больным человеком, страдающим заболеванием почек и отеком ног. Лишь в 1942 году восстанавливают его в правах, и он работает до старости в областном правлении заготзерно, где многие его до сих пор помнят.

- Ну, а ваши связи с казацким бытом?

- Родился я в Иркутске, а вот с семи до четырнадцати лет прожил в Голумети, где отец работал в районном банке вплоть до ликвидации Голуметского района. Естественно, игрища, потешки, любовь к лошадям, сохранившиеся кое у кого из стариков и показываемые украдкой казачьи шашки - все это неизгладимо осело в памяти. А потом, после окончания средней школы, служба в армии в Забайкалье по соседству с казачьими станицами Верхний и Нижний Шаранай. Вид на Семеновскую сопку, где казачий атаман дал свой последний бой на этой земле. Звонкоголосые казацкие песни, которыми будоражили местные девчата солдатские сны после отбоя. Вот и хочется все это сохранить и передать потомкам.

- Насколько я понял, ваша жизнь состоялась и без движения казачества к своему единению?

- Что ж... Основные вехи пройдены. Закончил биолого-почвенный факультет Иркутского университета, где главным наставником был профессор, защитник Байкала Михаил Михайлович Кожов, а я избрал для себя в начале дипломной, потом для диссертации тему "Экология озера Байкал". Работал с художником, певцом Байкала Борисом Ивановичем Либединским. Даже по его рекомендации закончил заочно Мухинское училище в Ленинграде. С 1975 по 1992 год проходил службу в комитете

госбезопасности, а вот, поди ж ты, встретил единомышленника, ярого пропагандиста казачьего уклада В. А. Шелохова, и жизнь переменялась. Сначала был его помощником в союзе казаков. Ну, а о формировании реестрового казачества на Иркутской земле я уже рассказывал.

Считаю правильным, что вопросами казачества занимается управление Президента. Ведь до революции наказным атаманом мог быть только член царской фамилии, а последнее время царевич Алексей. Считаю своим долгом служить формированию и объединению патриотических сил, защищать свои святыни, свою веру: без этого не может быть сильного государства! Еще есть время у каждого из нас сделать этот мир хоть чуточку лучше. В казачьем духе, казачьей вере, казацких песнях заложен неиссякаемый потенциал служения на благо Отечества.

Валентин Малышев

<http://rus-vost.irk.ru/vozhrozhdaya-tradicii.html>

В ИРКУТСКОМ РАЙОНЕ ИГРАЛИ НА ГАРМОНИ

СМ НОМЕР ОДИН: 15.02.2007

Поселок Большая Речка в минувшие выходные собрал многих жителей поселка и близлежащих сел. Здесь впервые прошел фестиваль "Давай, гармонь, и песню, и частушку", в котором приняли участие народные ансамбли Иркутского района.

"Пойте песни модные, но не забывайте народные", — призывали участники фестиваля собравшихся... Первые ряды заняли самые маленькие зрители. Для них это был особый праздник — в фойе местного клуба они могли бесплатно отведать горячих пирожков с чаем, полакомиться шоколадными конфетами. С радостными криками "Пойдем обедаться!" они атаковали ряды угощений.

Организаторами фестиваля выступили региональное отделение Союза пенсионеров России и областной общественный совет "За развитие Прибайкалья". Как отметил Сергей Тарасов, представитель общественного совета, на фестивале собрались носители и хранители русской песни, которая всегда должна быть в душе русского народа. "Культура и духовность — это те вещи, которые позволяют человеку жить", — говорит Сергей.

Лидия Гергесова

<http://pressa.irk.ru/sm/2007/06/007006.html>

МИКРОРАЙОНАМ – ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

СМ Номер один: 23 .07.2009

Три месяца назад по инициативе жителей микрорайона Университетского и при содействии ОАО «Западное управление жилищно-коммунальными системами» (ЗУ ЖКС) началось формирование территориального общественного самоуправления (ТОС). Инициативы были поддержаны жителями еще двух микрорайонов, и уже к концу июля 2009 года сформировано пять общественных площадок территориального общественного самоуправления: в микрорайоне Университетском создан и работает оргкомитет ТОСа «Университетский», в мкр. Первомайском — оргкомитеты ТОСов «Черемушки» и «Вампиловский», в мкр. Синюшина Гора — оргкомитеты ТОСов «Синюшина Гора» и «Багульник».

16 июля в школе № 28 на Синюшиной Горе состоялось первое рабочее совещание председателей оргкомитетов всех пяти ТОСов и руководителей групп планирования территорий ТОСов с председателем комитета Законодательного собрания Иркутской области по здравоохранению и социальной политике Татьяной Семейкиной, исполняющим обязанности председателя комитета по управлению Свердловским округом Денисом Козловым, гендиректором ЗУ ЖКС Александром Ворониным.

На совещании руководитель группы проекта «Западные ТОСы» Сергей Тарасов ознакомил собравшихся с ходом подготовки учредительных конференций всех пяти ТОСов:

— В настоящее время оргкомитеты занимаются подготовкой к учредительным конференциям, идет голосование населения по выбору делегатов на эти конференции. Делегаты на конференциях утверждают уставы ТОСов, их территориальные границы, избирают советы, председателей и контрольно-ревизионные органы, после чего весь пакет документов поступит в администрацию г. Иркутска. Одновременно идет сбор предложений от населения в планы развития территорий ТОС до 2015 года...

Александр Воронин, генеральный директор ОАО «Западное управление жилищно-коммунальными системами, председатель координационного комитета по развитию территорий ТОС:— Оргкомитеты пяти ТОСов оказали мне огромную честь возглавить координационный комитет по развитию территорий. Это огромная и ответственная для меня работа, которая затрагивает не просто близкое население трех микрорайонов города, а прежде всего пенсионеров, инвалидов, детей, многодетных, малоимущих семей, взрослое трудоспособное население. Для их качественной, полноценной жизни необходима современная инфраструктура, которой до сих пор никто основательно и целюно не занимался. Мои родители, выходцы из старинного Забайкальского казачьего рода, с детства вбили мне: решения надо принимать только всем миром, строить только

сообща. К сожалению, в жизни часто бывает так, что население и власть ходят разными дорогами. Я не привык так жить.
Главный итог сегодняшнего совещания — найдены общие точки в работе руководителей ТОСов, которые сегодня представляют интересы более чем 60-тысячного населения, с представителями законодательной, исполнительной власти, определены формат и содержание сотрудничества.

Галина Юрейчук <http://pressa.irk.ru/sm/2009/28/017001.html>

88

Виталий Диксон – Георгию Гаврилову

12 мая 2011

...Наверное, надо мне поставить точку в ответе на Ваш вопрос о «романе положений», на который я так и не смог ответить с толком, чувством и расстановкой. Причина тому одна: этот вопрос оказался и для меня самого вопросом, да ещё и непростым. Возможно, Вы даже скорее сыщете ответ, чем я, потому как для Вас, человека театрального, уже, наверное, нет существенных загадок в «комедии положений», объясняемой нынешними словарями как «комедия, сюжет которой строится на случайных и непредвиденных стечениях обстоятельств» (Ну, чистый Вампилов! С названием своей первой тощенькой книжечки!) Но мне и самому стало интересным поразминать мозги в этом направлении: что же это за ПОЛОЖЕНИЯ такие, провоцирующие роман? Тут, как говорил булгаковский Кот Бегемот, «Положение серьёзное, но отнюдь не безнадёжное». Замечу, что размышления на эту тему и разысканные «зёрнышки» чужих, но авторитетных мыслей, явились ко мне уже после написания романа...

Вам уже известны суждения А.Д.Синявского о стремлении «романа характеров» в конце XX века сделаться «романом состояний». Но между положением и состоянием такая же разница, как разница между ростом человека от пяток до макушки и ростом от макушки до неба. И положительный есть не всегда состоятельный (и наоборот). И из двух поз женственной России, наверное, более свойственно именно «интересное положение», чем мужское состояние. Впрочем, у Синявского всё-таки главное, на мой взгляд, это то, что роман должен перемениться.

Но он всегда менялся. Он был нравоописательным, дидактическим, авантюрным, семейным, детективным, приключенческим, психологическим... Уж каким только не был! В России вплоть до Л.Толстого (включительно) доминировал роман характеров. Весь XX век в русской литературе безраздельно господствовал роман социально-идеологический (кроме «Доктора Живаго»)... Что же это за всеядный зверь такой, роман?

«Для романа характерно: разомкнутость повествования, принципиальная незавершённость идеи, открытость финала»..., - утверждают Пётр Вайль и Александр Генис в книге «Родная речь» (М.,1991,с.178) – и мгновенно ссылаются на М.Бахтина: «Романист тяготеет ко всему, что ещё не готово». - «...многозначность и заданная неопределённость фигуры центрального персонажа», - продолжают Вайль и Генис – и вновь мэтр М.Бахтин им пособляет в рассуждениях: «Одной из основных внутренних тем романа является именно тема неадекватности герою его судьбы и его *положения*. Человек или больше своей судьбы, или меньше своей человечности».

А вот что Андрей Немзер пишет о фактическом состоянии современной прозы в рецензии на сочинения А.Гаврилова: «...конспективное письмо в XX веке входит в моду. Отжимаются мотивировки. Опускаются подробности. Проза делает странный шаг – это не шаг к читателю, это шаг к поэзии, которую легче помнить и труднее читать впервые. Напряжённое слово тянется к соседнему, словно между ними не типографский пробел, а бездна. Фраза хочет стать абзацем. Абзац – новеллой...» (Независимая газета, 22.05.92).

Вспоминаю реплику Толи Кобенкова относительно моих сочинений и думаю: возможно ли «стихотворение в прозе», возросшее до объёма классического романа? Не знаю. Вопрос открытый доселе...

Но вся ли загвоздка в форме? Чехов принципиальной краткостью противопоставил свой рассказ традиционному роману и повести. «Вместо сюжета Чехову достаточно было просто *положения*, характеризующего нравы или человека», - писал Борис Эйхенбаум. И далее: «Тема и *положение* раскрываются ... обычно не автором, а самими действующими (часто именно не действующими, а только разговаривающими) лицами... Совершенно естественно,

что от рассказов Чехов перешёл не к романам... а к пьесам, к театру... Театр Чехова стали называть театром настроения» (Б. Эйхенбаум. О прозе. О поэзии. Л., 1986, с.232-233).

А между тем, поиски нового романа шли давно. Тот же Эйхенбаум, говоря о литературе первой половины XIX века, отмечал: «Русский роман...не мог быть и не был простым продолжением старого... Надо было собирать (так!- В.Д.) роман в виде повестей и очерков, так или иначе между собою сцепленных... Надо было, чтобы это сцепление было произведено не механической склейкой эпизодов и сцен, а их обрамлением или их расположением вокруг одного героя при помощи особого рассказчика... Задачи: проблема сюжетного сцепления и проблема повествования. В поэзии это было сделано Пушкиным: «Евгений Онегин» был выходом из малых стиховых форм и жанров путём их циклизации; нечто подобное надо было сделать в прозе» (с.286)... Загибаем пальчики: «Вечера на хуторе...», «Повести Белкина», «Пёстрые сказки» Одоевского, «Латник» Бестужева-Марлинского... «Бестужев строит свои повести не на анализе и сопоставлении «характеров», а на конфликте чувств и *положений*», - отмечает Эйхенбаум (с.288) и – как итог: «...главный путь к созданию нового русского романа лежит через циклизацию малых форм и жанров» (с.292).

Это – ещё тридцатые годы XIX века. И это уже – «Герой нашего времени»: три повести Лермонтова ещё до выхода в свет единого «романа» печатались как самостоятельные. Вот вам и уготованная судьба романа: вечный путь перемен. Куда? – времена подскажут.

А теперь – иной вопрос: люди и положения. Не котлеты ли отдельно от мух? Люди положений. Положения людей. Где положишь – там и найдёшь... Как положишь – так и возьмёшь (тут уж сексом наносит)... Фельдфебельское «Не положено!» - на всех уровнях власти. Положительное встало в позу к отрицательному...

12 апреля 1840 года Гоголь пишет письмецо к соученику по Нежинской гимназии Николаю Белозерскому с просьбою съездить в деревню Васильевку близ Полтавы в имение, к своей маменьке: «Маменька – предобрейшая и слабейшая женщина, её обманывают на каждом шагу... Она, бедная, твёрдо уверена, что у ней то и то сделано, когда между прочим ни того ни другого не делано; что это

в этом положении, а не в том положении...» (Гоголь. Энциклопедия. М., Эксмо, 2007, с.114)... Вот ведь положеньице у маменьки – хуже губернаторского!

А так оно сплошь да рядом. «Очень разные положения», - отвечал Борис Слуцкий на вопрос о своей жизни (цит. по: Г. Бакланов. Дороги пришедших с войны. М., 2005, с.185).

Осип Мандельштам ещё в 1922 году – о положениях и состояниях. Борис Пастернак с 1918 по 1957 – «Несколько положений», «Люди и положения». У Дмитрия А. Пригова – целый цикл «Характеры и положения» (Книга книг: Избранное. М., 2002, с.443)... Видать, есть в них, в этих положениях, что-то такое, мимо чего никак не пройдёшь. Что?

И тут Виктор Борисович Шкловский голос подаёт: «Новые люди, взятые в *старом положении*. Новизна этих людей и их способ реагирования, преодолевания обычности обозначает новое толкование человеческим сознанием явлений нравственности». Стоп! А что, нравственностей много? Ага. Нрав = норов. У каждого – свой! И В. Б. продолжает: Множественность нравственностей – истинная основа и многоразгадываемости, и переосмысливания сюжета» (с.118). Отсюда – прямой мостик к судьбе литературного произведения: «Достоевский говорил, правда, не от имени автора, а от имени героя подполья, озлобленного человека, что дважды два четыре – это правильно. Но «и дважды два пять – премилая иногда вещица». Вот эта множественность смыслов, которая, конечно, не доходит до простой арифметической неправильности, она оказывается одним из свойств, обеспечивающих вечность произведению» (с.111).

В общем, что получается? Новые люди – прежние (избегаю слово «старые») положения. Новые положения – прежние люди. Чуть пошире: миллиарды людей как биологические существа имеют свои пределы, ограничены – и потому (при внешней уникальности) похожи друг на друга как капли в море. Их индивидуальные особенности количественно ограничены и могут передаваться обычным счётом, арифметической суммой. В то же время, *положения*, в которых люди оказываются по отношению друг к другу, практически бесчисленны. Сравни: шахматы... чёрные и белые (скажем, мужские и женские) фигуры ограничены числом, похожи, но позиции

шахматной игры неисчерпаемы (есть, конечно, повторения, ставшие классикой и вошедшие в учебники, но классика есть в любых видах человеческой деятельности).

И вот уже не характеры выступают в романе на первый план, а – искомые положения. (К случаю вспомнилась публицистика Анатолия Кобенкова последних лет: «Иркутск: новое положение», «Новое поведение», «Новая реальность»)

Ну, вот, кажется, и добрались до точки... Но тут, увы, я понимаю: заявленная в начале письма точка так и не получилась. Вместо неё – многоточие... Почему? А вот почему.

Уж на что наиточнейшей кажется энциклопедическая формулировка «комедия положений», но стоит только копнуть дальше...

Заглянем. В ВИКИПЕДИЮ. Туда, где идут жаркие схватки по насущному поводу: комедия положений или ситком?

- Меня лично очень беспокоит тенденция использовать англицизмы, вместо уже существующих соответствий. Зачем изобретать велосипед? В старых программках писали жанр: комедия положений, к чему слепое заимствование? То же самое – со статьёй БАЙОПИК, язык можно сломать, а почему не БИОГРАФИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ или БИОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА, или КАРТИНА-ЖИЗНЕОПИСАНИЕ?

- Считается, что ситком родился в 20-х годах прошлого века в Америке, причем на радио. Вскоре после Второй мировой войны ситкомы пришли на английское радио, а в 50-х и на телевидение. Собственно, эти две страны (разделенные не только океаном, но и, как некогда заметил Бернард Шоу, общим языком — типичная ситкомовская шутка!) и являются здесь законодателями мод. Сам термин (от английского *sitcom* — *situation comedy*, буквально — «комедия ситуаций») введен в использование в 1951 году. На русский его обычно переводят как «комедия положений», что, строго говоря, не всегда верно: многие ситкомы далеки от канонической эксцентрической комедии с бросанием тортов в физиономию.

- Если бы в статье вместо ситкома стояло *sitcom*, я бы не возражал. А так получается, что факт использования в русском языке слова ситком просто констатируется как данность.

- Тогда переименовывать в «*ситуационная комедия*», но никак не комедия положений. Кстати, а Вас слова типа Роспотребнадзор или сельмаг тоже напрягают?

- Я так и не понял, почему *никак не комедия положений*. В приведенной вами цитате черным по белому написано как это переводится, а насколько правомерен такой перевод и как лучше можно уже в самой статье рассказать. У Роспотребнадзора не было предыдущего равноценного названия, которое взяли и по желанию журналистов списали, заменив на новое.

- Потому что *ситуационная комедия* легко ассоциируется с термином ситком, и обратная ассоциация тоже прозрачна и ясна.

- Ситком чаще используется и более понятен, чем "Комедия положений". Как ни крути, но в современном русском лексиконе большинство специальных слов заимствованы, так как не имеют славянской или угро-финской основы. "Комедия" тоже заимствованное из греческого языка слово, почему оно вас не возмущает?

- Слово «ситком» это калька с английского, агрессивно впрыскиваемая ленивыми журналистами последние несколько лет, так как им лень искать уже существующие соответствия. Ситком, по моему мнению, нужно сделать редиректом. Еще раз привожу пример с biopic — если миллион современных журналистов будет употреблять слово байопик, это не изменит того факта, что речь идет о фильме-биографии и сам термин фильм-биография уже существовал до этого.

- Ситком - жанр телевизионного комедийного сериала, прежде всего. В русском языке термин появился вместе с самими сериалами, раньше ничего подобного не было. Ваши же аргументы основаны лишь на желании проучить журналистов и неприятию англицизмов.

- Слово вошло в язык, в частности, в профессиональный сленг журналистов и телевизионщиков.

- А «комедия положений» не вошла? Речь не о том, что термина нет. Речь идёт о том, кто тут авторитет — сленг журналистов и телевизионщиков (последних 15 лет) или вся предыдущая русская драматургическая и киноведческая традиция?

- Всё-таки, по-моему, комедия положений и ситком (situation comedy) — разные понятия, о каждом из которых можно написать отдельную статью. Комедия положений — это любое комедийное произведение, сюжет которого строится «на случайных и непредвиденных стечениях обстоятельств» или «на хитроумной, запутанной интриге». Термин же «situation comedy» гораздо более специфичен: под ним понимается только комедийный радио- или телевизионный сериал с постоянным составом персонажей.

- Дело в том, что, насколько мне удалось разобраться, ситком не является разновидностью комедии положений. Это просто разные понятия, друг с другом не связанные. Порывшись в англоязычных источниках, я пришёл к выводу, что русскому понятию «комедия положений» в английском языке

соответствует не «situation comedy», а «comedy of situation» (или «comedy of intrigue»). В энциклопедии «Британника» этим двум понятиям посвящены отдельные статьи, причём понятие «situation comedy» никак не увязывается с понятием «comedy of situation»...

- Комедия положений является одним из древнейших театральных жанров, основанным на курьёзных ситуациях в различных местах.

Комедия положения была одним из ведущих жанров в творчестве Шекспира, Мольера, Бернарда Шоу.

В России комедию положений «основал» Д. Фонвизин, а продолжили этот жанр Н. В. Гоголь и А. П. Чехов, как в драматургии, так и в обычной художественной литературе. Примеры комедии положений: В театре. У. Шекспир: Двенадцатая ночь; Комедия ошибок; Венецианский купец. Ж.-Б. Мольер: Мещанин во дворянстве; Тартюф, или Обманщик. А. Чехов: Медведь. Н. Гоголь: Ревизор; Женитьба.

В кинематографе. Леонид Гайдай, «король» советских кинокомедий положений: Бриллиантовая рука; Иван Васильевич меняет профессию; За спичками; 12 стульев. Владимир Меньшов: Ширли-мырли; Розыгрыш. Эльдар Рязанов: Ирония судьбы, или С лёгким паром!; Невероятные приключения итальянцев в России.

http://ru.wikipedia.org/wiki/Комедия_положений

...Вот, Георгий Константинович, хотел (разумеется, по-черномырдински) как лучше, а получилось - как всегда. И на театре нет постоянства! Так что же делать? Так и проживём всю жизнь свою грешную в поисках нужного слова? Так и проживём, куда ж мы денемся. Только, думаю, будем каждый заниматься своим прямым делом: театроведы с литературоведами пусть уж задним числом обозначают и придумывают названия тому, что насочиняли прозаики и драматурги, а те в свою очередь пусть пишут свои опусы без оглядки на сочинителей формулировок.

Не утомил? Утомил, утомил...А вот педросы (Партия Единой России) не утомляются! Они нынче самые главные формулировщики-регулирующие. Взяли – и «Золушку» отменили...

Читаем газетки!

Щёлкаем компьютерной «мышкой»

Что нам уполномочена заявить эта «мышка»?

Едроссовский маразм крепчает.

Губернатор Камчатского края Алексей Кузьмицкий не оставил без внимания сообщения СМИ о попытке запретить постановку Камчатского театра драмы и комедии "Новогодний коктейль для Золушки". Как сообщил представитель пресс-службы краевого правительства, глава региона назначил служебную проверку этой информации.

СМИ обвинили местных чиновников в попытке отменить спектакль "Новогодние приключения Золушки" местного театра драмы и комедии, так как они усмотрели критику в адрес федеральных властей в одной из сцен - той, где король переводит стрелки часов на 1 час назад, чтобы Золушка дольше осталась на балу. Власти усмотрели в этой сцене намек на "перевод часов" на Камчатке, затеянный по инициативе главы государства.

По сообщениям СМИ, побывавшая 7 января на показе спектакля первый заместитель губернатора Ирина Третьякова была возмущена постановкой, а именно шутками на тему реконструкции камчатского театра и сокращения часовых поясов. Вскоре после аплодисментов, которыми публика ответила на перевод королем часов, Третьякова покинула зрительный зал. И уже на следующее утро краевой министр культуры Галина Монахова объявила директору и художественному руководителю театра, что показ спектакля необходимо прекратить. Об этом рассказали на условиях анонимности сразу несколько артистов.

По словам одного из них, артисты в знак протеста решили выйти к кассам с завязанными ртами и плакатами "Запрещено цензурой". Узнав об этом, краевая администрация пошла на уступки. Актер Аркадий Хозяйчев, играющий роль короля в "Золушке", заявил, что были предприняты попытки "править текст" представления. Чиновники настоятельно рекомендовали труппе переработать несколько сцен, вырезать особо нежелательные слова вроде "перевода времени" и "подрядчика" (в спектакле шла речь о неудачном ремонте королевского дворца, а ведь здание театра недавно тоже прошло капитальный ремонт, причем с многочисленными недоделками). "Ситуация казалась глупой и смешной до тех пор, пока не собрались в кабинете директора править текст. Смотрю в текст и не могу понять: где же здесь крамола-то? Время перевели? Перевели. С реконструкцией театра облажались? Еще как. С актеров-то что взять?" - заявил Хозяйчев. "Нас откровенно шантажировали. Мол, только попробуйте не убрать "про часы и реконструкцию", не будет вам ни квартир по очереди, ни премий. Так мы их и так

не получаем! Театр нищенствует! И никто в итоге не струсил! Актеры между собой даже не сговаривались, вышли на сцену и сыграли без купюр", - рассказала его коллега, заслуженная артистка РФ Татьяна Артемьева.

В ноябре 2009 года президент РФ Дмитрий Медведев в ежегодном послании Федеральному собранию РФ предложил рассмотреть возможность сокращения количества часовых поясов. В 2010 году Камчатский край не перешел вместе со всей страной на летнее время. В результате разница во времени с Москвой сократилась с девяти до восьми часов. 11 декабря на центральной площади Петропавловска-Камчатского собралось более 3 тысяч человек, выступающих против сокращения количества часовых поясов.

NEWSru.com 2011-01-13 14:10

89

От первого лица

Виталий Диксон: Затянем пояса, господа-товарищи! Ведь в нашем коллективном бессознательном будто штемпелем оттиснуто: жизнь прожить – не поле перейти... Странно: и почему же такой прогулочный канон вызрел в народе – поле, тем более русское? Как будто поле – это только травка-муравка да лютики-кузнечики. А если это поле ещё и минное? И ты в том поле – всего лишь тонкий колосок, как Зыкина пела. Попробуй – перейди! Вообще-то это не вопрос. Зачем вопросы, когда ответы на многие из них уже позади. Кто-то след оставил, а кто-то и наследил. Вроде бы и нет особой разницы, но смысл – взаимопротивный, как плюс и минус.

Жизнь склоняется к итогам. И когда я думаю об этом, мне не поле мерещится. Я вспоминаю вампиловскую гитару, и голос, и песню про цыган, которые ехали домой с ярмарки. Это была не залихватски-разудалая и звонкая песня, нет.

Вампилов угадал в ней самую верную интонацию: тихую грусть, печаль, тоску, утомление – призрак и признак второй половины жизни. Да, когда-то все мы, не только цыгане, ехали весело на ярмарку. И приехали! И бурно провели там праздники нашей жизни, и утро, которое красило нежным цветом, незаметно и очень плавно перетекало в волочаевские дни, а подмосковные вечера – в

варфоломеевские ночи... А потом пришла пора – с ярмарки, в обратный путь. Ещё хмель в крови бродит, и мысли вприсядку скачут, перебивая трезвые, бухгалтерски беспристрастные вычисления: дебет-кредит, сальдо-бульдо, сколько прожито, сколько осталось... Но тень большого счёта уже витает над головой гуляки праздного, над самой дорогой попятной, над всей тройкой – с бубенцами ли, с мигалкой, неважно... Усталость ещё не пришла. Но уже и не скажет встречная восхищённая девка: «Тю, дурной!..» (Дурной-то в её губах вовсе не осуждение, но – высшая, хотя и своеобразная, оценка мужеской доблести и геройства!)..

Георгий Гаврилов: А может и скажет, по остаточному принципу, по-бабьей жалости. Писатель Диксон верно ведь заметил: «Молодые мы были, дурные. Молодость прошла, дурь осталась». И тут всяческие комментарии излишни... Ну, может быть, один, для размышлений. Вот было у Вампилова название пьесы «Ярмарка». Потом он переименовал его на сентиментальное «Прощание в июне». Зачем? Что за этой переименовкой стояло, виделось, думалось, предполагалось?

Много лет назад, в начале века, попалась мне на глаза главная иркутская газетка «Восточно-Сибирская правда». В это время газеты уже не жаловали поэзию и поэтов. Но для одного из них было сделано исключение. И я не могу удержаться, чтобы не поместить здесь целых три стиха (из пяти!), тем более что автор подборки промелькнул в этой книжке на начальных страницах... Внимайте, юные!

МОЯ СУДЬБА

*Где мой погост – никто пока не знает
Судьба меня по-прежнему мотает
Через моря и через страны,
Чрез континенты, океаны.
Я чувствую себя пылинкою земной,
А иногда – былинкою-травой.
И знаю я, что век мой скоротечен,
Что жил и умер, - не буду я замечен.
Я не стремлюсь ни к славе, ни к наградам.
Молюсь за всех, кто был со мною рядом.
Кто руку подал в трудный горя час
И кто сказал «спасибо» искренне хоть раз.*

*Мне чужды зависть, чванство.
Я люто ненавижу грубость, хамство.
Измены никому я не прощаю
И выполняю всё, что обещаю.
И смерти не боюсь и не зову её.
Она придёт, когда захочет.
И, взявшись под руки, пойдём мы далеко,
Туда, где ждут меня не дни, а только ночи...*

ДАВНО НИКОМУ НЕ ДАРИЛ Я ЦВЕТОВ...

*Давно никому не дарил я цветов,
Давно уж не пел я романсов.
И некому мне прошептать нежных слов,
И нет мне партнёра для танцев.
Я вечно один среди шумной толпы
Друзей ли, врагов ли, поклонниц,
Как будто стремнина среди берегов
Лечу я, не зная невольниц.
Но жизнь коротка, и мой бурный поток
Утихнет, зима лишь настанет.
Под панцирем льда будет вечный покой,
Другому уж солнце проглянет...*

Я УСТАЛ

*Я устал: от пустых, ненужных дел;
От различных женских тел,
От тоски, печали, слёз,
Что по жизни я пронёс.
Я давно уж не нужен друзьям;
И давно всё простил я врагам.
Я хочу лишь бродить по лесам
И молитву творить небесам.
Но я должен по-прежнему жить;
И друзей я всех буду любить!
Буду яро сражаться с врагом,
Потому что есть жизни закон!*

И вот прочёл я в газетке эти плясовые (с ярмарки!) вирши – жалкие, бездарные, беспомощные, примитивные – и сразу же захотелось мне спросить автора: да какой же такой закон, милостивый государь-сочинитель? какой ещё

тебе в твоём «бурном потоке» потребен, когда есть один: будь человеком – и всё божественное, даже без твоего лесного молитвотворения небесам, приложится к тебе верней и благонадёжней «различных женских тел.»

В стихотворную подборку вмонтирован фотопортретик автора: в русской расшитой косоворотке, в бородке, в тоске по Родине – нате вам, ярмарочный гудошник али гусяр, межконтинентальный бизнесмен С.О. Остроумов, собственной персоной. Жалко мне его.

Виталий Диксон: Дорога с ярмарки требует не партнёра для танцев, а праведного мужества - даже от того, кто не обладал этим качеством раньше. На ярмарке-то каждый человек должен приобрести это качество - совокупно с мордой в крови и почётными грамотами.

Недавно в Иркутской области были обнаружены неизвестные ранее документы, касающиеся расстрела и последующего захоронения адмирала Колчака. Документы с грифом «секретно» были найдены в ходе работы над спектаклем Иркутского городского театра «Звезда адмирала» по пьесе бывшего работника органов госбезопасности Сергея Остроумова. Согласно найденным документам, весной 1920 года неподалёку от станции Иннокентьевская (на берегу Ангары в 20 км ниже Иркутска) местные жители обнаружили труп в адмиральской форме, вынесенный течением на берег Ангары. Прибывшие представители следственных органов произвели дознание и идентифицировали тело расстрелянного адмирала Колчака. Впоследствии следователи и местные жители тайно похоронили адмирала по христианскому обычаю. Следователями была составлена карта, на которой могила Колчака была обозначена крестиком. В настоящее время все найденные документы находятся на экспертизе. Исходя из данных документов, иркутским историком И. И. Козловым было установлено предполагаемое расположение могилы Колчака. На данный момент какие бы то ни было иные сведения о поисках могилы (опубликование документов, раскопки и т. п.) отсутствуют. Символическая могила Колчака (кенотаф) находится в иркутском Знаменском монастыре. (Википедия: Колчак, Александр Васильевич. Последнее обновление 12.02.2011)

Георгий Гаврилов: Перечитывая, перелистывая страницы пройденного и написанного, я замечаю неоднократные повторения лиц, событий, фактов. И, конечно, возникает естественное желание повычёркивать эти повторы, называемые по-учёному тавтологией. И вдруг – стоп! – на самом решительном замахе красного карандаша осекаюсь. Э, нет! На такие уж они простые и случайные, эти повторы.

- Ну, и что? – встревает в разговор внутренний голос. – Кашу маслом не испортишь. Повторение – мать учения.

- Да погоди ты! – возражаю я внутреннему голосу. – Здесь не тот случай и не та каша...

- Какая каша?

- Во-первых, это разные люди вспоминают одних и тех же лиц, одни и те же события. Как, скажем, евангелисты. Четыре автора, четыре взгляда, четыре евангелия – на одного персонажа...

- Нахал! – вскричал внутренний голос. – Ишь ты, куда загнул!

- А ты разогни! Между прочим, евангелисты по-гречески – синоптики. А погода в нашем доме нынче такая, что, фигурально выражаясь, лучше водки хуже нет. Или, как писатель Диксон обозначил, - переменная облачность, кратковременные вожди... Во-вторых, мнения людей могут совпадать или не совпадать. Не в этом дело. В другом. Почему почти все современники моего круга общения так дружно, не сговариваясь, вспоминают того же Витальку Зикору? Почему одни лица и события откладываются в памяти, а другие стираются? А потому, что они были знаками времени. Знаками – до востребования. Как Зикора, напомнивший обывателям о необходимости, о нужде общества в мужском поступке, о чести и достоинстве.

- А Тарасов тоже знак? Твёрдый-мягкий? Плюс-минус?

- Представь себе! Центр города. Казачья управа на улице Горького. Деревянный захлюстанный дом. В комнатухе на втором этаже сидит за столом подполковник КГБ в отставке и улыбается в усы. Он почти что счастлив. Он нашёл себя. Он при деле. Он лепит мымриков.

- Кого лепит? – испугался внутренний голос.

- Мымриков. Это такие монструальные фигурки из мягкого цветного пластика. Много фигурок. Потом их сдают по договору в Торговый центр и помещают в витрины – до востребования, на продажу. Особый успех у народа имели

скабрзные обнажёнки. Всё вместе это называлась кооператив ТОМ – Творческое Объединение Молодых под управлением Игоря Ганделя. Но это всё в общем целом. А в частности – конец карьеры, закат судьбы, дорога с ярмарки...

Притих мой внутренний голос. Он тоже устал вечно спорить со мной. Возможно, он призадумался и выбирает подходящие случаю слова прощения и прощания. А это непростое дело. Сколько их уже было, таких слов! «Будьте бдительны!», «Будьте готовы!», «Будьте здоровы!», «Будьте счастливы!»... Но, мне кажется, мы оба, я и мой внутренний голос, уже в ожидании взаимосогласия, после которого мы в один голос скажем всем, кто повстречался и ещё, даст бог, повстречается на нашем жизненном пути: «Пожалуйста, не ради бога, но ради самих же себя - оставайтесь людьми. Большого от вас в жизни и не требуется».

Март – май 2011
Прокопьевск-Иркутск

КОГДА БОГИ ШУТЯТ

повесть

I

Писарь из гренадёрских казарм Васька Хворобьёв третий день обхаживал горничную девушку.

— Рукавчик-то у вас замаравши, прекрасная Дуня. Дозвольте обдуть дыхательным волнением эфира?

— Волнением можно. А руками не шибко распространяйтесь. Я девушка аккуратная, в невинном виде состою.

И взвыл писаришка:

— Да што же это вы, миловидная Дуня, со мною такое производите? И што же это вы меня всю дорогу осаживаете? И откеда у вас такое противоположное мнение завелось? Умом не достигну! Я вам, например, кажинный раз про амуры рассуждаю, а вы, например, в носу ковыряете. Очень мне обидно, самодовольная Дуня, што при вашей завлекательной наружности остаюсь я в самозабвенном виде, точно дитё малое. Уж коли вы не желаете, коварная Дуня, произвести со мною скоропостижный амур, так, значит, возвертайте меня в первобытное состояние. Хоть вы и есть нежный предмет, который я, например, ободряю обожаю... хоть и чересла у вас есть моё сплошное смятение и шевеление чувств, и губки то же самое...

— Ах, ах, ужасный Василий! — сердится горничная. — От ваших репримандов уж я вся взопревши... Ах, ах!

— Ахом делу не поможешь, — грустно роняет писаришка. — Вон, платочек-то у вас на сторону сбивши. Дозвольте пальчиком поправить?

— Одним пальчиком не возбраняю. Потому как вы, например, кавалер щекотучий, а я, например, девица полнокровная...

И снова возопил писаришка Васька Хворобьёв:

— Это што ж такое несурьёзное получается? Уж который день ваш покорный слуга без ума и памяти влюбимши в ваши неподобные глаза а всё без последствий! Это как называется? Што возразите, невозможная Дуня, на такую несовместимую позицию?

— Ах, сокройтесь прочь с моих неподобных глаз, — пискнула Дуня дрожащим голосом, она очень боялась, что кавалер плюнет и уйдёт к чёртовой матери. — Вы есть несравненный нахальщик и ничтожество, хуже клопа или, пуще сказать, таракана.

— Как же таракана? - возмутился Васька. — Об чём вы такое говорите, когда папаня мой мясную лавку содержит и уважение имеет по принадлежности? Об том кажинная собака в околотке знает. А дяденька мой единокровный Захарий Хворобьёв, отставной каптенармус, так тот и вовсе, например, на Каменном острове гарнизонные огороды с капустою произрастает. Кажинный козёл об том знает.

— Фи, капуста! Да у моей тётеньки... да у тётеньки моей вопче... репа, например... вот такаущая! — выпалила Дуня и ручками широко обозначила — какущая.

Васька тоскливо смотрел на девушку.

— Вот как помрут, упаси господи, мои тятенька да дяденька, так всё ихнее моим станет. Но вы, невозможная Дуня, выказываете ко мне полное персональное небрежение. Что ж! Вы добились своего, пронзительная женчина. Во мне даже аппетит до харчей исчезнул. Служба тоже самое страдает. А служба есть вещество сурьёзное, для обчества. Но вы мне тута разные миловидные намёки подаёте, несостоятельная Дуня, а сами потом — в кусты. Так прощайте же. Удаляюсь, как дым. Оставайтесь в одиноком своём непотребстве. Ухожу навсегда, не попрощамши как следоват...

Задом, задом — и скрылся за углом дома.

Вздыхает Дуня: «И куды ж это он направился, подлый изменщик? Пойду-ка взгляну одним глазиком на евоное удаление, да плюну вослед».

Безразличная Дуня на цыпочках крадётся вдоль стеночки. До угла докрадывается, и только носик свой за

угол заворотила — как тут же и столкнулась с противоположным носом, с писаришкиным.

Оба фыркнули. Отскочили друг от дружки.

Один глаз у Васьки смеётся, другой в романтизме пребывает.

— Какое натуральное счастье, — говорит, — на кажинном шагу попадается! Обратно вы, безразмерная Дуня!

— Ах, ах! А это вы? — испугивается счастливая Дуня.

— Да вот, извольте видеть, снова тута... А чего это рукавчик у вас как-будто бы замаравши? Дозвольте чистоту глянца произвести, бесподобная Евдокея...

Вот ведь обхожденьице! Политес, называется. Государь Пётр Алексеевич повелел так, а не иначе, как бывалоче совершенно по-хамски: без разговору цоп девку за толстые бока — и Вася не чешись, и девка успевай лишь, повёртывайся. Что ж мы — азияты какие-нибудь, чтобы, например, одна репа и без разговору?

II

Государь Пётр Алексеевич мало сказать, что осерчал, нет, его кинуло прямо-таки в тихое, то есть без ломания мебели, бешенство. Глаза круглые, кошачьи, выкатил, усы ошетирил, губы задёргались... Не подступись!

— Экая же ты дурища, Катерина! Хуже последней полковой маркитантки. Пошла вон!

Екатерина опустила на колени перед супругом. Одним пальчиком царёво колено погладила, точно пробуя на жар калящийся утюг. Исподлобья, снизу вверх, поглядывала: как там усы великодержавные, дёргаются ли ещё во гневе или передых позволили?

Пришла-то к супругу весёлая, ароматная, ямочки на щеках. В руках свёрточек атласный, с кружавчиками. В свёрточке — Елизавета Петровна, четвёртый ребенок или «четвертная лапушка», как державный родитель навеличивал. Взяла с собою для смягчения государева нрава, чтобы не случилось так, как вчерашним днём.

А вчерашним днём вот какой пронзительный случай образовался.

Любимая екатеринина фрейлина княжна Дашка Апухтина перепелёнывала Елизавету Петровну, да тут ей под руку сама матушка-государыня подвернулась.

— Ты бы, Дашка, сперва руки помыла, что ли, — сказала Екатерина Алексеевна и нахмурилась. — Да ногтищи обрежь. Да парфумою побрызгай под мышками. Почто же ты, Дашка, в самом деле, некультурная такая?

И расплакалась княжна Дашка:

— Матушка, да отколь же мне, бедной девушке, напастися денюжек на мыло духовитое? У меня вить не то что на мыло с парфумою, но даже на чай с сахарочком средствиев недостаёт. Вот и нонче, как вчерась и позавчерась, не токмо што не помывши, но даже чайку не выкушавши... Каково мне?

Сжалилась государыня, доброе сердце, отходчивое:

— Остановись, Дашка, слёзы капать на Лизыньку. Будет тебе бесплатное мыло из дворцовой конторы. Также и чай.

— С сахаром? — уточнила княжна.

— Экая ты, право, корыстная... Ну, ладно, положу тебе цукер в довольствие... Да ты пеленай, пеленай Лизыньку. Кажись, снова обсалась четвертная наша лапушка.

Вечером Екатерина Алексеевна заявила к супругу с просьбою. И тот взбеленился:

— Ах ты, курвица! На святую имперскую казну замахиваешься? В разор пускаешься? Не позволю! И сиди в своих покоях тише мыши! И девок своих фрейлиновых прищеми! Не то сам на твоей территории примусь порядок наводить. Ишь ты, чего удумали, сучки-вонючки, сахару захотели...

— Петенька, дак вить...

— Никаких петеньков, когда с самим императором разговариваешь!

Супруга-то мягкая, послушная, словно подушка, а тут упёрлась.

— Скуповатенький вы, Пётр Алексеич, на семейное удовольствие. А сами бог весть на что капиталы употребляете. Пуговики разные...

— Какие пуговики?

— Медные. На солдатских мундирах. Сама вчера видела у караульщиков Преображенских. А нашто, Пётр ты наш Алексеич, столько пуговиц на рукавах? Там и застёгивать-то нечего.

— Опять дура! Это чтоб сопли рукавом не вытирали...

Точно. Именно с таковой целью замышлялась государственная военная реформа, новация стратегическая. Раньше оной введены были в обязательное употребление утиральные платки — не прижились платки. Так ведь не законопатишь же наглухо обширные солдатские ноздри! Вот и придумали в военной коллегии: пуговицы на обшлага, авось, утрётся служивый разок-другой таким рукавом, да нос обдерёт до крови, да тут же и вспомнит, что на сопливую надобность платок назначен, персональный, точно ружьё и сабля.

Но самое главное вот где засело. Иноземных генералов шапками не закидаешь, соплей не перешибешь, и не полезно противника умалять, ибо не сладка и не почётна победа над слабосильным придурком; русские-то и научились бить врага только потому, что их самих в своё время крепко бивали, но вот учились — и научились, так не грех и дальше поучиться, даже в мелочах солдатского быта, если оные послужат пущей престижитаии армии российской; а то что ж? служба солдатская — не сопли на кулак мотать, сидючи на печи, мундир гвардейский - не зипун, не армяк с опояскою, но символ доблести воинской. Блюди! Соответствуй великой империи славой и честью! Без рукавов сопливых...

— Ладно, Катерина, не ной. Пиши прошение на моё высочайшее имя, по всей форме. Чай там, сахар... Завтра же подашь мне бумагу на всемиловейшее рассмотрение...

...И вот сегодня — рассмотрел. Пером набрызгал: «Фрейлина твоя чаю не знает, сахара не ведает и приучать не надобно». Обидно царице.

— Пошла вон, — сказал ей Пётр; хотел вослед добавить «патетическая женщина», однако раздумал и сказал проще, короче, душевней и вразумительней. — Дурочка.

III

Пётр обустроивал столицу на удивление всему миру.

Не скоро эта сказка сказывалась. То есть, не просто скоро, а — на рысях! Утром сказал, к полудню дело закурилось, а к вечеру, глядишь, уже и слажено.

Привезли в Санкт-Петербурх слона. Через несколько месяцев умер бедный индийский гость. Медицинские профессора сказали: от алкоголизма. Как так? А вот так.

Служители относились к слону слишком по-человечески, поили вволю заморскими винами из дворцовых погребов, «для сугреву», чтоб не поморозился ушастый на северных холодах. К тому же интерес: как это он ловко осушает полные бадьи специальным хоботом, будто бы нарочно приспособленным к питейному делу! Вот и вышло скоропостижное: служители-то ничего, не поморозились, а слон околел, против служителей слабеньким оказался. Говорят, шибко ревел перед кончиною, мадеры требовал.

— Что ж вы, подлые люди, безвинную животную похмельем мучили? - гневался Пётр Алексеевич. — Небось, не отошала бы казна!

— Дак вить оно как было-то... Винца-то под рукою не оказавши к тому несчастному моменту... А служители-то и вовсе были спавши, потому как упивши... малость... для сугреву..

Для наказания дураков императору никогда не хватало одной палки. Потому он и держал при себе изрядный запас, весьма прикосновенный.

IV

Для встречи иностранных послов выбрали место подходящее: бережок на стыке Невы и Безымянного ерика. Здесь в короткие сроки построили Летний дворец, и сад вокруг заложили.

Пётр Алексеевич размашисто прогуливался по будущему парадизу, чуть ли не в каждую яму нос совал, встречных-поперечных то в щёки расцеловывал, то палкою охаживал. Какой-то посланник едва поспевал

подпрыгивать за императором, вослед шагам его журавлиным.

— Как соизволите называть, ваше величество, сей дивный сад?

— Да так и будем именовать, как дворец, Летним. Ты вот погоди, посланник, сам увидишь, ежели я проживу ещё три года, так буду сад иметь получше, чем у французского короля в Версале... Вот тут на берегу поставлю галерею. Три галереи! Прямо с моря к этим галереям будут яхты с послами причаливать. И ты, посланник, причалишь, коли в те поры ещё останешься посланником, а не сопьёшься... Эй, господа садовники! — Это Пётр уже парковых мастеров приветил. — И куда же вы сию аллею тянете?

— А как раз туда, куда люди уже протоптали тропинку, Пётр Алексеич. В европах всегда так, что дорожки прокладывают не по рисованному плану, а туда, куда сами ноги ведут. Людишки-то не шибко уважают, чтобы по плану ходить, особо у нас, любое своё путешествие спрямяют. Манера у них такая.

— Ну да? — весело оскалился Пётр. — Уж так и спрямяют?

— Истинно так.

Крякнул царь — досадливо:

— Эх, заморцы! Опять нас опередили! Так ведь это они у нас насобачились дороги-то спрямлять! Ну, довольно, господа хорошие! Лопнуло моё терпение. Маленько разорюсь, но поеду к ним, специально и самолично посмотрю, какие они там дорожки топчут. И прусский Фридрих-Вильгельм, и Георг английский, и Карл германский, и французский малолетка Людовик...

V

В город Париж Васька Хворобьёв выбрался в 1717 году, в свите государя.

— Что ж я, рыжий, что ли?! — горделиво похвалялся.

Нет, не рыжий. Русый. А если бы рыжим был, так никуда бы и не выбился — в полном соответствии с высочайшим указом, запрещавшим рыжеволосым занимать

ответственные посты и быть свидетелями в суде... и пышные парики, до той поры обузные, пошли нарасхват.

Итак, Версаль. Тут лишних слов не надобно: чудо дивное.

— А у меня лучше будет! — вскрикивал Пётр Алексеевич. — Васька, шельмец, ты тут не сопи понапрасну. Всё, что углядел и услышал, записывай, зарисовывай, все ихние планы в Россию потащим, для отечества любезного приспособим.

Однако же недолго император пребывал в весёлом кураже. В Королевской библиотеке сник и замолчал. Губу прикусил.

Античные статуи тому виной. Эти беломраморные боги и богини...

— А у меня ни одной нету, — вздыхал Пётр. - Даже миньятюрной... Вот ведь какое несчастье выскочило неожиданное. Вроде жили без этих статуй, не тужили. А теперь уж не могу по-прежнему.

Впрочем, долго вздыхать он не умел.

— Васька! Пиши указы всем российским послам. Искать мраморы по всему свету. В Венеции, Англии, Италии, Голландии, Франции, по всему миру! Колонны, фигурки алебастровые, вазы и другие посудины. Но пуще всего — статуи!

— Поломатые тоже брать? — осведомлялся Васька.

— Брать всё подряд, сколько руки загребут. А дома разберёмся. А кто из послов не загребёт... пусть пеняют на себя, дармоеды!

...Российский посланник в Риме капитан гвардии Юрка Кологривов помимо особых государственных полномочий опекал русских студентов. Это было крайне беспокойным делом. Студенты — они везде студенты, но ежели они ещё и русские, то хлопот прибавлялось всем странам, правительствам и дипломатам: любознательность вчерашних московских и питербурхских школяров, приправленная чисто детской непосредственностью, порой угрожала нравственным установлениям целых наций, доселе благополучных; на мирные же увещевания властей юные дарования реагировали слабо по незнанию местного языка и юридических пунктов, а с обидчиками своими

разделялись без пунктов и учёных диспутов, по-своему, по-стародедовски: шпажонки ихние тощие об колено — хрясь! — и аргументировали кулаками, выращенными на отечественных незатейливых харчах, на щях да каше, слава богу, — прямолинейная пища...

Вот капитан и наблюдал за молодыми орлами, наставлял уму-разуму и деликатному обхождению с заморскими державами, воспитывал, одним словом. Но не всегда одним. Приходилось и по-стародедовски.

Бретёр, ёрник, хохотун и бабник, хитёр, не дурак выпить и закусить хоть макаронами, хоть наихрустейшими огурчиками, к тому же ни черта не боялся и обожал драку. Дипломат!

Чистить зубы студентам — дело нехитрое, рутинное, ни полёта фантазии, ни упоительного куражу. Но вот он явился, ветер перемен: Фортуна фартовенькая, превосходительный папаша Кураж, всеблагая мадам Авантюра! Виват государю Петру Алексеевичу!

Капитан Юрка Кологривов с ещё большим упоением принял к исполнению царский указ, когда был извещён о том, что розыск древних диковин должен сопровождаться строжайшей тайною. О, тут уже пахло большой политикой, а это, милостивый государь мой, совсем не то, что сопатки студиозусам поправлять!

Дело с сугубой секретностью состояло в том, что папа Римский Климент и его первый министр кардинал Оттобони решительно пресекали любые попытки вывоза иностранцами из Рима античных сокровищ.

И посему папские шпионы не дремали.

VI

«Милостивая Государыня Евдокия Порфирьевна! Должность обязывает меня открыть вам то, что я скрывал очень долго. Я люблю вас, но живую, а не мумию! Если это вам противно и несерьёзно, то я принужден буду впасть в отчаяние. Но по чести, что может быть несправедливее, как видеть вашу красоту — и не влюбиться по уши? Любовь есть всегдашняя дань красоте, а кто смотрит на нея хладнокровно, тот отнимает у ней должное уважение. Возможно ли, что вы не в состоянии терпеть приписываемой вам похвалы и что до сих пор не

привыкнете к лестным об вас отзываам, не смотря на то, что оне летят к вам со всех сторон? Если вы не переменитесь, то со временем принуждены будете терпеть большие неприятности. Что касается до меня, Милостивая Государыня, то я удивляюсь вам более всех. Может быть этим самым я и досаждаю вам также более других. Извините меня, если моим признанием умножу ваше неудовольствие. Но признаюсь, что не в состоянии погасить в сердце моём того чувствования и почитания, с коими пребуду до гроба навек. Закон справедливости требует, чтоб и вы были признательны. Сия признательность должна увенчать тот пламень и ту искренность любви, с коими я имею счастье остаться вашим, Милостивая Государыня, всепокорнейшим слугою, каковым является секретарь миссии Василий Хворобьёв из города Рима».

VII

Подумать только: Рим! Рома!

Представить только: Верона, солнце и шпаги!

Венеция - красные плиты древнего фамильного замка, закат, море!

Как сейчас помню: в одна тысяча семьсот девятнадцатом году...

Странно, что меня там не было.

Очень жаль.

VIII

В городе Риме виноградное вино пьют даже дети. Но вино всё равно не кончается.

— Дар солнца бесконечен! — восклицал хозяин трагтории синьор Сальвадоре.

Васька слушал и закусывал. В самом деле, не всегда же ему только записывать. Он иногда и отвлекался:

— Студню давай!

На что хозяин виновато разводил руками. .

— Господи, что за нация! — поражался Хворобьёв. — Студню нету! Варвары.

Но синьор Сальвадоре лишь улыбался в ответ. Улыбался и сочинял сказки.

...на бледно-зелёном листе салата нежились крошечные маринованные шампиньоны в окружении кусочков куриного мяса, а с краешку вытянулся сочный артишок с бордовыми лепестками бризаллы...

— Это сушёная телятина, — пояснял синьор Сальвадоре, а синьор Хворобьёв усердно записывал.

...а на другой тарелке посередке выложены горкой розовые креветки «джамбо», обжаренные в оливковом масле, а по кругу разместились шесть раковин, внутри каждой, под золотистой корочкой запечённого сыра и сметаны, спрятались по несколько ярко-жёлтых моллюсков, именуемых мидиями, и всё это художество spryснуто лимонным соком, увенчано маслинами и полито соусом...

— О, соус! — восклицал синьор Сальвадоре. — Что такое соус? Соус есть вершина поварского искусства, синьор Васька. Если архитектор прикрывает свои ошибки фасадом, а врач — землёй, то повар — соусом!

Синьор Васька строчил и строчил.

...смешивают оливковое масло, свеженькие куриные яйца, лимонный сок, добавляют луковую выжимку, белое вино и красный перец... Спаржа непременно! И тогда такой соус превратит обыкновенный медальон из баранины с чесноком и рисом в необыкновенное чудо. Можно взять и попроще: мясо с кровью и лимоном - произведение жгучее, страстное, роковое...

— Роковое? — переспрашивал синьор Васька. — Ладно, так и запишем. А где суп?

...суп из целого лобстера, который ещё утром плескался в море, а сейчас он невесом в прозрачном бульоне с жемчужинками плавающего жира, там ещё кружатся белые нежнейшие ломтики омара, огуречная «соломка», м-м-м... вкус моря со сливками, пальчики проглотите, впрочем, оставьте ваши пальчики в покое, живыми и невредимыми, поскольку вас уже ожидает благоуханное филе из камбалы...

— Эта сволочь одноглазая? Надо же!

...филе из камбалы, гарнир из макарон с морскими гребешками «гратен» и соусом из петрушки... Но если вы, синьор, очень торопитесь, если дома вас ждут жена и голодные дети, то вы можете обойтись всего-навсего блинчиками, фаршированными кручёной телятиной...

— Мы называем их каталлони. А студню нету, синьор Васька, — разводил руками Сальвадоре. — Я очень сожалею. Но ведь вы мне расскажете, как оно делается, не правда ли? Веселей, Василий! Будет день, будет и пицца!

IX

Сальвадоре Фриччоли достраивал в пригороде Рима новый дом — рядом со старым; в старом ещё проживал с многочисленным семейством, а в новый уже гостей приводил, похвастать.

И был устроен в этом доме салют наций!

Звенели бокалы. Варился студень. Смеялась жена, у неё были хорошенькие чёрные усики. Звенели бокалы. Варился студень. Жена плюнула в кипящий котёл со свиными ножками и ушла в старый дом, забрав с собою всех ребятишек. Звенели бокалы. Варился студень...

Кончилось это дело совершенным безобразием в духе аристократических оргий ещё того Рима, древнего, времён императора Нерона.

Проснулся Хворобьёв неохотно: лучше бы вообще не просыпаться. Весь в макаронах. В голове туман. Во рту болото. В душе ничего. В руке свиная нога. Это в левой руке. А по правую руку...

— Свят, свят, свят!

А по правую руку - баба. Голая. Уже не дышит. И вся холодная.

Через пару часов Хворобьёв рассказывал капитану Кологривову:

— Поначалу аж весь до кончика испужался, ей-богу! И чего ж это, думаю, натворил по пьянственному делу! Женчину задавил до смерти! Всего меня так и перекособочило! И тут же рядом этот Сальвадор валяется! Ну, думаю, всех на месте порешил...

— Ты, — перебил капитан, — докладывай не про думы свои дурацкие, а про статую. — Капитан торопился, он уже ходил взад-вперёд на пружинистых ногах. — Ну!

— А чего докладывать? Статуй как статуй. Её Сальвадор откопал на своём огороде, когда новый дом закладывал. Женщина неизвестной нации. Без рук. Но всё равно чижолая.

— Мраморовая?

— Сказать в точности не могу. Но шибко похожа на те хфигуры, которые в библиотеке парижского короля Людовика стоят и государю нашему приглянулись до полной невозможности терпения. Белая женщина, гладкая, всё у ней наружу...

— Поехали!

Торговались долго. Хвастались, унижались, льстили, возносились соколами, вились змейками, били друг дружке по рукам, плевались, расходились — по кругу, по новому кругу: хвастались, унижались... Русские миссионеры всё больше матерились, а синьор Сальвадоре всё больше жестикулировал.

О, этот удивительный язык жестов!

Вот римлянин делает серию энергичных движений поднятой кистью руки, при этом внутренняя сторона ладони направлена в сторону партнёров — и партнёры совершенно по-русски понимают: проваливайте, дескать, уходите прочь! — и разворачиваются фасадом наоборот.

— И куда же вы разворачиваетесь? — вопит взволнованный римлянин.

И тогда его русские оппоненты тоже начинают жестикулировать: совершают призывные движения кистями так, что при взмахе внутренняя сторона ладоней обращена к самим себе: иди, мол, сюда, дорогой!

И римлянин в полном отчаянье хватается за голову.

О, этот загадочный язык жестов! Что у русского «пошёл вон!», то у римлянина значит «иди сюда!» И — наоборот.

Откуда ж было знать нашим героям, что итальянский жест призыва во-первых, должен быть замечен издали; во-вторых, у смуглокожих людей внутренняя сторона

ладони более светлая, чем внешняя, и поэтому видна на большем расстоянии...

Когда с грехом пополам разобрались, то втроём весело посмеялись, словно выпили и торговались уже недолго: 196 талеров ваши, каменная баба — наша. Арриведерчи, синьор Сальвадоре, хороший ты мужик, хоть и произошёл от вертлявой нации и махаешь руками не на русском языке...

Х

Кологривов в тот же день отписал в Санкт-Петербург: «Купил статую мраморовую Венуса старинную и как могу хоронюся от известного охотника».

Под «известным охотником» в дипломатической переписке скрывался папа Римский Климент.

— Бди, Васька, — предупредил капитан Хворобьёва с энергичной русской жестикуляцией указательного пальца перед самым васькиным носом. — Днём и ночью вместе с Венусом, стереги, глаз не спускай. Не то шкуру спущу и папюсу Климентусу сурпризом отошлю!

В ответ Васька указательным пальцем левой руки оттянул глазное нижнее веко, что по-итальянски означало: «осторожно!»

Белое, чистое, гладкое, нежное... Кое-где тело статуи было покрыто тёмными пятнышками, но сколько ни старался Хворобьёв вывести их с помощью мокрой тряпочки, не исчезали. Авань, столичные мастера отмоют, не беда. А вот рук отбитых, увы, так и не вернёшь на место. Впрочем, капитан сему не огорчался.

— Хоть, — говорил, — и частичная у нашей Венус целомудренность, однако же всё равно дорогого стоит.

— Да может её и вовсе безрукой из камня вырубил, — вслух размышлял Хворобьёв. — Почему бы и нет? Чем чёрт не шутит...

Капитан построжал лицом:

— Не болтай лишнего! Вот этим (капитан показал на статую) чёрт не шутит. Это шутки богов, синьор. Понял?

XI

Кологривов совершил роковую ошибку...

Обнаружив на скульптуре мелкие, едва заметные глазу трещинки, он решил так:

— Перед отправкой в Россию непременно надобно подремонтировать нашу Венус. Всенепременно! Иначе в пути, не приведи господь, треснет на ухабах да развалится. Дорога-то дальняя.

Хворобьёв сопротивлялся:

— Не пушу до Венуса никаких ремонтёров! Чего это ради? Чтобы кто-то нашу богинюшку чужими лапами лапал? Не дам. А повезу, коли приказать изволите, самолично. Укутаю Венус, наблюдать заместо няньки буду, не допущу развала.

— Да ты чего это, Васька? — посмеивался Кологривов. — Гляжу на тебя, вроде трезвый, а речь будто пьяная. Уж не влюбился ли часом в прелестницу каменную?

— Влюбился, не влюбился... Вот те крест, не в этом пронзительность, господин капитан. Но по чести признаться, так некоторые чувствования питаю.

— Ага! Ну, и как тебе от того питания? Не отощал? Или, может, наоборот, переполнен? Так опять врѣшь. Полная телега не дребезжит. А ты чего-то дребезжишь, синьор Хворобьёв Василий. Забываешь начисто, подлец, что наша Венус не для единоличного употребления, а для блага всего отечества нашего назначена. Пошёл вон!

И — отмахнулся от упрямца прощальной кистью, по-русски. А упрямец понял этот жест совершенно по-римски, устремился к капитану... губы дрожат... слёзки на колёсках... Конечно, капитан исправил свою ошибку и поманил Хворобьёва к себе, после чего тот удалился в печали, несказанной по причине субординации.

Но эта ошибка — не ошибка. Ошибка была впереди.

Нанял-таки Кологривов ремонтёра, местного мастера ваятельных дел синьора Легри.

Мастер трещал, как сорока. Он был восхищён беспредельно. Уж он-то понимал толк в искусстве! Его грубые, в шрамах и ссадинах, пальцы порхали, точно смуглые бабочки.

— Как восхитительно! Святая мадонна! Как трогательно!

Правда, Хворобьёв не разделял восторгов Легри. Больше того, с самого начала занял глухую оборону вокруг статуи и принялся почём зря пугать мастера какими-то карами небесными и земными, да вдобавок ещё и хлопал по заслуженным мастеровитым рукам:

— Хочь оная девица Венус и есть натурально трогательная женчина, но трогать не надо. Нехорошо. Это всё равно, что покойницу шупать. Так что, смотри глазами, господин хороший, а руки свои римские убери отсель к чёртовой матери! А то вот щас как наебну по сусалу, так и придётся тебе памятник самому себе на могилку заказывать!

Легри решил не рисковать жизнью, отказался от ремонта. Но, очарованный древней богиней любви и красоты, растрезвонил о дивной находке по всему городу. Эта страстная, с глубокой старины восхищённая, нация никак не могла молчать в подобных обстоятельствах.

Кардинальские шпионы поймали слух и представили его начальству. Начальство припало к туфлям «известного охотника» с донесением срочной и особой важности, после чего римский губернатор Фальконьети направил стражников туда, куда надо, статую арестовали, несмотря на львиные прыжки нескольких русских миссионеров, и поместили в самом скрытом уголке Капитолийского сада, где в тишине и аромате веков дремал папский музей античных сокровищ.

ХII

...И призвал к себе Пётр Первый птенца гнезда своего Савву Рагузинского, славного мастера по особым поручениям и тайным миссиям.

Кто выкупил из султанской неволи и привёз в Россию арапского мальчишку Ибрагима, позже, между делом и потехою, ставшего крупным военным инженером? Литератор Рагузинский, автор единственной, но прелюбопытнейшей книги «Советы премудрости».

Кто был первым иностранным вояжёрром, явившимся в только что отвоёванный Азов по Чёрному морю, которое

турки считали «яко дом свой внутренний», и помимо товаров привёз России верную надежду на новый торговый путь? Сербский купец Рагузинский.

Кто, проживая в Константинополе, оказывал неоценимые услуги российским посольствам, снабжая их информацией о намерениях султанского двора? Российский шпион Рагузинский отлично справлялся с тем, что было не под силу дипломатам пронырливым.

Кто нанимал на русскую службу галерных мастеров и лучших венецианских скульпторов Каррадини, Кабианку, Тарсиа, Бонацца? Дипломат Рагузинский.

Кому, наконец, Пётр доверил такое дело деликатное, как сватовство своей племянницы за одного из итальянских принцев? Да всё ему же, Савве Лукичу Рагузинскому.

Локоны до плеч, бравые усы, огромные чёрные глаза, кавалерская лента через правое плечо, на левой стороне груди — орден российский за важные заслуги...

— Читай, Савва Лукич, — сказал Пётр и протянул бумагу из Рима, от капитана гвардии Кологривова.

Заболел с горя Кологривов. Отписывал так: «Пусть я лучше помру, чем моим трудом владеть станет папюс Климентус».

— Ну, что, мой верный Савва? Не дадим помереть Юрке Кологривову?

Рагузинский подмигнул: не дадим, Пётр Алексеевич.

— Бери себе в подмогу нашего посла венецианского Беклемишева и — с богом, Саввушка!

Так началась новая миссия: кто кого перетянет? Римский папа Климент XI или российский папаша Кураж, коему в анналах мировой истории весьма затруднительно сыскать порядковый номер.

ХІІІ

Ещё в глухом четырнадцатом веке от рождества Христова жила в Шведском королевстве простая, разумеется, шведская женщина по имени Бригитта. Исправно вела домашнее хозяйство, ласковая жена, добрая мать, отзывчивая соседка. Овдовев, одна поднимала на ноги восьмерых сыновей, вырастила их в полном уме и

здравии и проводила в самостоятельную жизнь. Но, оставшись в совершенном одиночестве, загрустила, запечалилась, как это бывает со всеми матерями в мире. Вот тогда она и постриглась в монахини францисканского ордена. Прославилась строгостью, благочестием, редким аскетизмом и мистическими сочинениями. Умерла в Риме.

В предместье Ревеля (ныне Таллинн) в её честь основали женский монастырь, куда и перевезли останки почившей в бозе. К тому времени монахиня была уже канонизирована — в самом конце века. Причисленная к лику святых, Бригитта стала называться Шведской, а мощи её нетленные превратились в одну из главных святынь католического мира.

Спустя три века (в 1710 году) во время войны со шведами армия Петра захватила и Ревель, и монастырь, и мощи святой Бригитты в качестве военного трофея.

Папский престол и весь католический мир безутешно оплакивали потерю.

А русскому царю уже несколько лет надоедали интенданты:

— И куда ж нам эти женские мощи приспособить, Пётр Алексеич? Лежит на складе ящик, пылищу собирает, место занимает... и вопче!

— Цыц! — отмахивался Пётр. — Нонче мне не до мощей! Однако же пусть и дальше лежат в бережении и полной сохранности. Ещё придёт время тряхнуть мощами.

И время пришло.

XIV

Папа Римский принял Рагузинского с Беклемишевым при полном параде.

Атласный подрясник — стихарь парчовый — пурпурная епитрахиль — мантия с капюшоном, отороченная соболиным мехом — белые чулки — туфли красного бархата с крестами, шитыми золотом... Голову венчала трёхъярусная золотая тиара, усыпанная драгоценными камнями, — символ церкви страдающей, борющейся и побеждающей...

Святой престол, земная юдоль наместника Божьего!

Долго ли, коротко ли накручивал Савва Лукич неперменные дипломатические вензеля — не в этом суть. Суть состояла в следующем: «А давай-ка, ваше святейшество, махнём не глядя? Вы нам — языческую идолицу Венус, а мы вам — мощи святой Бригитты Шведской, потерю коих католики всего мира по сей день оплакивают, бедные!»

И от таких нежных слов, выраженных, разумеется, на ином, на дипломатическом языке, у его святейшества даже тиара закачалась, все три этажа разом. Ибо: Савва Лукич сразу загнал папу в тупик. Савва Лукич обезоружил папу. Потому что Савва Лукич был великий хитрец. Сделав предложение об обмене, Савва Лукич поставил папу перед выбором: язычество или католичество? А итог-то выборов для Саввы Лукича был уже ясен, заранее предreshён, дело было только во времени.

Но Рагузинский не был бы Рагузинским, если бы пошёл на поводу у времени.

Рагузинский — капитану Кологривову:

— Сделаем такую шпуку, уважаемый. Распространим по всей Италии и далее, во всех пределах мира католического, слух о моём предложении папе Римскому касательно обмена святых мощей на поганую языческую чучелу. Пушай все дети церкви Христовой узнают об оном и возрадуются, да примутся ожидать папского слова с должной нетерпеливостью, да той же нетерпеливостью своей самого папу вынудят к скорому решению. И он обменяет. Куда ж ему деться? В ином случае римский популюс не поймёт попа своего главного, святого понтифика.

Капитан Кологривов — Хворобъёву:

— Вперёд, сын отечества синьор Василий! Ходи по городу и болтай языком походя денно и ночью. В помощники даю всех студентов моих. Ребята способные, горластые. Ещё навести как бы по случайности кабатчика Сальвадора. И про паскудного трепача Легри не забудь, пушай распространяется в нашу пользу. Ступай, да надолго не загащивайся.

И папа капитулировал.

Впрочем, кардиналы Оттобони и Альбани ещё пытались под разными предлогами удержать Венус в Капитолийском саду. Тщетно!

Савва Лукич вручил в собственные руки Оттобони благодарственное письмо от императора Петра Первого и высочайший презент: восковой бюст монарха, выполненный в Санкт-Петербурге Карлом Растрелли. Кардинал остался в полном восторге от такого подарка, раскрашенного под натуральный колер — прямо-таки совсем живой человек, только что неподвижный, неразговорчивый.

— А парик и усы, — пояснял Савва Лукич, — есть самые натуральные волосы, состриженные придворным куафёром с государя нашего.

Кардинал сердечно благодарил. Рагузинский раскланивался:

— Надеюсь, восковой наш император Пётр в самый раз придёт к месту в Вечном городе, где уже имеется и собор святого Петра, и площадь с тем же именем...

(Позже, гораздо позже этот бюст дважды сменил владельцев, а в 1861 году был выкуплен, отправлен в Россию и ныне находится в Эрмитаже).

XV

«Капитану от гвардии Кологривову. Венус в Санкт-Петербург морем не отправлять. Сие опасно потоплением. А везти на мулах, как называют по-италиански летиною, то есть качалкою. И так до Инсбрука, а оттоль водою до Вены, а в Вене адресовать её господину генерал-майору и капитану от гвардии Ягужинскому, которому мы писали, чтоб он сделал для оной статуи карету покойную на пружинах и отправил до Кракова, а от Кракова можно отправить паки водою, и для того пошлите с нею доброго провожатого. Пётр».

XVI

Передохнём, любезный читатель. Дорога-то дальняя, не правда ли? А Впрочем, и то верно, что какая правда, такая и дорога.

Через два с четвертью века после описываемых событий искусствовед-эксперт Наталья Соколова неустанным голосом докладывала командующему 1-м Украинским фронтом маршалу Коневу о том, в каком ужасном состоянии находятся обнаруженные в нацистском тайнике картины Дрезденской галереи.

Маршал нервничал. У него была уйма неотложных маршальских дел. Но эта «экспертиза», прибывшая из Москвы, была настойчива.

— Поймите, товарищ маршал, какой кошмар! Сырость, плесень... и мыши! Ужас! А ведь там находится сама «Сикстинская мадонна»! Если она погибнет, весь мир осиротеет!

Маршалу сделалось как-то не по себе. В конце концов, что это такое: мир осиротеет? После такой чудовищной войны миру сиротеть уже больше некуда...

— Хорошо. Что вы предлагаете, товарищ Соколова... Наталья Ивановна?

— Нужна срочная, самая срочная эвакуация всех сокровищ в Москву, на реставрацию. Дорог каждый... минута!

— Так, — сказал маршал. — Значит, каждый минута. Дело ясное. Я готов немедленно предоставить вашей мадонне свой личный самолёт. Ещё есть вопросы?

Соколова побледнела.

— Как самолёт? Да бог с вами, товарищ командующий Иван Степанович! Что вы такое говорите? «Сикстинскую мадонну» — на самолёт? Да человечество не простит нам, если вдруг...

— Никаких вдруг. Это отличный самолёт, опытный экипаж. Я, к вашему сведению, сам на нём всё время летаю. И не боюсь.

— Но вы же простой маршал, а она... мадонна! — воскликнула «экспертиза» и устремила руки трепетные туда, где, по её мнению, предполагались силы небесные.

Ивану Степановичу стало жарко. Иван Степанович захмыкал. Иван Степанович переводил взгляд с лица Соколовой на её руки, и потом взгляд следовал по незримой линии дальше и выше, от кончиков пальцев до... туда, где что-то предполагалось, но там был обыкновенный

безбожный потолок, белёный известью... Вот — вопрос! К кому обратиться, если ВКП(б) запретила бога? А ведь так хочется спросить иногда: «Господи, почему же тебя нету на этом свете?»

Маршал расстегнул воротник. Ладонью пошоркал мощный красноармейский череп, обритый наголо. Встал. Сел. Снова встал. Снял трубку полевого телефона. Бросил трубку...

— Есть хотите, Наташа? — спросил.

Женщина растерянно молчала.

— А то давайте перекусим? Заодно всё обсудим в подробностях. А ребята мои тем временем займутся подготовкой наземного транспорта. Ребята у меня способные, не сомневайтесь. Сделают всё так, как надо. Можем и железной дорогой отправить, можем и автоколонну организовать. А? Присаживайтесь. Дорога-то дальняя, не правда ли?

«Экспертиза» смотрела на маршала — снизу вверх, жалко и виновато. Она только сейчас вспомнила, что третий день у неё не было ни крошечки во рту. И отказаться от приглашения не могла.

И она улыбнулась странно чарующей улыбкой, торжествующе виноватой. Внутри этой улыбки была другая, а в той другой — тоже другая... Никто не заметил множественного числа одной женской улыбки. Никто не заметил. Кроме Мадонны.

XVII

Подумать только: Санкт-Петербург!

Представить только: чугунное оцепенение гранитных набережных, выстрелы стремительных проспектов, город-парад, город-оркестр, каменный пузырь, вздувшийся из чухонских болот, хрустальный ковш для кислых щей, солонка изумрудная, фарфоровая ваза ночная... ну и пусть! на задумчивых ночных горшках обмысливался русский экзистенциализм.

Представить только: лапти, вальсирующие по дубовому паркету... псковские и новгородские деревянных дел мастера во дворцах полы укладывают и вонючей мастикой натирают... гавот, говорите? менуэт, говорите?

так это у нас запросто! дамы — туды, кавалеры - сюды, потом все разом на середину кидаются — и понесла-а-а-ась...

Как сейчас помню: в одна тысяча семьсот двадцатом году...

Как это ни странно, я там был.

Какой восторг!

XVIII

Ещё прошлым летом сад оживился фонтанами, и Безымянный ерик стали именовать Фонтанкой.

Центральная галерея у входа ожидала гостью желанную, первую в России античную статую.

Явилась зима, северная продувная бестия, а внутри, за перепончатыми, словно стрекозиные крылышки, венецианскими окнами, держалось тепло. Уют лелеялся почти домашний. А наипаче — деревянные бочки с деревцами нетутошными: «тутовым семейством», как утверждали в один голос академики-ботаники, после чего дрались по поводу конкретного названия одного и того же вечнозелёного тропического растения - одни именовали его смоковницей, другие инжиром, третьи по-латыни *figus*, а четвёртые по-русски фиговым деревом... Пётр заливался смехом.

Сюда, в центральную галерею, и прибыли: господин Хворобьёв — на косых каблуках, тощий, как пёс, озабоченный великой миссией сопровождения, и Венус - в ящике, плотно набитом деревянными стружками.

Распаковали. Хворобьёв в одном лице производил впечатление целой толпы шумом своим и одновременным присутствием в разных делах: он и статую оберегал со свирепой нежностью, покуда её возводили на высокий постамент, он и прочь отгонял всех любопытствующих, и покрикивал начальственно, выпихивая уж совсем лишних зевак за порог, да то и дело к дверям метался:

— Ходят тут, холоду напускают... А мировое сообщество нам не простит, коли наша Венус от надутого холоду треснет! Пётр Алексеич, гони ты их всех взашей!

Император, ухмыляясь, послушно исполнял приказания Хворобьёва.

В тот же день, зимний-презимний, по бокам Венус встали два гвардейца Преображенского полка с саблями наголо. Караул назначался круглосуточный.

— Стоять не шелохнувши! — наставлял Хворобьёв. — Даже не как вкопанный, а как, например, скажут: замри! — вот так и стой замритый... замёртый... как статуя соответственный!

Он, конечно же, и караульное дело прибрал к своим нежным рукам. Сначала ему шибко не понравились сами гвардейцы. Один, оказывается, неприлично сопел, другой усишками дёргал, третий косил глаз на обнажённую женщину, четвёртый — так и вовсе реагировал вожделенно, с воздыманием плоти...

— Солдатик ты, может быть, и умственный, — резюмировал Хворобьёв, — но касательно любви возвышенной ещё полный дурак дураком.

А сам-то всё смотрит на Венус и смотрит, и насмотреться не может на попутчицу свою ненаглядную, и точно немой делается при таком смотре, когда не только что все дикие слова в голове пропадают, но даже некоторые культурные, например, галдарея, асамблея, евдокея...

Горничную Дуню, девушку пафосную, Хворобьёв, между прочим, ещё не видел. Да и не спешил, по правде говоря. Венус забирала все его заботы, время и интересы.

Вообще, с Хворобьёвым нечто, то есть что-то, происходило. Люди заметили. «Ступай, Васька, в Расею, а то уж весь наскрозь обдурился», — так проводил Хворобьёва капитан Кологривов.

Да кто ж осудит? Дуня-Евдокея? Генерал-прокурор? Или сам русский царь? Дудки. Цари-то ведь тоже не тем, а этим миром мазаны — от сей поры и до начала времён, когда жизнь, и только жизнь, становилась единственной и главной победой... Древние мифы сказывают: одинокая скука одолела Пигмалиона, царя Кипрского, и выточил он из слоновьего бивня фигурку прекрасной Галатеи, и влюбился в неё, и взмолился богам — может в шутку, может всерьёз — чтоб даровали они жизнь его досужному и нечаянному рукотворству, а боги шуток не понимают, а

боги с любовью вообще не шутят — взяли и оживили фигурку, и стала вышедшая из слоновьей кости прекрасная Галатеея человеческой женой и родила дочку Пафос... Вот в чём весь пафос, товарищи! Вот в чём, господа, смысл и суть одинокого заточения царя, дерзнувшего жить художником, и художника, по-царски расточительного в своих вечных желаниях, хотениях, капризах и многоярусных настроениях, сверху донизу, снизу доверху... Ну, вот вы, люди и джентльмены, и скажите ему: весь наскрозь обдурился. А ему наплевать на ваш приговор. В чаяниях своих он бродит. Он бродит, как виноград в чанах виноградаря. Он создаёт шутку нечаянную. Потом эта шутка создаёт человеческое в человеке, и он целует себя в затылок, когда настолько приближается к идеалу человека, что, кажется, человек как таковой будто бы исчезает, и остаётся один идеал, снова недостижимый... А между тем — Дуня, вечная Дуня. Она снова плачет: человеческую женщину на нечеловеческую променял, коварный изменщик...

XIX

Столица гудела — на свежем воздухе, вокруг галереи.

Старики, аристократичные, словно белые грибы-боровики, — и молодёжь, как опята, шустрые, вездесущие и горластые не менее дедов своих.

Вопят, топают ногами, трясутся, плюются: ругая ругают царя-антихриста обрितые по принуждению приверженцы старины боярской.

— Дьяволица белая! Анахтема окаянная!

— Явилася, курва, мараль наводит на благочестие наше исконное!

— А закопать обратно эту девку Фенус в древний рым!

— А гляньте-кось, православные! Вить даже камень — и тот весь матом покрывшись!

— Да это, однако, не матом, — засомневался кто-то.
— Это мрамор италийский так запотел в наших местностях.

— Цыц, пашенок!

Вопят, топают ногами, свистят: нахваливают и славословят императора всероссийского.

— Виват государю Петру Алексеевичу!

—А по чести сказать, господа гренадёры, так меня хлебом не корми, а подавай культурность. Разрази меня гром на этом самом месте! Уж такой я, братцы, до культурности ужасно охочий человек. Ага!

—Соблазно-то соблазно, — засомневался очередной кто-то, — но удовольствия наслаждения никакого. Одно глазное наблюдение и умственное потужение.

— Цыц, мин херц!

А один, неприкаянный, всё ходил и ходил, и всё допытывался: и с чего тут объявилось такое веселье, когда драки нету? От стариков батогом по башке получил, от молодых тычок под ребро, а всё ходил и ходил... Покуда генерал-прокурор самолично не вмешался - по уху. Тюкнулся вопроситель носом в грязный затоптанный снежок, а обе стороны со смеху за бока хватились:

— Вона, какой восторг накатило на вопрошальщика! Сногшибательный!

Где-то в гуще толпёжной уж нешуточная потасовка затеялась. И вот - пошла стенка на стенку. Любо!

Пётр Алексеевич хохочет, тех и других подзуживает.

Екатерина же Алексеевна оставалась в галерее, в креслах покойных. Она не обращала внимания на людей входящих и выходящих. Она неотрывно созерцала Венус. Смотрела пронизательно, оценивающе, по-бабьему, сиречь по-женски: как ревнивица на соперницу.

Шептались послы — полмира в Пальмире Северной.

А посреди всей этой круговерти — Венера. Что ей до какого-то суетливого порханья, называемого «вернисаж»? Ей, пережившей века! Струятся на плечи локоны, сброшены одежды, она готова осторожно пощупать воду кончиком ноги, как это делают все купальщицы, и ступить туда, в праматерь и колыбель. Что ей зима? Венере не зябко. Красивые женщины, обнажаясь, никогда не мёрзнут.

...В зимнем Летнем саду накрыли столы для народа. Гуляли дотемна. Плясали. Пили. Ковшами. Пирогоми заедали.

В Летнем дворце тоже гуляли. Плясали. Пили — под устрицы — фантастически много, за исключением господина Хворобьёва, который не пил фантастически ничего.

Как-то так нечаянно, за перезвоном кубков, бокалов и стаканов, академики завертели философско-теологический диспут о непримиримом антагонизме язычества и христианства, однако спор вскоре угас, да и не было, пожалуй, никакого смысла спорить в том случае, когда распоследнему питуху досконально известно: даже наихристианнейший застольный стакан истуканом языческим оборотится, коли этого пожелать и взглянуть на посудину питейную с последней верой в надежду на любовь.

XX

Осталось досказать немного: что будет тогда, когда это «будет» превратится в «было».

Вот камень. Разный: и краеугольный; и тот, который отвергают строители; и тот, который за пазухой; и тот, из которого долотом убирают всё лишнее, чтобы однажды поразить мир скульптурным шедевром... Камень. По-гречески — литос. Он, под который вода не течёт, лёг в основание древнейшим векам и дал название не только им, но и буквке-литере одинокой, и литературе.

Вот Пётр. В переводе с греческого — каменная скала, утёс. Похоже. Камень, ставший именем. Имя, ставшее словом. Слово, ставшее делом. Окно, говорят, прорубил... Ну, да! Окно, оказавшееся чуть ли не единственной русской недвижимостью, которую то закрывали, то открывали... Про двери, между прочим, забыли. А какой же нормальный субъект будет пользоваться окном вместо двери? Либо соблазнитель, либо вор, либо дурак... Стремительно скачущий во главе стремительно скачущих, Пётр постоянно спотыкался всегда на одном и том же месте — подобно гексаметру. Что же это за спотыкачка?

После загадочной смерти Петра Венеру переставили из галереи в специально построенный грот в Летнем саду. До настоящего времени он не сохранился. Там статуя простояла несколько десятилетий.

Твой римский профиль,

горький,

словно глина...

Вероятно, к ней, как на службу, каждый день приходил странный старик. Возможно, усаживался на принесённый раскладной стульчик и помалкивал о своём с утра до вечера, точно часовой на посту. Может быть, там же, на убогом стульчике, и отдал богу душу свою — в тишине, с уверенной улыбкою на уже остывшем, рельефно окаменевшем лице. Наверное, о том умолчали бастионные пушки Петропавловской крепости.

Потом явились пышные времена бабьего царствия!

Екатерина Алексеевна Секунда (сиречь, вторая) — так называли императрицу на римский манер, а по-русски — без манер, без инвентарно номерного маневрирования, чего уж мелочиться широкой российской душе! — Великая, на веки вечные. Так вот, эта «секунда, великая на веки вечные», с казной государственной не церемонилась. Многочисленных своих ночных императоров оделяла щедро, по-русски, и против этой сказочной щедрости даже ни разу не пискнула её, Софьи-Фредерики-Августы, экономно-педантичная, аккуратна-хозяйственная, кухонно-бережливая немецко-прусская бюргерская натура... Историк Казимир Валишевский не затруднился составить задним числом платёжную ведомость фаворитизма.

«Пять братьев Орловых - 17 000 000 руб. Высоцкий-300000руб. Васильчиков - 1 000 000 руб. Потёмкин - 50 000 000 руб. Завадовский - 1 380 000 руб. Зорич - 1420 000 руб. Корсаков - 920000руб. Ланской - 7 260 000 руб. Ермолов - 550 000 руб. Мамонов - 880 000 руб. Братья Зубовы - 3 550 000 руб. Прочие фавориты - 8 500 000 руб. Итого - 95 500 000 руб.»

По большому счёту жили. Копеек и рублей не признавали. В ход шли сотни тысяч и миллионы. Называется — округление.

Из самых высокооплачиваемых — граф Григорий Александрович Потёмкин, Григорий Прима (Секунда — святой чёрт — появится через много лет, уже при агонии всей царской фамилии). Мужик дюжий умом и телом. По натуре своей — из отчаянных петровских гвардейцев. По времени — петров птенец в кукушкином гнезде.

За покорение и присоединение Тавриды к России получил к фамилии почётную прибавку «Таврический» с присовокуплением роскошного дворца; там благоухала редкостными тропическими растениями чудная оранжерея. Дворец тоже стал Таврическим. И Венера — Таврической.

— Была, — шутовал народишко, — римская, сделалась крымская.

Перед тем, как подарить фавориту статую для зимнего сада, Екатерина Секунда долгое время присматривалась — и к ней, и к себе, то ли на рыночный манер, то ли просто по-женскому обычаю, сравнивала, как ревнивица соперницу. И решила: по всем статьям живая баба слаще каменной, к тому же императрицы в огороде не валяются.

Твой горький профиль,

римский,

словно глина...

А потом воцарился сынок ея Павел. Этот загадочный «русский Гамлет» был одним из самых образованных российских царей, с прекрасным художественным вкусом, с неподдельной любовью к литературе и искусству. Но этой любви помешала ненависть — к матушке, ко всему, что так или иначе было связано с её именем. И Таврический дворец стал кавалерийской казармой. Венеру переместили на склад... клад... кладбище. Складбище.

В год смерти Пушкина... (по гражданскому чину: IX класса, титулярный советник, равный армейскому капитану, его благородие; по чину придворному — званием камер-юнкер, V класса, комнатный дворянин, кавалер придворный)... в год смерти Пушкина в Зимнем дворце случился великий пожар. Три дня гулял вволюшку красный петух, оставив после себя лишь обгоревший остов. К зиме квартирмейстеры и камерцалмейстеры Придворной конторы восстановили здание и обратились с ревизией на дворцовые склады — для обновления интерьеров, авось, там заваялось что-нибудь подходящее. В пыли и паутине нашли Венеру Таврическую. Без рук! «И куды ж оне отвалились, окаянные?» ...Искали — но не нашли.

В середине века статую перевезли в Эрмитаж.

Она и поныне там.

А у ног ея, «дщери гордого Рома», — во всём своём пёстром евразийстве сосуществует постоянная «спотыкачка» державного (опять же — романовского!) отчима — Россия: любовь и проклятие всей жизни Петра.

И глина горькая,

как римский профиль...

А ещё хранится в Эрмитаже одна диковина интимно-деликатного свойства, недоступная для публичного обозрения, о которой, смущаясь, рассказал-таки старший хранитель музея Андрей Иванович Сомов. Давно рассказал, ещё до Октябрьской революции... Впрочем, по порядку. Екатерина Секунда почитала светлейшего князя Потёмкина не только за государственный ум, но и за особое качество, которым, согласно римской мифологии, отличался бог Приап. И вот, глядя однажды на безрукую Венеру, императрица, небось, так рассудила: безрукая женщина — всё равно женщина, а вот у мужских статуй статус особый, хрупкий, ибо помимо рук, ног и носа у них имеется ещё одна конечность, без которой, ежели отломится, статуя теряет признак пола... И порешила императрица сосредоточиться на главном, на этой штучке, штучке, штучковине. И по высочайшей воле безымянный скульптор изваял из воска точную копию прижизненной потёмкинской штучки, этакий штык для штучера, в полной боевой готовности, со всеми отличительными особенностями, даже с родинкой — для утешительных воспоминаний императрицы, для назидания обмельчавшему потомству... К тому времени матушка-государыня махнула рукой на такое потомство и увлеклась молоденькими камер-фрейлинами.

Ну-с, что ещё? Был упомянут Карло Растрелли. Карло родил Бартоломео. Оный Бартоломео (Варфоломей Варфоломеевич) построил в России Зимний дворец, Смольный монастырь, Екатерининский дворец в Царском Селе, Большой дворец в Петергофе, Андреевскую церковь в Киеве.

— Как трудно творить в России, — жаловался обер-архитектор, — где рабочие ленятся, мастера чертежей не читают, а чиновники кроме взяток ничего иного знать не желают.

Так и умер разобиженным. Могила затеряна.

А ещё мелькнул в нашем рассказе арапчонок Ибрагим. Он стал большим человеком. Абрам Петрович Ганнибал! Так и слышится: Древний Рим, Карфаген, тяжёлая поступь пыльных легионерских сандалий, бряцание щитов, рёв боевых слонов...

Абрам родил Осипа. Осип женился на Марии Пушкиной, и эта Пушкина стала Ганнибал; и родили они Надежду. Надежда Ганнибал вышла замуж за нового Пушкина — Сергея Львовича, и стала Пушкиной, и родили они Александра Сергеевича... Того, кто в конце жизни однажды озлился не на шутку: «...чёрт догадал меня родиться в России с душой и талантом!», а ближе к трагической гибели, кажется, успокоился: «...история долга, жизнь коротка, а пуше всего человеческая природа ленива, русская природа в особенности».

Александр Сергеевич родил Александра. Александр родил Наталью. Наталья родила Марию. Мария родила Наталью. Наталья родила Георгия. Георгий родил Веру. Вера родила Юлию... В иркутской квартире Юлечки на стене - два портрета: поэт Пушкин и красавчик Леонардик ди Каприо, кинокумир девочек-подростков, из нашумевшего, самого «кассового» фильма конца двадцатого века «Титаник»...

XXI

Это, любезный читатель, не нумерация главки. Это нумерация нового века. Уже рукой до него дотянуться не составляет труда. Третье тысячелетие: история всё ещё начинается.

*И глина римская,
как горький профиль...*

Иркутск, 1999

**ЦИТАДЕЛЬ ДИКСОНА,
или
Избранные места из романа «Августейший
сезон, или Книга российских календ»**

Во вступительной статье к оригинальному изданию Виталия Диксона «Цитадель: Страницы минувших книг» (2008) иркутская журналистка и литератор Анастасия Яровая приводит забавный диалог, состоявшийся между ними.

Во времена оны спросил меня как-то Виталий Алексеевич Диксон: «Это как же жанр в современной отечественной журналистике называется, коим ты злоупотребляешь для читательского просвещения?»

«Какой такой жанр?» - удивилась я.

«Да вот такой, состоящий из надёрганных цитат».

Поскольку жанра такого (тем более в современной отечественной журналистике) нету, пришлось тут же его выдумать.

«Цитатница!» - сказала я, гордая новоизобретённым словом, в котором отражалась моя страсть к сладкому (а Диксон – на десерт).

«Кому цитатница, а кому и цитадель», - фехтовально изрек Диксон, мгновенно расставив иные ударения с акцентами.

Ударения при этом могли бить по голове, отчего акцент появлялся неизбежно...»

Как читателю, мне нечего добавить к этому диалогу, да и незачем. Но, опять же - как читатель, я имею честь продолжить время звучания диалога и не отказывать лично себе в неприятном удовольствии поместить подборку, на мой взгляд и вкус, шикарных диксоновских текстов в моём «собрании пёстрых глав».

Г.Г.

Счастливые люди, вопреки расхожему мнению, очень даже наблюдают часы и даже минутки с мгновениями, несчастные негодуют на вечность, но, между тем,

мгновение неуловимо и каверзно, а вечность ещё никогда никого не подводила.

Стихи не комментируются. На то они и стихи. Погода тоже стихийна. Её все обещают, обещают, обещают... А она – стоит! Иногда она всё же меняется, но в основном пребывает в стоячем положении. А в той погоде — идёт снег. И дождь идёт. И время идёт. И процессы идут. И – процессии. И проценты набегают. И глаза бегают... Всё – в погоде. Движимое в недвижимом. Наутилус, понимаете ли, помпилус.

Никто в мире так не обожает подполья, как среднестатистический русский мужчина. А в подполье – как в подполье: на главном месте – политика. Гонят её, сучку, в первую очередь, а уж во вторую – самогон, тюльку, прокламации...

Вечность держится на пустячках... Вот колесо. Пустячок. Пустота. По существу, дырка. Но это такая дырка и такое существо, от которых зависит: повезёт человеку или не повезёт? Впрочем, колесо не только для везенья предназначено.

Вот почтовый рожек – мелочь, скорее символ, чем мелодия. Бах сочинил опус, тему которого и задал звук почтового рожка, и сочинение не умаляет ни рожек, ни Баха; оно публику умоляет: послушайте же...

Земля. Скрипит, но вертится в неисчислимых фуэте. Она делает своё дело – вертеться. А скрипение Бог простит. Это уже его дело – прощать: и планету старенькую, и фрактальную геометрию Бенуа-Мандельбротта, которая нахально проникает в замысел Божий.

Человек с вопросами есть человек неудобный, иногда даже более опасный для государственных устоев, чем человек с ружьём на большой дороге к светлому будущему

Это всё вы, дымократы хлёбанные, довели меня до такого всячего факта, что стал как пижама. Меня! У которого шевиотовый синий пинжак весь в рыгалиях Советского Союза, что даже нету свободного места для следующей награды родины...

Жушать хочется? Хочется. Такая первобытная традиция. Из этой традиции произошёл человек, конкретно – я. Не считая крупный рогатый скот. Коровы тоже мычат, дотаций просят. А в израильских киббуцах, между прочим, коровы дотяся в аккурат по Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, без всяких дотаций. Это как понимать прикажете?

Жизнь и смерть, а посредине Минздрав с приёмным покоем. Кому оно нужно, такое здравоохраненье, когда нету никакой разницы между приёмным покоем и вечным?

На кой мне такая власть, если ихние советы мне никак не соответствуют ни по мясу, ни по молоку, ни по профилю характера? Если все ихние советы – против моей шерсти?! Нет уж! Долой, как говорится

– Генеральный президент обещал же: не повышу, говорил, цены, на рельсы лягу...

– Наивная ты женщина! На рельсы надейся, но сама не плошай. А президент России – это тебе, между прочим, не какая-нибудь Анна Каренина, чтобы на рельсы...

Обрушилась на населённый пункт оглушающая тишина. Чёрно-белые дни и ночи. Санитарный покой. Гипсовая неподвижность. И тяжелейшее давление от того, что вдруг начинаешь понимать: в стерильности ничто не рождается – ни Анна, ни ангина, ни ангидрит натрия... всё какие-то прапорщики цвета хаки да известия как гашёная известь.

И лишь в воскресенье, в чёрный вечер, на замершие и изнурённые ожиданием кварталы снизошёл бесшумный, как свет, снег – белый вальс, совершенно растерянный вальс нашей юности акварельной, хрупчайшие звёздочки царя Давида, условно выпавший в осадок поэт Додик Звенигородский... И зазвенел город от той великосветской снежности.

Снег шёл встречными потоками. Неуверенный в себе, он обычно падает. А уверенный – о, это ещё тот снег, скажу я вам! Он воспаряет от земли к небесам, по кратчайшему пути, словно пузырьки в боржоми.

Белое наваждение ложится неосмотрительно, но вполне основательно, как гекзамер.

Кто такой средний хибаровчанин? Об этом ещё Пушкин очень хорошо сказал, давно сказал, но и для нынешних

времени точно да к тому же и коротко, так, словно бы российский гений лично посетил наши палестины, элизиумы и вавилоны с пепелищами; включишь уют, а оттуда всенепременное: Пушкин, Пушкин, наш вкладчик неоценимый...

Любит Пушкина средний хибаровчанин, хотя именно о нём и говорил когда-то вкладчик неоценённый: не мог он ямба от хорея... и так далее, тут уж мы сами можем успешно продолжить аттестацию среднестатистического хибаровчанина: не мог хорея от еврея, не мог еврея от Харлея, не мог он Гегеля от Канта, не мог костюмчик от Диора, не мог он бабу от души, не мог он свадьбы без баяна, не мог он спирт без стакана... Короче, как мы ни бились – а уж бились-то мы как! – но он, наш дорогой хибаровчанин, не мог. Много чего не мог позволить, чтобы как-то отличиться хотя бы себе самому. И покуда ничего не домогается, потому что недомогается-то в первую голову ему самому. На всё способен, но ни на что не годится, потому что хоть и готов на всё, но не знает: на что именно? Вот такой он немогучий, человек в обстоятельствах, а обстоятельства такие, что дай Бог не каждому. Немогучий – и точка: капитанская точка, точка зрения, точка опоры, точка невозвращения, точка над Я... Так жизнь идёт и проходит. А поступь тяжёлая, точно у Командора известного, и губы обветрены, как паруса, и душа невесомо-невесёлая. В общем и целом, обыкновенный среднестатистический российский доброхот. В сущности, – тот же Дон Кихот, только Дульсинея у него Тобольская. А завивы доброхота – не от безумия, наоборот, от ума, но ума ленивого и нелюбопытного, перегруженного: уж слишком много прошлого в его текущем настоящем.

Москвичи пытаются вернуть городу старые названия – Остоженку и Хамовнический вал, а сами вовсе не понимают, из-за чего весь этот сыр-бор разгорелся, и, считая вал городской границей между чистой публикой и хамами, пытаются решить спор не властью аргументов, но аргументами власти; и ещё того не понимают, бедные, что хаму всегда находится место в ковчеге, что Хамы – во все времена есть Хамы, категория хоть и вечная, но ничего общего не имеющая с хамовниками – ткачами, полотнянщиками, скатерниками, которые жили в этом

районе бок о бок с высокородным графом Лёвом Николаичем.

Бедный, бедный Князь. Профиль лорда, а с фасаду – морда, это и есть актёрское лицо, истёртое гримом, истерзанное заёмными страстями. Авоська с бутылкой кефира, пребывание в каком-то невразумительном, семисезонном пыльном пальто... – всё это, конечно, мелочь несущественная, потому что талантливый человек, а уж тем более гений, может позволить себе любую внешность. Был бы талант...

Ах, если бы между ними, двумя артистами, находился в это время всемогущий, всесторонне образованный и триединый во всех четырёх измерениях бог Саваоф! Всё-то он видит, всё он слышит, всё до каждой пылинной мелочи знает, хотя и не скажет, подобно официально-государственной статистике, о своём знании никогда-никому-ничего – ни о чём – ни за что. Земной душе, во всяком случае, не скажет. Наверное, в этом молчании и состоит поднебесная тайна его высокомерия. Но если бы вдруг случилось явленное чудо, и если бы он, велемудрый, заговорил, то сказал бы непременно, намоленное и ожидаемое: да будет вам, ребяташки! полно вам маяться, довольно казнить и терзать друг дружку взаимными попреками! живите так, как было задумано в первые дни творения...

Но в той огромной стране, где жили-служили Князь и Шурик, не было Саваофа. Был Досааф, который не признавал никаких объяснительных мерехлюндий ни на низком, ни на высоком уровнях. Он, если хотите, являлся кузницей кадров. До церемоний ли в кузнице, до мелочей ли жизни, когда позарез нужно подковать миллионы юных бойцов-ворошиловцев?! У него лишь одно в цене, у Досаафа-то: тренаж, номер, прицел – рви победу!

Во всех пределах-беспределах убиваем мы время, по большому счёту и по мелочам, просто так, за фук, за фиг с маслом, всегда и везде. Но, кажется, только в России образно убиенное время так взаправдашно кровоточит: «неостановимо, невозстановимо хлещет жизнь». Потому как – и попили, и попели, и полютовали всласть, и пострадались, и Нострадамус со своими мрачайшими пророческими катренами вовсе не причастен к скорби

городов каменных и деревянных деревушек, хотя и попал в нас своим угаданием самым банальным образом, методом элементарного тыка, и попал точь-в-точь, тютелька в тютельку. Попасть-то не сложно: Россия – тютелька преогромная, в неё невозможно-таки не попасть – как пальцем в небо, как в овчинку, стоящую выделки, как мифотворцу – в золотое руно аргонавтов... Ах, кабы не эта вязкая неохватность, возможно, и досталась бы России участь быть страной вечных и жизнерадостных мифов – от «родины слонов» до «лампочки Ильича». Однако, её чудовищная безбрежность небрежна и неодолима, и любые мифы, рождённые в ней, оказываются не вечными – увечными, с одного боку их жарким песочком заносит, с другого – жгучим льдом охватывает... Какой Васко-да-Гама отважится на плаванье по такому средиземному горю? Какой Леонардо-да-Винчи решится на масляные штудии в зоне рискованного земледелия? Лишь Иван-да-Марья, да конь-работяга, понурый от понуканья, да всеобщая кормилица Лизка, со звёздочкой во лбу, круторогая и крутобокая, точно каравелла, и с глазами мадонны, у которой украли ребёночка, а взамен подкинули вечность – чтобы страдать о нём... Роковой урок. Не урок даже – урочище. Урочище Всех Скорбящих. Бездна. Без дна. Без крыши. Светлое пятно в чёрной дыре. Космические ветражи, от сильных до умеренных. Ветреный путь мимолётных снежинок. Россия... Судьба.

О, если бы ухо могло ухахатываться! Нет, не может, не его это дело.

Карусель. Эта забава с деревянными лошадками или лодочками, изобретённая Великой французской революцией одновременно с гильотиной... Эта бесконечная гонка по полосе, замкнувшейся в кольцо, в ленту приснопамятного Мёбиуса... святая троица – строй – новостройки – тройки, от костюмчика до трибунальчика – три танкиста в соображении на троих – трибуна как символ вечно живого обморока – трое великопостных старцев в именительном наречии, в винительном падеже – падение Трои к подножию пустопорожнего коня, начинённого гвардией – путешествие на три буквы – три торчали в подъезде и призывно помахивали пальцами – три топали на Плющихе и никого уже не призывали – а вон еще, в

лодочке, на деревянной лошадке, серой, в яблоках, – кто-то с законченным триппером, кто-то с недописанным триолетом, кто-то со стеснительной конфигурацией из трёх пальцев, которая не обязательно является знаком моления и благословения... а кто-то, баритонистый, вдохнул вдохновения, а выдохнул такую херню, что деревянная лошадка вздрогнула, осыпая на предместье белые яблоки со своих боков... Вот, кажется, ещё миг – и грохнут копыта, и капут копытам! Но зато сбегут лошадки, и вырвутся на звенящую волю из цирка, где всего-то и дороги, что «от церкви к церкви», от колокольни до колокольни... Но – нет! Явился дядя, пьяненький, мокрощёкий, с родным фиолетовым глазом, и пошли за ним доверчиво лошадки, недалеко пошли, на дрова, и горели не хуже книжек...

Русская карусель – отсель и до завтрашнего упора.

Сочинителю не остаётся ничего иного, как поверить в такую гипотетическую сонату «а ля фантази» как смычка города с деревней... а смычка эта – явление грустное и несуразное, вроде пригорода; при всей грусти и несуразности российских городов и деревень, пригород чудовищен уже только потому, что там народная песня сочетается браком с городским романсом и рождается какой-нибудь ущербный солист Рубашкин или, ещё пошлее, компания малининых с мармеладзе...

Да неужто Русь и взаправду была когда-то тройкою? Не трёшкой ли до получки? Тут ведь, между прочим, или одно, или другое должно быть, не то что с Сочинителем. Или Россия – или Росинант, кляча, которую какой-нибудь очередной романтический придурок гонит на ветряные мельницы... А ещё – всерьёз ли сказано: какой же русский не любит быстрой езды в незнаемое? А дороги? Боже праведный, если то, что под нами, называется «дорога», так что же тогда означается словом «невезенье»? В России даже дорогам не везёт, ну, а ежели и развезёт, то вопрос «куда?» есть вопрос наиглупейший... Нам дороги эти забывать нельзя, равно как и везенье с невезеньем, и рай в районе, отдельно взятом за фук, западло, за рупь делов, за яблочко раздора... рай, где оружие пролетариата нашлось место всего лишь за пазухой да на душе, а дороги не бульжником вымощены – мощами нетленными

святителей, несших вольный язык на неготовую к святости Русь, которая от той почесушно-раздумчивой неготовности поспешила разом впасть в пасть жуткого мира химер и василисков, в лапы нового, орденосного язычества – и променяла свободу на осознанную необходимость...

Качаются колыбели в согласии с кораблями, баюкающими дальние моря. Корабельные сосны. Колыбельные сны. Причитания искони. Коньки-горбунки. Горькая попутная констатация: чем больше лошадиных сил приходится в государстве на душу населения, тем меньше остаётся лошадей. Уж редко-редко, точно в старой кинохронике, мелькнёт мужик с сивкой-буркой. И тот – не тот, и этот – не этот. Мужик-то ещё ничего, щёки аж со спины видны, навроде вещественных доказательств: не в коня корм пошёл, мужику достался...

А Русь нараспашку, как влюблённая девушка, летела навстречу – рысью! Россия: ласковая беспощадная росомаха, мать мятежа. Россия: росные лужайки, купоросные подвалы, просёлочные россыпи, улица Росси. Россия: рассеянные Руссо и русые русалки-щекотихи, похитители бардов. Россия – со своими Россини и Росинантами. Со своим керосином. Со своими английскими замками и булавками, французскими булками, брюссельской капустой, бенгальскими огнями, аргентинским танго, персидской сиренью. Россия – со своими американскими горками, немецкими овчарками и афганскими борзыми, шведскими спичками, стенками и сексом. Россия – со своими шпанскими мушками и армянским радио, канадскими затылками и индийскими гробницами, летучими голландцами и голландскими же сырами, берлинскими сажой и лазурью, колорадскими жуками и эзоповым языком. Россия – с собственной волынкой на темы шотландских материй. Россия – со своими римскими и арабскими цифрами, с «японским богом» и каплями датского короля, швейцарскими часами и швейцарами на часах, финскими ножами, сказками Энского леса, вавилонским столпотворением, горем луковым и лукулловым пиратством, израильскими визами, византийскими визави, совковым селяви... и даже со своей вымученной китайской грамотой, в которой наших-то

мудрецов ещё и конь не валялся... Ох, а уж те мудрецы, хитрованцы в наглухо засекреченных шёлковых халатах! Как же такстряслось, как же этак получилось, что не мы, урождённые скифские князи, а они, лакированные мандарины с косичками, догадались оживить календари своей жизни скачущими, ползущими, летящими, плавающими собратями меньшими и, возможно поэтому, придумали такое, от чего даже и не знаешь – то ли плакать, то ли рыдать: человек измеряется не с головы до пят, но с головы до неба...

Деньги! Деньги! Чего вы их боитесь? Не надо, товарищи, пугаться того, чего у вас нету.

Водка, конечно, есть враг народа. Но ведь прекрасно известно, что народ наш никогда врагов не боялся.

Водочка, по научным наблюдениям химика Менделеева, автора рецепта классической сорокаградусной, пьётся из гранёного стакана особенно удачно, доверительно и задушевно: примешь с утра двести граммчиков – и весь день, как говорится, свободен, и душа твоя вся нараспашку, точно влюблённая девушка, и эхает душа твоим собственным голосом, и аукает, отзыва страждет... Славянский фундаментализм: пить – так пить.

Спокойной ночи, страна... И витает витийство витиеватое, гоголевское: «Благочестивые люди уже спят» – и секретари крайкомов, и простые налогоплательщики. Лишь одни бендешки, вроде нашей, бодрствуют. Да ещё, вероятно, армейские часовые... Бедные! Им и спать охота, и родину жалко. Однако, с другой стороны, получается, что чем больше спишь, тем меньше устав нарушаешь. И часовые идут спать.

А ничего особенного! Полстраны лежит. Полстраны сидит.

Недостойн ты потустороннего мира и райской жизни. Сигарет тебе надо, бабёшку, трусы праздничные, того, сего... Пошёл вон! Живи дальше...

Я с Антипатией состою в гражданском конфликте. Я говорю ей: сделай мне такое телодвижение, чтобы у меня вместо пессимизма моментально образовалось всё наоборот. Так она что? Она берёт в руку швабру...

Кто-то из призадумавшихся высказал преславному историографу Николаю Михайловичу Карамзину прелестное по своей кротости предложение: как бы этак устроить, милостивый государь, чтобы покороче, то бишь не распространяясь мыслию на двенадцати томах, но экстрактно и афористически, изобразить отечественную историю, а? Карамзин надолго задумался. Потом изобразил:

– Воруяют, господа, воруяют.

Вопросы к такому ответу могли бы составить том тринадцатый. А самый скачущий на языке вопрошец – вот он, точно чёртик лукавый: так чего же господа рот-то разевают, точно вороны? О, не спешите, не спешите отвечать с уверенностию. Ибо в каждой вороне наверное вор сидит, а на воре случается шапка Мономахова, которая потому и не горит синим пламенем...

Увы и ах! С каким сладострастием, с каким расчётливым вожделением, достигавшим порою подлинных вершин высокого художества, отдавалась Русь искусам воровского искусства! «Воруяют!» – к этому, пожалуй, и добавить более нечего, кроме одного: и веруют. Пословицами да поговорками отмечено: вору не божиться, так и праву не быть; вор слезлив, а плут богомолен... Это уж так, так, куда ж денешься. Насколько воруяют, настолько и веруют. В двух глаголах всего-то и есть разница, что две восхищённые буквы местами поменялись, однако же от сей рокировки буквальный смысл оборотился если уж не в роковой, то, по крайней мере, в самый что ни на есть романический: «На затуманенном стекле Заветный вензель О да Е»...

Ну, а как же с заповедным «не укради»? Никак. А что же с упованием «богоносного народа» на веру православную, на завет апостола Павла: «...ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» – что? Тоже ничто. Хочу – проглочу, а не хочу, так и выблюю библию...

А насчёт патриотизма я тебе вот что скажу, милый друг и боевой соратник. Может быть, действительно я где-то в чём-то преувеличиваю. Но я делаю это, как сознательный микроскоп, чтобы такие вот, как ты, увидели, наконец, и осознали болезни, которыми страдает нация. И ещё: как

только становится жрать нечего, так у нас сразу же начинают вопить о патриотизме, чести и достоинстве.

Вот и подумашь нынче: что же такое на Руси есть «вор в законе» – клеймо позора или почётный титул? А после череды послереволюционных правителей может показаться, мало сказать, напрасным, но ещё и совершенно диким стремление мало-мальски порядочного человека доводить до совершенства любую мелочь жизни, когда весь мир несовершенен. Не спокойней ли будет, в таком случае, обзавестись каким-нибудь уютным пороком и жить, обеспечивать себя как можно более мелкими недостатками; жить-поживать хоть и с печатью печали на челе, зато в неторопливом камерном величии, с видом на зарёванное, как плач палача, зарево предстоявшего, но так и не представшего светлого будущего. Да и зачем оно, это будущее, если уже имеется вполне достаточный прожиточный минимум: стеариновое свеченье, лодка с весёлыми весёлышками, узаконенная вечная зависимость тени и эха.

– **Я** думала, что ты босяк, – сказала Сара Сэру. – Но я глобально ошиблась, потому что с тобой жить – это всё равно как об стенку гороху накушавшись. Нет, ты не босяк! Ты просто идиёт...

– Того быть не может, чтобы в своём отечестве – да без вора жить. Вор – он навроде пророка. А что ж это за страна такая получится, в которой красть нечего? Тогда уж и не страна вовсе, а местность. И никакого в ней могущества, никакого закону в ней. А закон кто создаёт? Вор! Поняла, пролетарка штопаная?

– Идиёт, – сказала Сара и заплакала. – Дзержинского на вас нету...

– Не смей меня, мадам. Эти слёзы у тебя ещё от российской социал-демократической рабочей партии.

– Ты, Ваня, не вздыхай так шибко и преднамеренно, – сказал Помиранцев, – а то ведь даже меня, старого коммуниста со стажем, слеза прошибает, и партбилет дыбом встаёт от твоих слов, а мне этого нельзя. Мне разобраться положено, как ты завяз в любви по колено.

Это ты правильно выразился, что пора. А без поры – что ж? Без поры одна суета, беговня, сплошная суматоха,

вечная поспешка и толкотня. Какое же в беговне может быть очарование жизнью? Никакого. Хоть ложись и помирай.

– Кто-то должен сказать первым, – нашёптывает подушка, переминаясь в смятении. – Давно, брат ты мой, давно пора сказать какому-нибудь человечку какую-нибудь приятность...

И, случается, подушковладелец говорит: по телефону, по секрету, по душе, наобум лазаря, в глаза, в лоб и по лбу, на ухо, на брудершафт... И после сказанного он чувствует себя обновлённым. И жить ему снова нестерпимо хочется, и кружку пива испить не отходя от очереди, и вернуться к поникшей покинутой женщине, и подраться с негодяем, которому ещё вчера вынужден был подавать руку...

Слово оно и есть Слово, само по себе, по себе само. Оно ни в чём не виновато, ибо оно выше человека. Виновата речь, подвластная человеку.

В таком случае, что же такое для язычника бог, апостол и пророк?

Слово – отец, речь – сын, язык – дух святой.

Вот на нём-то, на языке, и держится вся духовность наша.

Но вначале всё-таки – власть Слова.

В извечной тоске по государственности российский народ, как белочка в колесе, из века в век кружит по трём кругам ожиданий. Сначала он ждёт власти, потом – ждёт чего-то от власти, затем – уже ничего не ждёт, кроме новой власти, кроме круга первого. Но всякая власть приходит с вождями вожделенными и уходит с ними же, кроме власти Слова, лечащего и убивающего...

О, бог мой! Бог молодой и весёлый! Как грустно, как неуютно без тебя на этой сумеречной земле! Ибо: никогда при джентльменском наборе из ста граммов на доньшке, солёного огурца и «беломорины» не получится более-менее приличной вакханалии.

Так бывает: состояние человека между тишиной и звуком. Вот это и есть время истинного моления. А на русском языке так и вообще удобней молчать, потому что чужие боги охотнее всего внимают иноверцам.

У вас ведь что сегодня на дворе? Социализм с человеческим лицом. Это сомнительный социализм. Во-

первых, наш Сочинитель в одном только Хибаровске насчитал множество лиц, физических, исторических и тому подобных. Много лиц! Это должно означать, что людей много, всяких и разных. А один человек не звучит ни гордо, никак, вообще не звучит, и в поле он не воин, потому что – воевать-то ему с кем? не с кем, разве что самому себе морду набить.

Что являлось главной задачей Луки и Матфея? Вывести родословие назаретского плотника Иосифа к корням царя Давида. Они постарались и вывели. Но, спрашивается, зачем старались? Для кого? Иосифу это родословие не нужно. Богочеловеку – тем более. Дело-то логически наипростецкое. Если Иисус – сын Иосифа, значит, он из рода царя Давида, но это также означает, что он, Иосифович, не сын бога. А если всё-таки Иисус есть сын божий, так, значит, он не Иосифович и не из царского рода. Тогда зачем огород городить из полуста поколений?

Пушкин-то наше всё остальное, кроме нас самих.

(Рассуждения Каптанки): Да, так вот, думаю я о странной фразе, которую кричал невозможный пессимист Шопенгауэр, когда злился на проделки своего пуделя: «Стыдись! Ты – человек!» Ну, я не знаю... Такое может сказать только человек, ошеломлённый собственной совестью. Но! Мне кажется, что сочинял Шопенгауэр всё же не для собак, а для людей. И на этом построена вся так называемая «собачья литература». Она слезу вышибает у людей, не у собак. И жалеет не нас, друзей человека. Нет. Литература людей жалеет. Открыто делать это она стесняется, вот потому-то и жалеет по-книжному: и пьяницу Луку Александровича – через Каптанку, и купринского дедушку Лодыжкина – через белого пуделя, ибо: ничто нечеловеческое людям не чуждо...

Понятные-то консервы где нынче сыскать? «Осётр в томате»? «Копчёная камбала в масле»? «Таллинские кильки в винном соусе»? Не надо смеяться. Мы же ведь только вождей своих научились хорошо мариновать. И вот поэтому гремим банками, и медленно, медленно, медленно обрастаем жёстью жёсткой вместо кожи – прозрачной розовой человеческой кожи с абрикосовым пушком.

А покуда мы жнём и пашем только языком своим, да покуда некоторые светильники разума пекут, точно блины, былины про чёрное будущее и лучезарное прошлое, – светлое будущее успело поменяться местами с проклятым прошлым, а мы остались в сегодня, с голой новорожденной правдой – один на один. И снова торжество торжествует.

И снова выстраиваются очереди, очереди, очереди... Стоим стоймя. И ты, милая моя, есть самый последовательный стоик, хотя ни в какой философии ни бум-бум. А лиц-то в тех очередях не увидишь, Маня, там лиц нету, в очередях вообще можно видеть только затылки, одни сплошные затылки. «Кто последний? Я за вами». Вот и вся очередная философия. А хорошо ли смеётся тот, кто последний? Хорошо. Но это уже к очередям не относится. Чтобы в наших очередях смеяться последним, надо стать автоматчиком или долго-долгожителем.

О, кролики перед змеёй! Это целая философия. Человеку можно сколько угодно глядеть на змею и оставаться при этом в своём уме, потому что, если змея пожирает кролика, то это всего лишь её обед, не более того. Но никак невозможно долго смотреть на кролика перед змеёй: кроличьи, остановившиеся в ужасе, глаза способны заразить безумием даже человека с воловьими нервами. Безумие заразительно.

Пора пера! Но – господи, боже мой милостивый, милосердный, помилуй мя, грешного, и укажи: где тот гусь, в котором вызревает-наливается крепким градусом и лёгкой крепостью раблезианское пиршественное перо?.. да, может быть, и вовсе не перо – Перун какой-нибудь, сам Перун, целый и невредимый, славяно-русский молниеносный бог, пионервожатый языческого пантеона – с его древней трепетностью крыла и прицельной основательностью истребителя-перехватчика...

В начале начал или в конце концов, что мы имеем? Мы имеем государство, которое имеет нас (нас = усечённое население). Мы и оно расположились в неоднозначном и неодноимённом имени.

Что бы он, далёкий дедушка, ни говорил об еде, а ведь всё равно в итоге на человека выведет, на едока свернёт, на

жреца и жрицу продовольствия. Вот и тема для урока извечного: человек как продукт питания разных чувств. Человек голодный и сытый, тучный и худой, толстый и тощий, жирный и постный; человек мясистый, костлявый, мозговитый, млекопитающий; человек съедобный, с хорошим вкусом или абсолютно без; фаршированный, с изюминкой, с перчиком, острый и пресный, а ещё и сладкий, и сдобный... – вон оно как!

Значит, так. Первый блин подаётся нищим на помин усопших. А коли нищего поблизости нет, так тот блинок кладут в сенное окошечко с уверенным предположением, что души ушедшие попользуются угощением без посредников. Перед первым же блинком – тёщины уроки, пред которыми стихают в ничтожестве своём и гром небесный, и человеческий гам, и гамлет в жите-быте сумлевающийся, и придорожный трактир с бойкими половыми подавальщиками, и привокзальный буфет с продажными продавщицами, и краснодеревные с серебром рестораны «а ля рюсс»... и всё на свете, и все великие книги перед древним, мудрым, ядрёным, таинственным земным зерном умолкают, и тора не вторит, и коран не укоряет. И третий петушок не кукарекает.

Секунды. Минуты. Часы.

Тикает время, почасываясь на обеденных перерывах – пора пиру, пора пюре! – протираясь в сутки. В недельки. Месяцы. Кварталы. Сезоны. Отопительные. Охотничьи. Бархатные. Модные. Театральные. Пионерлагерные, с первого по третий... Годы. Века. Тысячелетия... Подумать только, уж почти две тысячи лет минуло с той поры, как родился у жены Иосифа Марии младенец мужеского пола. Уж скоро и сам двухтысячный пожалует, грядет. Столько за ним лет, зим, сезонов! Двухтысячный. А смотрится, как новенький. А люди – как старенькие. Беспамятные сыны и блудные отцы-настоятели состояний настоящих и настающих, вчерашние основоположники положений... - и хотели бы они вернуться к старым богам, да уж сами боги не хотят того возвращения... Россия. Коза неказистая. Плуг. Борона. Рукопашное поле. Лошадёнка в травяных лаптях. Железо-то аж до тринадцатого века – на вес золота, подковы не водились, а уж когда завелись – так тоже, считай, на тот же вес ценились, приметой сделались: найти

ея на дороге – к счастью... Россия. Господи, как холодно и протяжно, холодно-то как, господи, как протяжно... Зимой ночи длинные, замыкания короткие, вешай – не вешай ту подкову на дверях, толку-то?

А вечером, когда вот-вот заискрит, заиграет, танцующей походочкой явится к Сочинителю благословенный кураж... а без куражу-то он писать не умеет, он же язычник, а не полковой аккуратный писарь со своим уставом и смиренностью... нет же, нет! у Сочинителя совсем иное на уме: и рыкоделие, и нежность, и музыка, и музыка, которая уже – от Моцарта и соц-арта «до мажор», и возлюбленная историософия топчется в мозгу, и Русь как вызов византийства – кристалище – визави – Россия, коей совсем не возрождение нужно, но – преображение, а душа не на месте, и что она есть такое и где её место – неизвестно, никто толком не знает, кроме одной маленькой девочки, которая уже не раз говорила взрослому Сочинителю с материнским сочувственным терпением: в пятке душа, кругленькая такая, мякенькая и розовая душа, которая боится щекотки...

Ровно в 21 час 25 минут по местному времени, тика-в-тику с эроподобным и векообразующим выстрелом крейсера «Аврора», в палате № 6, предопределённой Антоном Павловичем Чеховым, в сумерки для совы, обозначенные Гегелем... – открылось очередное собрание неофициальной первичной парторганизации КПСС. Повестка дня: «Историософские концепции в поэзии Фёдора Тютчева и Владимира Соловьёва». Да уж, бывают странные сближенья: Жёлтый Дом – бабахаящая крейсера соната – тайный и несчастный ницшеанец в пенсне – тёмная вязкость Гегеля... Что за причуда? Что за игра? Игра за что? Может быть, сама страна такая, самая играющая из всех стран мира? Где всё игристо: вина, воды, глаза, пиковые дамы с бубновыми валютами, русская рулетка, декорации, стадионы, шгабы всех масштабов... Где вполне здоровые люди могут разыгрывать ампула сумасшедших, и – наоборот, а проницательные, даже без оптики, врачи делают вид, что верят тем и другим, то есть тоже играют, и так везде и во всём... Где можно выглядеть очень даже приличным дураком, но только до тех пор, пока окружающие понимают, что ты валяешь дурака: такая игра

долго продолжаться не может... А чего они там, голубчики наши, наговорили да напрудонили без протокола на подпольном собрании, так это есть строгий и совершенный секрет, большая тайна, неизвестная никому, кроме их самих, голубчиков коммунистических, да разве ещё – Тютчеву, Соловьёву, Чехову, Гегелю...

Сомнения не дают уснуть. Они копятя, копятя, копятя – и становятся Капицей... И счастье копится. И радость тоже. И гадость. Так ведь невозможно же жить и быть всю жизнь ходячей копилкой, поросёнком-кошечкой, складбищем страстей. Нет, нет! Никаких копилочек. Всё на свете следует принимать сразу вовнутрь, в самую сердцевину – по мере поступления – и отдавать...

О, нет, это был вовсе не поцелуй. Это была какая-то Цусима, засасывающая глубина, пучина, оглушительно рвущиеся барабанные перепонки – sos! sos! – и медленное, медленное, кружащее, как опадающий с дерева лист, погружение – sos! sos! – кораблекрушение, гибель эскадры, кружение, и бешеное вращение в воронку, устремление в бездну и неотвратимое притяжение вязкого дна... О, эта тыща, да ещё одна тыща и одна ночь широкозадой шехерезады: барышни-крестьянки! капитанской дочки! пиковой дамы с камелиями! и кто ещё там? все, короче, – в одном лице, в египетской ночи, а если по правде сказать, – так фантастика... Вот что такое был один засос Гали-Марго.

Забавное занятие недавно образовалось у персека Сытникова: любую бумажку складывать пополам – до предела, а предел тот – восемь раз. Бзик какой-то. Не семь, не девять – только восемь. Причём, это число раз не зависит от бумажной площади, будь то тетрадная промокашка, или стандартный канцелярский лист для пишущей машинки, или целый разворот полнометражной газеты. Восемь – и баста! Почему? Что кроется за этим фокусом? Какой потаённый смысл в этой загадочной осьмушке? Нет ответа для персека... Пальцы машинально сгибают-перегибают любой попавшийся на глаза листочек, губы шевелятся, ведя привычный счёт, а личность величаво погружается в бесконечно-научную печаль, обозначаемую некоторыми знатоками как пифагорейская философема о гармонии чисел...

Пи́мен да Пи́мен, Пи́мен-летописец... Да пора уж и нам, грешным, пименовать вещи нашего времени и время наших вещей своими именами. Пора...

Колонны демонстрантов будут то растягиваться, то сжиматься, точь-в-точь как русская гармошка с пёстро-ситцевыми мехами, с перламутровыми планками. И у каждого колышка, у каждой урны с чем-то заплёванным, на каждом углу – клянутся, клянутся, клянутся... Богом клянутся, родной мамой, честью, совестью, общественной собственностью на средства производства да чтоб жить на одну зарплату... Всем хорошо. Клятвам плохо.

А уж таймень, король водяной, так тот и вовсе, как молочный поросёнок, годится без всякого масла запускать на жаркое! А потом возложишь этого таймешка на блюдо, кокетливую петрушку в пасть – и готово, вылитый кавалер, дон-жуан разомлевший, иван-царевич после баньки, такого ни в каком царстве-государстве не сыщешь. Но вы, товарищи, всё же ищите. И обрящете. Потому что все ищут. Рыба ищет – где глубже. Собака ищет блох. Нищий ищет копейку. Французы ищут женщину. Русские – крайнего... Вот, может быть, в том крайнем и содержится до поры до времени ваше-наше настоящее или будущее жарко́е...

Необъятные просторы, скверные дороги да чиканутое ваше начальство породили в россиянине качества летательные: легковерие и мечтательность. А что его, этого россиянина, могло держать на земле? Что, в конце концов, создаёт в жизни устойчивое равновесие? Одно из двух. Либо это цепи, либо это собственность. Если судить по лозунгу, в котором пролетариату нечего терять кроме своих цепей, то у вас были одни только цепи. Народ? Да, народ... Житель да житель... или, по-вашему, по-сибирскому, паря да паря, да ещё паря, да ещё... и куда России податься с этими париями? И подалась она в партию. Весь свой народ упаковала в часть народа. В революцию – это ещё раньше случилось – Россия взлетела на воздух, потому что от тяжести цепей освободилась, но собственности не приобрела. И стала парить Россия. До космоса рукой дотронулась, а до стирального порошка не додумалась... Вот я и думаю вместо неё: ежели такое подвешенное состояние слишком долго затянется, то

человек, который не может быть неустойчивым, снова потянется к цепям. Такая вот экология аукается .

У мгновений нет языков. Но вот слово названо: мгновение. Сладкая парочка: я и мгновение... И это названное слово, может быть, более надёжней держит жизнь, чем названный брат. Так увертюра держит всю оперу. И совсем необязательно превращение увертюрных мелодий в лейтмотивы, потому что мы уже точно знаем: зачем и о чём в чёрном бархате ямы будет вздыхать и радоваться оркестр...

Я проигрывал это лето по кусочкам.

Римские календы оборачивались долговыми книгами – долговые книги превращались в реестр грехов, в книгу судеб, в судебник, в Книгу, недосыгаемую, непостижимую, отражённую сверху вниз, но которую, вчерне и снизу вверх, издавна и посеячас складывает вся Россия: кладка за кладкой, камень на камень, кирпич на кирпич, вот уж и нижние не могут докричаться до верхних в рассеянном россиянии, во тьме веков, а Она всё призывает и призывает новых каменщиков, а не одного только, по свидетельству потомка, чернокожего арапа с тёмным чувством собственного долга.

Дивно мне время действия. Чудно. Забавно. И смешно, и страшновато вместе.

Чтобы воочию увидеть время, нехитрое действо понадобится: вот весенняя веточка с набухшей, готовой к зелёному взрыву, почкой; вот, уставившись неподалёку, неподвижная тренога с киносъёмочным аппаратом, чудом двадцатого века, с изрядным запасом чувствительной целлулоидной плёнки, синема, дерзкая шутка братьев Люмьер: мотор! хлопущка! начали! – и день, и ночь, безостановочно, без обедов и перекуров, стрекочет кинокамера, вбирая в себя, в толщу эмульсионных слоёв, невидимое человеческому глазу движение жизни: предродовой вздрог веточкиной почки, после которого она лопаётся, две скорлупки – как две размыкающиеся ладони, как две мачты у стартующей ракеты! – раскрываются, выпуская в свет планетного новожила, существо сморщенное, наихрупчайшее, но упрямое, оно выкручивается из собственных складок и извивов, напрягаясь и ворочаясь, распрямляется, вытягивается, в

росе и солнечном луче, охорашивается узорчатой оборочкой, растёт, покачиваясь на черенке, и в какой-то миг вдруг замирает в росте, будто бы само себе удивилось: вот я какой, лист древесный! живу! – и нет мне дела до вашего кина с его абсурдной, двуличной, как две стороны одной монеты, противоречивой концепцией, в которой фильму ставить и снимать – одно и то же... Хлопушка. Конец. А после конца эту киноленту в другой аппарат поместят и в свете пронзительного светового луча станут раскручивать её магию в ином режиме, в сжатом, в ускоренном темпе, такие-то фокусы, скорости менять по желанию кинщика синема умеет: неделя жизни = минута на экране, и невидимое становится зримым...

Дивно мне действие времени. Чудно. Забавно. И страшновато, и смешновато вместе.

Чтобы воочию увидеть действие, нужно время: годы, десятилетия, а то и века.

В полёте шмеля, запечатленного на киноплёнке, есть не только траектория, есть движение прозрачных крылышек, гармоничное, как музыка, но музыка на сверхскоростном аллегро, недоступном восприятию человека, и тогда он, человек, иллюминат этакий, раскручивает магию киноленты в ином режиме, в растянутом, замедленном темпе, такие-то фокусы, скорости менять по своему хотению, синема научилась: минута жизни = час на экране, и невидимое становится зримым...

Если бы Сочинитель был достаточно образованным человеком, то он не стал бы крутить башкой туда-сюда, он удовлетворился бы зрелым доверием к тому, что зуб неймёт, но существует – и ни в зуб ногой, без сочинительского вертухайского головокружения, без вышестоящих решений в свете постановления, без морально-строительных кодексов, без знамён и звёздных знамений, напившихся крови, без великих починов, без обязательств, долгов и соревнований; подумаешь – остановить мгновенье возни! да хоть все семнадцать! – дело нехитрое, об этом любой хирург знает, и математик, и адвокат, и литературный критик, и астроном – вот профессионалы, остранённые, уверенные мясом, десятком цифр, красноречием, ножницами и парсеками, невозмутимые мастера, циничные авгуры, без ахов и охов,

тем более без этого продолговатого паровозного «О», на котором вообще далеко не уедешь – ни в крупном плане, ни в мелком масштабе, из коих тот же Сочинитель, затеявший рассуждения по-крупному счёту и по-мелкому бесу, сделает как раз всё наоборот, шиворот-навыворот, будучи не в состоянии уразуметь того, что мелкий-то масштаб – это глобус, модель планеты, а крупный – это его, Сочинителя, семь соток на дачном участке... да уж, бывает, что и у авгуров случаются прорехи в ихнем авгурстве, так ведь это бывает не так уж часто, да и то лишь тогда, когда у человека образуется излишек неба, но при этом не хватает истории, вот тогда даже такая неземная, возвышенная наука, как космология или астрономия, допускает снисхождение до гвоздя в подошве, до песчинки в почке, до монетки в кошельке, но уже оттуда, из праха и чуши несусветной, снова и снова улетает в астрал, ко взаимному удовлетворению галактики и песчинки...

Ничего и никого Время не лечит. Оно не клизма, не горчичник, не пирамидон. Оно даже к стенке не ставит и в угол не загоняет. Ему наплевать на грачей, которые опять прилетели, и на двойку, которая тоже опять. Ему глубоко «до фени» хулиганистый вопрос: кого бояться – человека с ружьём, с рублём или голого? Ему, Времени, начхать на то, что именно думают о нём какой-нибудь бывший заведующий материально-технической базой коммунизма, или сегодняшний мультик-миллионер, или будущий губернатор, у которого от классического губернатора – одна лишь губа, которая не дура, а всё остальное – от коммунистической партии... Время беспристрастно к тому, что порешил относительно субъектов федерации трибунал старух на приворотной скамеечке; чем аукнулся аукцион и что демонстрирует очередной демон революции. Времени нет никакого дела до того, что какой-то мастер с Маргаритою ни с того ни с сего взбулгачили мир, а какому-то Илье Ильичу до сих пор снится четвёртый сон Веры Павловны... Ему, Времени, иное дано, третье. Вечно третье. Оно тычет людей носишками в какую-то особую отметину, ниспосланную человечеству свыше, в некий пароль, позволяющий людям безошибочно опознавать человеческое начало друг в друге и посему не ощущать

себя чересчур одинокоными перед вопиющим множеством любовей и ненавистей.

Так что же оно есть, Время? Ситечко, просеивающее семена? Кремень ли, оттачивающий ум и высекающий искру во мраке? Или это просто ангелы играют в песочек... текут века сквозь пальцы... песочные часы... неумолимая воронка... коловращение в бездну – и по часовой стрелке, и против – всё и всех засасывает поцелуем Цусимы – и левых, и правых, и умеренных центристов, и мир на земле, и благоволение в человецех... А может быть Время – всего лишь ремень, не приводной какой-нибудь к чему-нибудь, нет, обыкновенный, отцовский, который до поры до времени висит на гвоздичке, потягивается и только делает вид, что характер у него кожаный?..

Каплями куполов, каплями колоколов стекает оно... слушайте! барабаны устали – в зоопарках элегантно умирают слоны – тишина – ползёт лишайник на камень – слушайте! лишь лишайник...

А ещё птицы кружатся. Как раз в том самом месте, на той высоте, где когда-то возносился храмовый крест, знак положительный, знак сложения земли и неба. Давно уж нет того храма, люди и помнить-то о нём позабыли. Но у птиц память крепкая. Вот и тянутся косяками из далёкого далека, оттуда, где тепло и сытно, – сюда, где Мёня поменее, боли поболее, большевики против меньшевиков, протоиереи против протоплазмы великопостной, в постскриптуме – топор, а лица – как фонари в тумане, и наваждение вождей вожделенных, и голодуха духа, и упокой, упакованный в сени решетчатые, и моря немеряные, и опять двадцать пять: то пядь земли, то пять рублей, кои попеременно занимают друг у друга гениальные виршители... о! эти виршители: похитители велосипедов, повелители мух, раздатчики слонов, укротители вермишели, счетоводы осенних цыплят, горячечные рты, разбитые корыта, бока бокалов, пенные рифы рифм... виршители, одним словом..

Папы Карлы желали добра. Папы Карлы были отзывчивей каменных сводов тюремных камерных бастаионов. Папы Карлы, в конце концов, помогли россиянам, доверчивым и сомнительным, настолько уверовать в особость и почти космическую уникальность, что те принялись, как

саженцы Мичурина и Ягоды, сочинять собственные названия для сущностей и явлений, уже хорошо известных всему подсолнечному миру. Даже не столько сочинять, сколько соглашаться с «сомнением» о том, что преступления – это на самом деле перегибы, что общественные проблемы – это всего лишь пережитки прошлого, что диктатура тирана – это культ личности, а общенациональный кризис – застой, не более того... И мнения иноков одиноких, несущие в себе зерно спасения, уже не плодоносны: близость больших масс искривляет пространство, и мир превращается в мираж, в котором даже преступника от заступника уже не отличить...

Здравый смысл – это для нас уже не столько позиция, сколько эрзац-религия: им заклинают и проклинают по любому поводу, но не руководствуются; во-вторых, так ли уж он нынче здрав, наш здравый смысл, ежели, скованный коростой национальной гордости, откликается на любую «медвежью услугу», в упор не замечает услужливых дураков, что опаснее врага, и, видимо, уже готов принять к исполнению советский вариант известной народной формулировочки с актуальной поправкой: заставь дурака богу молиться, так он и богу своему лоб расшибёт. Наконец, здрав ли он, наш здравый смысл, ежели, например, вековая наша и кровная, и кровавая смычка с Кавказом принимается малыми детьми нашими равнозначно интересной игре «в войнушку», привычно и буднично, в отличие, скажем, от рыжеволосого их сверстника-ирландыша, взирающего со страхом и болью на взрослые игры в Ольстере?

И Несчастлифшиц исчезает сердито разучивать на двоих со скрипкой полонез ре-мажор Винявского... там смычок как шест незримого крошечного плясуна на канате, там мелодия как дождь случайный, и душа крупным планом, очи чёрные, красный плюш Александринки, бело-золотые колонны, парапеты гранитные, решётки чугунные, герои бронзовые, набережные оцепенелые, сфинксы задумчивые, кони очарованные, поэты и острова, и эпистолы страшнее пистолетов...

Народу много. Людей мало. «Людей не хватает!» – стенают высшие российские управленцы. А подходящих людей так и вовсе нет, считанные единицы. И где же мы так

порастерялись и порастрагались? Или чересчур – всерьёз и надолго – заигрались на подмостках истории? Или история наша – закулисная?

Многие ещё помнят пьесу «Любовь Яровая». Правда, самого автора уже позабыли, драматурга Константина Андреевича Тренёва... В 1926 году сочинил свою «Любовь»... «Краткая литературная энциклопедия» отмечает в пьесе широту социально-исторических обобщений, глубокое проникновение в исторические закономерности революционной эпохи. Энциклопедия не врёт. «Судьба главной героини – сельской учительницы Яровой, которая, пережив тяжёлую личную драму (переход мужа на сторону белогвардейцев) и преодолев в себе иллюзии надклассового порядка, становится настоящим товарищем большевиков, защищающих правду социалистического гуманизма, проводящих линию Коммунистической партии в формировании нового человека... В «Любови Яровой» Тренёв явился одним из зачинателей драматургии социалистического реализма». Тут всё верно – от первой косноязычины до последней. Вот только знаки плюса и минуса надобно поменять местами – и всё наполняется новым смыслом: и сельская учительница, и её потерянный муж, и комиссар Кошкин, маузером утверждающий большевистский гуманизм, да и сам Тренёв, не подозревавший о возможных метаморфозах позднейшего прочтения. Фотопортретик Тренёва: чеховское пенсне, сталинские усы, брежневские брови... Так где же мы так заблудились? Какие такие закулисные истории закрутили-закружили Россию, да ещё так, что взгромоздила она на широченные плечи свои львиную долю мировых страданий?..

Достоевского у нас ещё мало знают хотя бы только потому, что многие не помнят имени его идеального литературного героя, князя Мышкина. А между тем, у князя парадоксально значительное имечко – Лев. Лев Мышкин. Каково? Лев Николаевич. Уж после оногo Мышкина иные львы и львиные доли в свет явятся: Толстой, Гумилёв...

В конце семидесятых годов XX века известный польский режиссёр Анджей Вайда обратился к «Идиоту» и поставил спектакль «Настасья Филипповна». Это не инсценировка. Спектакль начинается там и тогда, где и когда кончается роман Достоевского.

И так продолжается российская жизнь-игра... С беспредельной вежливостью князя, который в ответ на истошные крики предлагает: «Не лучше ли нам разойтись: вы направо к себе, а я налево». С истеричными воплями и скорострельным правом фанатичного комиссара... И выходит, что, в общем-то, нигде мы не потерялись и не поистратились. Какими были, такими и остались: между князем Мышкиным и комиссаром Кошкиным. И линия жизни – как на ладони. Иди – от идиота, означающего саму нежность и сострадательную доброту, – до социалистического гуманиста с маузером и в куртке из «чёртовой кожи». Иди – от и до, туда и обратно. Какое пространство?!

– Эва! – восклицают. – Эволюция!

Никаких эволюций. Обычное российское шествие с происшествиями: от Рюрика до Рериха, скачки с препятствиями, бег по пересечённой местности...

Очевидные, и очень, очереди, автоматы с пиво-воды и ЗИМы блестящи и непробиваемы, и зимы неотразимы, а вокруг Мавзолея хороводятся мужественные массовики-затейники и женщины-профи с матерями-одиночками: «Не позволим выносить сор из избы!»...хлещет жизнь, танцуют все: сначала – неопределённо-полое яблочко, усреднённое весьма и синоним кадька, а уж потом – бабий банточный бунт и отрадость невыносимая: барыня, да мазурка с чечёткой мелким бесом поперёк Чечни, да полька-бабочка-сепаратистка с лезгинкою, да ещё цыганочка с выходом из России, всем добровольно плясать приказано, вот они и хлопочут, глухота с немотою да слепота с лепотой в лапоточках лыковых, а весь краткий курс истории государства укладывается спать в «ничего такого не было!», двойные отрицания взаимоуничтожаются и получается «чего было!», а чего было, так то бельём поросло, большая стирка в дому, старые хрестоматии и новые деньги отмываются, и весьма критический господин Белинский, наплевав на свою чахотку, озабочивается по поводу неразрывной связи народности с сарафаном, но что именно он имел в виду под сарафаном, так и не раскрыл, умолчал, возможно, постеснялся...

Соль вопроса. Абсолютная соль Земли. Тютелька в тютельку. В тютельке – пресловутая «соль», посольская

нотка, солнечная – в ноктюрне ли, в серенаде ли, в фантазии с вариациями на тему России – всё из той же оперы: смотря какая соль и струна какая: ежели страна Россия – так одна струна, из многих свитая, а ежели Страдивариус – так то уж будет такая страда, земная и небесная, со страданием и блаженством благодарения, такая!.. что более сподобна не звуком именоваться, но почти библейским письмом к людям страждущим или имеющим на то все основания, при этом важно, чтобы между Страдивариусом и страдой (ох, не эстрадой, упаси бог!) был третий нелишний: Паганини... «нечеловеческая музыка»? о, нет, такой не бывает, такой вообще не существует, отнюдь не музыка бывает наполнена человеком, но, прежде всего, человек – музыкой, и в этом-то вся его и её соль... Вот такой обязательный треугольник получается, самая устойчивая геометрия, строительная конструкция, которую, как говорят, ещё задолго до вольных каменщиков придумали, так какой уж тут Паганини? Паганини – это к слову звука, а до звука слова – чуть ли не поганцы-патагонцы, гурманы-людоеды.

Ранняя осень, ненаписанная fuga.

Движение к Гамлету, в сторону птицы.

И выстроился, и уголком потянулся к аромату тепла косяк белокурых ангелов. Холодно им в России. Вот и улетают туда, где тепло и разноцветно, к берегам жёлтого Нила и Красного моря, на чёрную прародину человечества, к синемелому Средиземноморью, к вечно-зелёному Гефсиманскому саду, где сына человеческого соединило с сыном божьим первое и последнее целование.

О, Сад, Сад! И зачем ты такой вечнозелёный? Ах, если бы ты имел такую обыкновенную возможность хотя бы раз в году отряхнуться листьями по осени августейшей, и задуматься невообразимыми зимами в годовых кольцах своих деревьев, и удивиться новорожденно ростепельным сезонам, и распоясаться на Красной Горке... – может быть, тогда и в человеческом мире, не очень-то поцелуйном, в интерлюдии, меж людей свершилось бы чудо, и то, что когда-то давно было у них содержанием, не стало бы приложением... Но вот нет и нет такой возможности у Сада. Он задуман как памятник от будущего Эдема и не забывает сего. Ждёт.

«...Разве зелёные листки помнят о прошлогодних листьях, ставших теперь удобрением? Чтобы им жить, надо забыть. И разве каждый живущий не хоронит ежедневно такого себя, какой не может забыть, и не рождается ежедневно, не встаёт, забывая скорбь вчерашнего дня!»

Так Пришвин писал в «Незабудках».

«Пришёл Пришвин. Принёс хлеба».

Так Розанов написал о Пришвине.

А памятник по-польски = забыток...

Движение к Гамлету, в сторону птицы, к Саду.

Мания гефсимании. Старая мелодия. Интермеционализм.

Так жестяной звук почтового рожка, не вернувшийся к рожку, может задать кому-то, внимающему и внушающему, целый урок на тему фуги, чем и не замедлил воспользоваться некто Бах Иоганн Себастьяныч.

Так живет на свете самая смелая игрушка – глобус звёздного неба. Мы, товарищи, как должны внимать небу? Мы должны внимать небу изнутри шара. Но глобус не таков, и каждый землянин, учёный и неучёный, смотрит на него извне, с точки зрения Всевышнего – на его последнее представительство. При этом сам Всевышний тут как бы вовсе ни при чём, глобус-то не он смастерил.

Уже готовая fuga. Но только ещё ненаписанная.

И вот оторвался от летящего косяка один белокурый, тонкокожий, самый нетерпеливый и жалостливый. Во-первых, тому две причины на три существа, оставшихся внизу. А «во-вторых» уже даже и не требуется, потому что – напоследок.

– Стреляй! – закричал навстречу глухой сельский житель конюх коня Александр Армагедонский и рванул на груди рубаху. – Всех не перестреляешь!

– Да куда ж вы денетесь, – улыбнулся Амур и спустил тетиву, и вернулся в свой уголок небесный, а стрела полетела певуче.

Конюшиха конюха коня, которая была простой советский человек неперспективной сельской местности, вдруг охнула и уронила ведро с помоями. Ей чтой-то в грудях спёрло. Ей почудилось, что никакая она вовсе и не бабища, и зовут-то её не Авария, а Варя, прежняя подзабытая Варенька, Варварушка, тёплая Варешка-сударушка, и ручки у ей белые и невозможно мякенькие.

И Буланка вздрогнул крупом. В фиолетовых зеркальцах его глаз весь мир выглядел тёплым, добрым, уютным. В

этих глазах нет обиды. Есть лишь недоумение: какой странный мир! то он любит без памяти, то без той же памяти не любит, то убивает, то памятники ставит, но, ставя памятники, не очень торопится понять и помнить.

Конюх коня Александр Армагедонский поднялся с сидельного бревна, потрепал Буланку за гриву, чёлку погладил и вышарил из интересного кармана оплавленную, в фольговой завёртке, закуску народа: «Русские басни. Молочный шоколад с тёртым орехом. ГОСТ 6534-89Е. Кондитерская фабрика «Россия». Куйбышев, пр. Кирова, 257. 100 % гарантия качества и удовольствия. Срок годности 6 месяцев со дня изготовления.»

Такая осень. Такая грамматика: падежи жёлтых листьев, склонения стриженных голов над белым листом. Белокурый в пике – набросок опуса. Движение к Гамлету, в сторону птицы, к зимнему Саду, к тягучим вечерним российским побасенкам.

Имеющий уши да слышит! Я скольжу по тонкому льду воспоминаний; он потрескивает, этот хрупкий, хрусткий, грустный, обманчивый ледок, и, чтобы не оборвалось скольжение, чтобы не обрушиться в тёмный провал беспамятства, – надо не останавливаться, надо двигаться быстро, дальше и дальше, неважно куда, можно в любую сторону, ибо в любую сторону от точки бывшего человеческого местопребывания во времени и пространстве тянется пульсирующий, мерцающий, потрескивающий мозговыми нейрончиками сюжет... Не всё гладко на этом льду, однако же не память в том виновата: запоминаются ведь не годы, но дни, скорее даже – часы и минуты, которые, по человеческому произволу или совершенно невольно, выстраиваются, вытягиваются таким эшелонном, поездом, составом, и каждый из фрагментов жития способен быть абсолютно самостоятельным паровозиком в этом караване – с собственным свистком, фарами, автосцепкой, стопкраном, с передним и задним ходом... Звенья одной цепи, цеплята, как сказал бы мой насмешливый приятель Яшка Яков, Яков в квадрате, а я, несмешливый, тотчас представил бы в воображении невесомых куриных ребятишек, бегущих по одной ниточке друг за дружкой, а потом я представил бы папироски, прикуриваемые по кругу, или рюмочки,

одна за одной, рифмующиеся друг с другом, и все в одной руке грустного мужчины аварийного типа, отвергающего всякую меру...

Великоросскую тоску не перешибить никаким заморским антуражем, даже таким, перед которым пасует самый зашкаленный британский сплин. Эту тоску, эту занозу назойливую, стерву мутноглазую никто и ничто, кажется, не в силах ни истребить, ни ублажить, парнишка Онегин это верно уловил. Ах ты, господи, боже милостивый, чёрт тебя подери! Каминьки, сигары, глентвейны... Да нам до того глентвейна с его загнивающей цивилизацией – ходу не меньше, чем два-три астрономических парсеков, в крайнем случае, столько же генсеков. Ну, что ты будешь делать? Все страны как страны, и только одна – Россия.

Я хочу знать, наконец: почему весь мир идёт через тернии к звёздам, а моё отечество – всегда через жопу и в никуда? Почему отменили небо в алмазах и стали обещать свет в конце тоннеля? Это же обязательный, системно зафиксированный реаниматологами всех стран мира, суровый и трезвый, как гвоздь, признак клинической смерти! И почему никто на этом свете так не умеет жить, как мы не умеем? Мы не боимся новизны? Не боимся. Ни тогда, когда она приходит, ни тогда, когда уходит. Вот пусть и миновала бы нас любая новизна, которая приносит старые неприятности. Это было бы справедливо. И правильно. Только это правильно – без меня. Я об этой справедливости как-то всё неправильно думаю. И всегда так: задумаешься на миг, а сгущёнку такую наворотишь, что чёрт-те что и сбоку бантик. Чертовщинка от жизни, а бантик от художественной литературы. А если бы мозги крутились не просто так, между первой и второй, в перерывчике небольшом?

Если бы мозги не валяли дурака, а сочиняли за деньги художественную литературу... О! Я не стал бы расписывать по часам один день двойного дублинского еврея Стивена-Блума! Я не стал бы разбирать по сиюминутным косточкам один день Ивана Денисовича! Нет! Я совсем наоборот сделаю! Как раз – напротив однажды сказанному, что дольше века длится день, – я целый век в один вечер загоню! Натё! У меня даже название готово для тончайшего, на полстранички, эпоса:

«Один век из жизни Ивана Блума». Такая сгущёнка будет... Плотненькая. Тяжёлая вода... Один сантехник вот всё ходит, ходит и через губу роняет: не думай об секундах свысока. Правильно роняет. Не надо о них так думать. Они не стоят того. Бери выше! У нас же на безымянном пальце – знак свободного человека, нелепый, толстый алюминиевый самодел... Первая попытка. Второе дыхание. Третий мир. Четвёртое измерение. Пятый угол. Шестёрка в колесе... Эх, безымянный ты человек!

На лисапед в карусели! И вот как станет подходить к концу время карусели, отпущенное по синенькой контрамарке, так и окажется, что двойной дублинский еврей и гулаговский зэк непоправимо правы в крохоборском бережении одного-единственного дня, и счастливого часа, и минуты, проклятой на веки веков...

В прошлом году университет по традиции бросили на копку картошки. Колхоз «Свет коммунизма» по сверхточным географическим координатам располагался посреди мировой системы социализма, а посреди «Света» имелся клуб. Правда, никакого света в клубе не было, да он и не нужен был, потому что хромой гармонист из бывших конюхов плевал на электрификацию, он регулярно подтягивал соплю и играл как бог на душу положит, а для этого не требуется электрическое освещение...

*Я любил тебя, Маланья,
До партийного собрания,
А как открылось прение –
Так изменилось мнение...*

Тогда тоже был сентябрь. Прощальный вальс берёз. И мне тогда показалось: так это же тебя, первоклассного дурака, приглашают берёзки на белый танец... Нет! Это не в «Свете коммунизма» было. Это было на другой картошке... Нет, вовсе не на картошке. Раньше картошки... Занесло с тоски на автостанцию, купил автобусный билет и уехал, куда глаза глядят. Но на самом деле они никуда не глядели. А когда начали глядеть, то оказались в Гниловой Пустыни. Деревушка. Зброшенная церквушка стоит и чудится. В трёх-четырёх домишках люди живут, в остальных проживают туристы, транзисторы... Запомнилось из пионерского детства: золотые пчёлы – символы вечности – ворочаются в густой зелёной прохладе

старых лип... Нет символов. И лип нет. В древнем деревянном доме никто не жил. Дом был одинок и резонировал благородно, чутко, с достоинством виолончели, и я не стал нарушать этого покоя и поселился в такой же ничейной летней кухоньке... Рано утром я устремлялся к ничейному чайнику, растапливал ничейную печурку и выходил в ничейный двор посидеть, покурить на бревёшке. А над кухонькой из трубы завивался весёлый дым колечками, лёгкими кудряшками восходил к небесам, и если бы чуть-чуть поглупеть, до детскости или до маразма, то вполне легко можно было бы вообразить, что избушка подвешена к небу на пружинке и вибрирует, лёгкая, почти невесомая. Такое видение усиливали утренние земные испарения, в свете которых очевидные предметы дрожали, расплывались, колеблясь и струясь – оттого ли, что в силу каких-то тайных причин не желали называться своими собственными именами, то ли ещё почему-то, уж не знаю и посейчас... Внизу, сразу по тропинке через заброшенный, буйно возросший, весь взъерошенный огород, – шумела река. За ней, по ту сторону – степная даль. Там, по степи, вдоль по ветру и даже, наверное, чуток опережая его размашистые воздушные потоки, от умеренных до сильных, – ковыляли там ковыли, увлекая за собою языческие страсти в наихристианнейших сердцах и в расхристаных душах...

Если бы люди могли слышать и, слыша, понимать язык камня, воды, уличных фонарей, кровельной жести, чугунных урн, деревянных скамеек, цветочных клумб, деревьев и травы, синих почтовых ящиков, лестничных перил и ступенек...

Если бы люди умели научиться увидеть в песчинке целый микрокосм с орбитами солнц, лун и планет, среди коих, возможно окажется одна самая красивая, живая, с морями и лесами, с городами маленьких людей, и один из них, тамошний звездочёт-астроном пожизненно приник к телескопу в поисках иных миров, в то время, как вся его собственная галактика, песчинка сахарная, со скоростью колыбельной песенки растворяется в чайном стакане, помешиваемая ложечкой другого человека, допустим, счетовода-бухгалтера, существа невеликого, но и немаленького – из области или района, например,

Медведицы, не очень-то и большой, но и не сказать, чтобы уж такой малой...

Если бы люди хотели понять память капли воды и тайны звукохранилища кремниевой пластинки или кварцевого зёрнышка, которые всё на свете видели, слышали и запомнили из жизни людей, и сохраняют ту память до скончания века, и передадут земную историю дальше, вперёд, другим людям, тем, которые однажды смогут, сумеют и захотят...

...И под утро я решился. Я сжёг литерный лист. Я сжёг рукопись. В ней было много воды, но горела она хорошо. Я сжёг эту рукопись, и я был тихо счастлив, остранённо и опустошённо, как никогда прежде со мной не бывало, и я объяснил это тем, что во мне самом, в погорельце, вдруг образовалось пространство, чтобы томиться ненаписанным, и, значит, продолжать жить – между прочим, между войной и миром – с жанром, между каноном и канонадой, между былью-былинкой и дубом-дубинкой, в самодельных куцах края, где человек беззастенчив и боги святости не знают, не ведают...

Я полагал, что Сочинитель был убит горем, что: он всё собирался, собирается, да так и не может собраться с духом, чтобы написать большой рассказ, страниц на десять, а может и на все сто, почему нет? сесть, наконец, за стол, прижать задницу к стулу – и написать всё, что он думает о текущей жизни, и посвятить сочинение светлой памяти четырех апостолов словесности: Рабле, Свифта, Дефо и Сервантеса, они примут, а других и не надобно ему, Сочинителю, человеку свободному, устроенному к свободе не по собственному хотенью даже, но по самой природе, он такой, он сольный, и земли соль, и моря-океана, соль каменотёса с повязкой на лбу, высокая нота соло кустаря-одиночки, избыточное счастье соловья, никто не мешает ему использовать серебряное горлышко по высочайшему назначению, по определению, неважно где, у бога в бороде, в саду Плюшкина, в саду Хлебникова, в слове-саду Тургенева и в городе-саде Маяковского в саду Саади в посадках Джугашвили в досадах де Сада в Садко детсаду во саду ли в огороде где ж ты мой сад вешняя краса встретишь вечерочком милую в садочке в городском саду играет духовой оркестр... – да вот и кошка ещё не

сцапала, и выстрел не сшиб, и соловьяха уже слышит переливчатые фиоритуры и через миг слетит к певцу на ветку, к высочайшему назначению продолжить жизнь, вот жизнь, жизнь и судьба, жизнь как деяния, а в жизни деяний он, ни строчки не написавший, всё пытается перехитрить судьбу, вся жизнь в хитах перехитривания, а после жизни жизни нет, судьба остаётся, но судьба в хиты не играет, по-прежнему, такое вот одиночество, блаженное, неоглашенное, застенчивая степень свободы, щепотка соли, крупинка, число π , условно бесконечная малость, без которой ни одна наука не обходится, и вдруг – сретенье, средостение, встреча с самим собой, внешнего обличья с внутренним голосом, чудно, уж в который раз такое: ода – один – ночь – очи – инок – инакий – икона – честь – есть – отче – естество – отчество – отечество – во! какое оно, одиночество-то... – только начать, а чем кончить-то?..

В кои веки мимолётные кружится упрятанный в самом себе, совершенном, беззвучно умышленный мир: мир звёзд, солнц, галактик, планет с морями и континентами.

В кои веки мимолётные упрятаны в континентах страны и государства с полосатыми границами и таможенными декларациями.

В кои веки упрятаны в государствах метрополии и провинции, губернии, края, уезды со своими городами, городками и райцентрами, сёлами и деревянными деревушками: пунктами населёнными.

В кои веки упрятаны в населённых пунктах дома жителей. В домах жителей живут люди, кошки, мышки, тараканы. В них упрятаны пища и химические элементы, полезные и злокачественные. Как бы – орлы и решки материи.

Матрёшка. Но понарошке. Россыпью мусора, бисером букв, паучками-знаками: колбасы, дома, города, государства, планеты: безыдейные предметы, беспредметные символы идей, концепты, пост литеры: молодым везде у нас каждая кухарка даётя человеку один раз каждому по способности кто не работает проходит как хозяин чтоб сказку сделать и надо прожить её чтобы не курить не сорить по газонам не ходить мойте руки перед едой проверяйте деньги не отходя... Светлое будущее, завтрашний день, день динозавра... Пост факта: не плоть мира, не тварь дрожащая в мечтании о бисере – пульсирующие поля неприкосновенных материй и

энергий, и нет ничего такого, что можно было бы погладить тёплой рукой: вещей нет, стёрлись вещи, остались их невинные названия; это они, названия вещей, должны были истереться от чрезвычайных частот кружения – в пыль и прах, в ничтожество; но тёрлись они, а исчезали вещи, от которых оставались названия, постепенно переходившие в мифы, легенды, предания – в ночь, в чёрный магический бархат мглы: нет дома в чёрном бархате – есть фосфорический конус со змейками электрических разрядов, есть тысячи лампочек в условии свечей, они вспыхивают, мигают, гаснут и вновь зажигаются, подмигивают – мигам вечности тому назад, секундам, мгновениям, пустячкам, светлячкам на гнилушке: «Ну, и кто есть истина?» – никто: всё мусор: слова, и буквы слов, и человек химический, и название человека: «Прах ты и в прах вернёшься»: гирлянда, цепь постоянного тока, переменные искры из зрака – звёзды: нет в чёрном бархате неба чёрного кота, нет дома – есть дрожащий, колеблющийся силуэт, блеклое привидение, скелет фантома, ребристый призрак, мираж: тень теней, песнь песней: «Раз, два, три, ёлочка, гори!»: великая русь навеки сплотила нерушимый союз свободных республик да здравствует единый могучий советский союз созданный волей народов славься наше свободное надёжный оплот дружбы народов... радиоволнам нет дела до децибелов, диапазонов и килогерц, которые сами по себе, а волны по себе сами, только одни волны, только одна пена, кружавчики.....брызги.....соль: партияленинасиланароднаяведёткторжествуюкоммунизма... – разъятый мат: материк: матрёшка: материя... А ещё в кои веки упрятано в Исходе: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли»; ибо всё это есть зло презельное перед совершенством молчания.

Я помню её назубок, кайнозойскую эру. Я раздевал её, точно матрёшку. Четвертичный период. Послеледниковая эпоха – голоцен. Двадцатый век. Соответствующий год – от сотворения мира и от Рождества Христова. Четвёртый квартал. Месяц ноябрь. Вторая декада. День семнадцатый. Пятница. Часиков этак в пять утра с минутками... Являлась арена безмолвия. Точка. Колышек русской недвижимости. Тишь и блажь. Лишь секундная стрелочка нервничает на

левом запястье, изо всех своих хронических сил рвётся сорваться с колышка, вперёд: вперёд – по кругу, будто козлёнок на привязи, и мама-коза – тоже похожа, вот это и есть жизнь, две козы на верёвке, по топтаному, прокопыченному кругу, в круге колышек, да-с, колышек-околышек, околесица священного русского веселья-каруселья, это новый год, праздник, красный день, вокруг него, взялись за руки, па-а-шли! – хоровод, с песнями, с припевками, счастье-то какое, господи!.. – а всё неправда, всё на месте стоит, немотствует, одна лишь видимость, что хоровод, кажется всё, чудится чудное мгновенье, некрещёное, и только одна стрелочка на левом запястье дрожмя доказывает: вот, по крайней мере, она – стремится, движется, и я с запястьем вместе с ней, а это значит, что она и есть тот самый спасительный пустячок, который позволяет человеку-стрелочнику опаматоваться и ужаснуться пред вечностью, выжить в безграничном времени и не забыться в пространстве между провальным мраком амнезии – с одной стороны, и ослепительным, словно вспышка магнезии, озарением разумной памяти – с другой... «Сейчас» для памяти слишком много. Её точка отсчёта, исток, начало – «сейсекунд», «сеймомент». Пустячок. Дрожащая от космических перегрузок стрелочка, открывающая путь в прапамять, в которой неважны «где», «кто» и «когда», несущественно – от каких «от» и до каких «до»: от печки до третьих петухов, от чистого сердца до получки, до приёма пищи и после социализма – счастье-то какое, господи!.. Но спросили однажды Хема: что составляет счастье? «Крепкое здоровье и слабая память», – ответил классик, по ком уже звонил колокол, и застрелился. Классики шутят всерьёз...

Шиллер недавно в руки попал, читаный-перечитаный. И вот только нынче выхватил глаз, как курьёз, – из перечня действующих лиц драмы «Разбойники»: «Беспутные молодые люди, впоследствии разбойники».

Показалось чистою злобой дня. Уж слишком в ней много пророческого, чтобы быть и оставаться простым курьёзом. Слишком много в ней того, что, после Шиллера, «впоследствии», оказалось сущей правдой, разнесённой по миру революциями и театрами всех революций, которые очень полюбили Шиллера.

Вот, скажем, оборонитель и спаситель отечества, готовый, не раздумывая, выстрелить из лука в яблоко на голове сына. Он приготовил две стрелы: одну – для яблока, по желанию ландфохта Геслера, другую – для самого Геслера, ежели первая вдруг окажется смертельной для маленького Вальтера. Таковой выцеливалась цена свободы отечества – две стрелы... Но зачем отечеству такая... нет, не цена такая, а такая свобода? Зачем, спрашивается? Во имя чего она, когда отец, стреляющий в своего сына, может «впоследствии» во имя той же «свободы для всех» придумать кое-что и похлеще для других детей, чужих сыновей?

Над драмою, над игрушечными страстями героев игрушечной страны зрители рыдали, в то время как нужно было бы смеяться, когда ещё имелась возможность всего лишь посмеяться над тем, что настоящая смерть в игрушечной обстановке, в невсамделишной революции представлялась совершенно невероятной. Вот не смеялись – и всё тут. Однако уже тогда «каждый из всех» был помечен мишенью.

Печать яблочка... Это штурвал кормчего. И магическое «колесо жизни». Циферблат часов. «Золотое сечение» с распятым внутри образцовым человеком. И человек сокращённый – в колесовании как казни. Замкнутый на бесконечный маршрут тюремный двор. Воронка. Белка в колесе, и колесо в телеге, и то, что в парках культуры и отдыха на бывших кладбищах называют «чёртовым» – в целях обозрения. Карусель. Пришуренный глаз – левый, правый, третий... Хоровод. Круги по воде. Наборный диск телефона. Гончарный круг. Игровая рулетка – с крупье или с пулей в барабане нагана. Детский волчок. Сетка снайперского прицела. Арена цирка и машинная шестерёнка. Грампластинка и планетарные орбиты... Всё начиналось с мишени, с яблочка. И всё возвращалось на круги... А был ли отец? Был. А был ли мальчик? И мальчик был.

Вероятно, мы уже готовы признать, что главного героя драмы Шиллеровой зовут не Вильгельм Телль, но Вальтер Телль. Когда-то Шиллер пошутил с главным героем, но шутки этой не поняли. И «впоследствии» драма обернулась скверным историческим анекдотом, вызывающим, как всякий анекдот, сердечные приступы смеха. Но к этому времени уже потребовались рыдания...

Ибо мир, такой, в сущности, маленький, сполна познал цену свободы, свободу цен, а также свободные сцены красивых романтических революций, целью которых и был тот самый мальчик с яблочком на макушке – мишенью для папы, который мог попасть стрелой в яблочко, но мог и не попасть.

Театр.

В первом ряду партера – зритель с любовницей, за ним, по степени важности положения, в затылки друг другу глядят зрители с супругами, с жёнами, со своими бабами, девками и без. Все в масках. День за днём да каждый день через день – в масках, в обличьях чужих и разных, но не своих, и привыкли носить, а уж в Новый год – тем паче, человечину свою зайчиком или волком прикрывают. Театр.

Но есть ещё полускрытый раёк. Там можно быть с самим собой, наедине, без маски, без Нового года.

И вот я вижу: средневековый герой пьесы по ходу действия спектакля постепенно, демонстративно и на глазах у зрителей избавляется от своего костюма и грима, чтобы в финале явиться перед театральным залом совершенно современным человеком, словно только что сошедшим с подножки городского трамвая, в мятых джинсах, в лёгком свитере, в кроссовках «Адидас»...

Занавес. Конец? Конец. Но при выходе на поклонение с аплодисментами и цветами актёр предстаёт в прежнем виде, в изначальном обличье и облачении, в тех, в которых начинал исполнение назначенной роли.

Условность происходящего не ограничена сценой, она уходит в зал и спрашивает: а вот теперь, господа, будет самое главное, и вы выбирайте, что именно пожелаете оставить с собой, перевернув время к новому отсчёту?

Условность спрашивает.

Ложи блещут.

Бегут на трамвайную остановку три сестры: Анестезия, Амнезия и Аномалия.

Серия
Альтернативная История:
АИСТ

ГАВРИЛОВ
Георгий Константинович

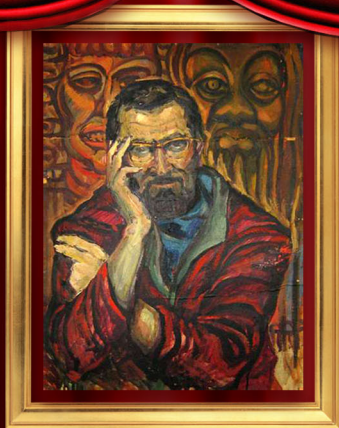
Альманах Крохобора,
или
Достоверная повесть о том,
как я читал роман Виталия Диксона
«Августейший сезон»

Ответственные за выпуск:
Юлия Макарова,
Светлана Червякова
Художественное оформление и логотип серии:
Вера Дунаева

На задней стороне переплёта – портрет Г.Гаврилова
работы художника Юрия Квасова.
Фотографии Виталия Белоколодова, Бориса Гольдберга,
Веры Дунаевой, Александра Князева, Владимира Харитонова,
Сергея Игнатенко, Николая Рютина, Виталия Зоркина,
Алёны Богатых-Корк, из архивов Виталия Диксона и автора.

Подписано в печать 20.07.2011 г. Формат 70x100 1/24
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.печ. л.12,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 14507.

Изготовлено в ООО «Репроцентр А1»
г. Иркутск, ул.Александра Невского, 99/2
тел. 540-940

Георгий Константинович Гаврилов

Театральный режиссёр
Родился в Баку в 1937 году.

Образование:
Иркутский геолого-разведочный техникум (1958);
Театральное училище им. Б. В. Щукина (1973).

В 1955-1978 гг. жил и работал в Иркутске.

В настоящее время -
преподаватель актёрского отделения
Колледжа искусств в г. Прокопьевске.